

Министерство здравоохранения Республики Беларусь
УО «Витебский государственный медицинский университет»

Н.Е. Мусина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ
ПОЛИТИКА В БССР В 1920-е ГОДЫ

Витебск
2015

УДК 328+329.78(476) «1920»
ББК 66.5(4Бел)
М 91

Рекомендовано к изданию научно-техническим Советом УО «ВГМУ» (Протокол № 8 от 14 октября 2014 г.)

Р е ц е н з е н т ы :

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и регионоведения
Псковского государственного университета В.А. Космач;

зав. кафедрой истории Беларуси УО «Витебский государственный университет им.
П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент А.Н. Дулов.

Мусина Н.Е.

М 91 Государственная молодежная политика в БССР в 1920-е годы : монография / Н.Е. Мусина. – Витебск : ВГМУ, 2015. – 147 с.

ISBN 978-985-466-738-6

В монографии рассматривается история молодежной политики, проводимой в БССР в период 1920-х годов. Это был процесс становления советской государственной молодежной политики, проходившей на фоне масштабных, динамичных перемен по социалистическому преобразованию общества. Анализируются связанные с этим проблемы, трудности, противоречия, достижения, а также место и роль молодежи в условиях социальной трансформации общества тех лет.

Адресуется научным работникам, преподавателям, студентам вузов, а также всем, кто интересуется вопросами отечественной истории советского периода.

УДК 328+329.78(476) «1920»
ББК 66.5(4Бел)

ISBN 978-985-466-738-6

© Мусина Н.Е., 2015
© УО «Витебский государственный
медицинский университет», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	8
1. 1 Историография проблемы.....	8
1. 2 Источники и методы исследования.....	14
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В БССР В 1920-Е ГОДЫ.....	18
2.1 Формирование нового человека. Формы и содержание идеологического, нравственно-эстетического, физического и военно- патриотического воспитания	18
2.2 Повышение образовательного уровня молодежи.....	33
2.3 Обеспечение трудовой занятости молодежи	47
2.4 Деятельность общественных организаций и участие в них молодежи	56
ГЛАВА 3. МОЛОДЕЖЬ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ.....	73
3.1 Быт, досуг, семейно-брачные отношения.....	73
3.2 Поведение, настроения молодежи, отношение к проводимой государственной политике	88
3.3 Социально-психологический портрет молодежи Советской Беларуси 20-х гг. XX в.....	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	119
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	123

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время довольно широко используется понятие «государственная молодежная политика». Оно вошло в обиход, общественно-политическую и научную литературу в последние десятилетия прошлого столетия. Во многих странах стали приниматься специальные законы, программы, создаваться структуры по их практической реализации. Подобные меры были предприняты в 1990-е годы и в Беларуси. Возникают вопросы: проводилась ли молодежная политика до этого, насколько обоснованно применение этого понятия к предшествующим периодам? Так, некоторые авторы считают его употребление для советского общества, а значит и для периода 1920-х годов, необоснованным [237, с. 129–130]. Безусловно, определенная политика со стороны государства по отношению к молодежи проводилась и в предыдущие годы. И вовсе не важно, что она не имела ныне принятого названия. Именно такой точки зрения придерживается известный российский исследователь И.М. Ильинский и обосновывает ее в своей монографии «Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория» [76, с. 187]. Применительно к условиям 1920-х гг., пожалуй, более точным будет название «партийно-государственная политика», поскольку именно решения коммунистической партии определяли общую стратегию развития общества и взаимоотношения с молодежью.

С точки зрения изучения данного направления политики в прошлом и осмысления исторического опыта, 1920-е годы представляют особый интерес. Во-первых, – потому что сам по себе это один из наиболее сложных и противоречивых периодов нашей истории. Он связан с глубокими социальными, политическими, экономическими и культурными преобразованиями в обществе. На этот период приходится и процесс *становления* советской молодежной политики. Во-вторых, интересен этот период также тем, что позволяет проанализировать государственную политику по отношению к различным социальным группам (в данном случае – к молодежи) в переходный этап общественного развития. В этом отношении то время несколько созвучно нынешнему в силу происходящих на постсоветском пространстве процессов социальной трансформации.

В условиях общественных преобразований молодежь играет огромную роль. Однако для наиболее эффективного использования ее созидательного потенциала необходимо учитывать некоторые специфические черты этой социально-демографической группы. Они проявляются в мышлении, оценках, поведении молодых людей, а также связаны с решением

таких важных для них возрастных задач, как выбор профессии, ценностный, идеологический выбор, создание семьи и т.д. Молодежь отличается особой чувствительностью ко всему происходящему, восприимчивость к новым идеям, высокая социальная активность. Вместе с тем ей присущи нехватка социального опыта, политическая наивность, а социальная активность может проявляться в различных направлениях и формах. Все это требует адекватной реакции со стороны государственных институтов и общественных организаций. Именно это во многом и определяет содержание государственной молодежной политики.

Политика государства по отношению к молодежи, как и все процессы, которые происходили в 1920-е годы в Советской Беларуси, осуществлялись как неотъемлемая часть всех преобразований, охвативших советское общество. Основные направления этой политики вырабатывались в центре, однако общую картину ее реализации можно представить на основе изучения проведения этой политики на местах, в регионах. В чем состояла специфика Беларуси? Во-первых, в ее геополитическом положении в качестве западной пограничной полосы СССР. В выступлениях партийно-государственных руководителей БССР, ряде документов того времени неоднократно обращалось внимание на пограничное положение Беларуси и необходимость в связи с этим принятия особых мер при осуществлении НЭП, индустриализации, в решении кадровых вопросов. Это касалось и решения некоторых социальных проблем молодых людей. Во-вторых, специфику Беларуси определял характер социально-экономического развития республики. И в-третьих – особенности национальной структуры. Необходимо также отметить, что границы БССР в этот период неоднократно менялись, происходил процесс укрупнения территории Беларуси (к началу 1927 г. население БССР составило около 5 млн. человек). Таким образом, своеобразие геополитического, экономического, национального и культурного характера позволяет рассматривать проявление специфики государственной молодежной политики, место и роль молодежи, молодежного движения в общественно-политической жизни страны в ее региональном аспекте – на территории Беларуси.

Стоит отметить, что партия большевиков изначально, еще до установления Советской власти осознавала необходимость привлечения молодежи на свою сторону, предполагая впоследствии ее коммунистическую «переделку» ради осуществления задач социалистического строительства. Молодежь составляла значительную часть общества как в России, так и в Беларуси (к данной социальной группе применительно к исследуемому пе-

риоду относятся молодые люди от 14 до 23–24 лет, в числе которых подростки от 14 до 16 лет; возрастные границы определяются средней продолжительностью жизни в конкретный период, физиологическим созреванием и началом трудовой деятельности). В силу этого борьба между различными идейно-политическими силами за влияние на молодежь представлялась очень важной задачей.

Под государственной молодежной политикой в контексте данной работы следует понимать деятельность государства, его органов, учреждений и организаций, направленную на взаимодействие с молодежью, молодежным движением в осуществлении процесса социализации молодого поколения, вовлечении его в те процессы, которые происходили в обществе. Основными субъектами молодежной политики следует определить не только государство, в лице его специальных органов, но и партийные структуры. В качестве субъектов рассматриваются также сама молодежь и различные общественные организации (из их числа основным проводником молодежной политики стал комсомол). Понятие «государственная молодежная политика» включает также концептуальное определение места и роли молодого поколения в обществе и практические меры по осуществлению молодежной политики. Концептуальные положения молодежной политики в исследуемый период определялись идеологическими установками большевистской партии и Советской власти. Они были связаны с задачами социалистического строительства и нашли отражение в Конституциях 1919 и 1927 гг. Эти Конституции носили открыто классовый характер. В числе основных направлений политики государства по отношению к молодежи можно выделить следующие: воспитание и образование, трудовая занятость и материальное обеспечение, создание и участие молодежи в общественных организациях и движениях. Эти направления политики были связаны как с решением возрастных задач самой молодежи, так и с общими целями развития общества в 1920-е гг. Рассмотрение таких сторон жизни, как быт, досуг, семейно-брачные отношения, настроения, поведение молодых людей (в том числе и девиантные формы), то есть всего того, что охватывает преимущественно частную сторону жизни молодых людей, позволяет увидеть степень воздействия на молодежь проводимой политики с точки зрения намеченных преобразований.

Итак, в данной работе ставилась задача проанализировать процесс формирования молодежной политики в условиях Советской Беларуси, выявив ее основные направления, формы и методы. Представлялось важным показать ее как складывающуюся систему, находящуюся в постоянной ди-

намике, оценить эффективность, а также рассмотреть эту политику через восприятие самой молодежи. В ходе исследования были изучены и использованы документы государственных, партийных органов, общественных организаций, находящиеся в областных архивах городов Минска, Витебска, Гомеля, Могилева, а также документы Национального Архива Республики Беларусь (Минск) и Российского государственного архива социально-политической истории (Москва). Изучение истории молодежной политики представляет не только научно-теоретический интерес, но и практическую значимость, поскольку опыт прошлых лет позволит в большей степени учитывать роль молодежи и ее потенциал в условиях современного общества.

ГЛАВА 1

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. 1 Историография проблемы

Тема молодежной политики частично освещалась белорусскими историками, однако не была предметом специального исследования. К настоящему времени в большей степени оказались изученными вопросы народного образования, а также различные проблемы молодежи и молодежного движения (правда, фактически сводимого к комсомолу). Но это лишь некоторые аспекты заявленной темы. К тому же в советский период было не принято подвергать сомнению правильность проводимой политики и подвергать ее критической оценке. Потребность сегодняшнего дня – в более глубоком, разностороннем, системном анализе этой политики по отношению к молодежи. Для более подробного историографического анализа проблемы можно выделить ряд этапов.

Первый этап – 1920-1930-е гг. Литературу этого периода, представляющую интерес для данного исследования, можно подразделить на две категории. Первая – больше социологического характера. В ней отражены результаты эмпирических исследований различных проблем молодежи. Следует отметить, что эмпирические исследования довольно широко проводились в те годы как в центральных российских городах и областях, так и в отдельных национальных республиках, в том числе в Беларуси [5, 85, 129-130, 160, 204, 209–210, 226]. Уже в первые десятилетия Советская власть проявляла интерес к различным сторонам жизни молодежи, особенно рабочей и учащейся. Необходимость этих знаний диктовалась задачами социалистического строительства и активного включения в него молодежи, воспитанной в духе новых идеалов. Правда, исследователями часто были не социологи, а врачи, педагоги и др. Общий уровень теоретического анализа многих молодежных проблем при этом был невысок.

Другая категория литературы по молодежным проблемам – агитационно-пропагандистского характера. В 1930-е годы практически все, что касалось молодежной проблематики, сводилось к статьям и брошюрам, прославляющим комсомол, критике старого наследия, мелкобуржуазных пережитков, препятствующих формированию у молодежи коммунистиче-

ского мировоззрения [84, 85, 126]. Такой подход был обусловлен складывающейся общественно-политической обстановкой в стране в целом. Методологической основой исторической науки становились положения «Краткого курса истории ВКП(б)» и руководящие документы партии. В итоге, публикации тех лет в большинстве своем оказались чрезмерно идеологизированными и политизированными. В эти же годы стала складываться традиция сведения истории молодежного движения к истории комсомола, сохранялась она вплоть до 1980-х гг. Названные работы, тем не менее, представляют интерес в силу того, что их авторы – партийные и комсомольские работники – были современниками и участниками событий тех лет [6–9, 19, 20, 30–31, 69, 94, 110, 160, 166, 204, 209–210, 220–221, 226, 232–233, 256].

Второй этап – 1950-1980-е гг. В этот период центральной проблемой в молодежной тематике советской историографии (в том числе и белорусской) становится история комсомола в различных аспектах и ракурсах (часто с формулировкой «комсомол – активный помощник Коммунистической партии») [46, 63, 64, 83, 132, 139, 165, 236, 273]. По данным белорусского историка С.Ф. Дахии, к 1969 году в СССР было защищено 328 докторских и кандидатских диссертаций, посвященных международному молодежному движению, деятельности комсомольских организаций. В их числе по истории комсомола Беларуси были защищены 1 докторская и 9 кандидатских диссертаций, освещающих различные периоды и аспекты деятельности этой организации [46, с. 4]. Теоретической и методологической базой этих исследований явились труды классиков марксизма-ленинизма и решения партийных съездов. По истории комсомола Беларуси диссертационные исследования продолжались вплоть до 1986 г. (было защищено еще 37 работ, 5 из них частично касались 1920-х гг.).

В рамках комсомольско-молодежной тематики в 1970-е годы были изданы «Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии». Коллектив авторов стремился показать процесс развития молодежного движения в стране, республике. Но фактически эти исследования свелись к теме создания комсомольских ячеек и их борьбе с другими молодежными организациями, в которых «преобладала не пролетарская молодежь, а либо учащиеся и молодые служащие, либо ученики ремесленников, «мальчишки» из лавок... и т.д.» [158, с. 37]. В 1979 г. вышла работа В.И. Новицкого и Е.К. Новика «Участие ленинского комсомола Белоруссии в борьбе за подъем народного образования (1920 – июнь 1941 гг.)». В ней исследуется участие республиканского комсомола в социалистических преобразованиях, вос-

питании, культурном строительстве, а также содержится подробный историографический обзор литературы по комсомольско-молодежной проблематике [139].

При всем достоинстве этих работ – приводится богатый фактический материал по участию комсомола в социалистических преобразованиях в республике, раскрывается содержание руководящих партийных и государственных документов – нельзя не отметить и их недостатки, обусловленные общим состоянием исторической науки в тот период. В их числе: тенденциозность в подборе фактов, некритичность, незыблемость оценок партийного руководства. Противоречивые тенденции в сознании нового советского человека упрощенно рассматривались с точки зрения борьбы «нового со старым». Этнографические описания быта, досуга, дополняющие общую картину жизни советских людей (молодежи в том числе) [95], сохраняли подобный упрощенно-схематичный подход.

В этот период активно изучается также советская система образования, в том числе и высшего. Эти проблемы исследовались и белорусскими историками [4, 133, 138]. Однако, в вопросах школьной политики, советской системы образования речь шла преимущественно о достижениях. Тем не менее, часть этих работ не утратила своего значения и сегодня.

С 1960-х гг. в СССР возобновились и приобрели широкий размах эмпирические и теоретические исследования по проблемам молодежи. Это позволило историкам выйти за рамки комсомольской тематики, представить молодежь в более широком плане, показав особенности ее образа жизни при социализме. При этом использовались исследования социологов. В 1970 – 1980-е гг. вышли работы В.М. Блинова, Н.Б. Лебиной [14, 106, 107]. Их исследования касались других регионов, но их ценность – в более глубоком теоретическом осмыслении данных эмпирических исследований молодежи. В своей монографии «Рабочая молодежь Ленинграда: труд и социальный облик в 1921–1925 годы» Н.Б. Лебина обосновывает возрастные рамки молодежи для данного исторического периода (14 и 24 года [107, с. 11])¹. Автор исследует такие проблемы, как профессиональное самоопределение молодых рабочих, их отношение к религии, культурные запросы, формирование нравственного облика молодежи, условия жизни и быта – все те вопросы, которые характеризуют молодежь как объект и результат воздействия со стороны советского государства [106, 107]. В дан-

¹ Вопрос об определении возрастных границ молодежи как социально-демографической группы является дискуссионным.

ной монографии анализируется политика КПСС в отношении рабочей молодежи на основе изучения документов государственных и партийных органов. Эти же вопросы во многом рассматриваются в работе белорусского историка В.М. Иванова «Нарыс дэмаграфіі, сацыялогіі і быту рабочага класа Савецкай Беларусі (1917–1941 гг.)» [70]. Автор на основе эмпирических данных, периодической печати, партийных документов изучил вопросы повседневной жизни рабочего класса, молодых рабочих в том числе. В эти же годы была издана «История рабочего класса Белорусской ССР» (в 4-х томах), где также рассматривались некоторые вопросы, касающиеся общественно-политической активности, обучения, занятости, быта рабочей молодежи, в целом позитивно оценивая изменения в этих сферах [80].

Таким образом, историография данного периода представлена преимущественно литературой, посвященной вопросам образования и комсомольско-молодежной проблематики. С одной стороны, наметился выход историков за рамки комсомольской тематики, но с другой стороны, сохранялись классовый подход в исследованиях проблем молодежи и некоторая тенденциозность оценок.

Третий этап – со второй половины 1980-х гг. В эти годы были написаны статьи, монографии, кандидатские и докторские диссертации, в которых авторы, основываясь на более широком круге источников, применяя новые подходы и методы исследования, предприняли попытки переосмысления проблем исторического прошлого. В центре внимания многих из них вновь оказался период 1920-х годов, в том числе и некоторые аспекты заявленной темы. Пожалуй, наступило время для более глубокого осмысления и непредвзятых оценок событий тех лет. Белорусские исследователи также внесли свой вклад в изучение этого периода. В их числе – Р.П. Платонов, М.П. Костюк, М.А. Беспалая, Г.И. Касперович, Т.С. Протько и др. Их работы позволяют рассматривать контекст событий исследуемого периода во всей противоречивости и сложности.

Вновь привлекают внимание исследователей вопросы образовательной политики, но уже с более критических позиций (Л.М. Лыч, В.И. Новицкий, Е. Новик, И. Шевчук, Л. Смиловицкий, И.Н. Романова, А.М. Касперович, М.Н. Соколов и др.). Так, например, долгое время в научной литературе принцип классового подбора, политика пролетаризации образования, и в соответствии с этим проводимые «чистки», однозначно оценивалась положительно. Л. Лыч и В. Новицкий ставят под сомнение правильность такой оценки [115]. В центре внимания также оказались различные категории учащейся и студенческой молодежи [224–225, 240–241].

М.Н. Соколов, в частности, изучил становление такой социальной группы, как студенчество высшей школы Беларуси 1920-х годов, государственную политику по формированию социального и национального состава студентов, их общественно-политические организации, социальные и культурные потребности, деятельность рабфаков.

Политика Советского государства в условиях БССР по отношению к различным категориям населения, в частности – к женщинам, анализируется А.Н. Дуловым в контексте выбранной им темы [59, 60]. Автор рассмотрел участие женщин Советской Беларуси в общественно-политической жизни и материальном производстве в 1920-е годы. Такие категории, как «гендерный порядок», «гендерная политика», «гендерные стереотипы», являются центральными в его исследовании и представляют интерес для изучения государственной политики по отношению к молодежи через призму гендерных отношений. Автор, в частности, утверждает, что при сохранении устойчивых гендерных стереотипов среди мужчин и самих женщин, в 1920-е годы наметилась тенденция проявления интереса к общественно-политической жизни среди части женщин.

В последние годы отмечается интерес к деятельности общественных организаций и движений в первые послереволюционные десятилетия [12, 170], в том числе краеведческому движению, обществу «Друг детей» [55, 93, 243], молодежному движению [45]. Эти работы также затрагивают те или иные аспекты государственной политики по отношению к молодежи в 1920-е гг. Изучение процесса создания политических партий и общественных объединений, движений в Беларуси в предшествующие годы (М. Соколова, Н. Сташкевич [223, 242, 248]) позволило проследить проявления социальной активности, инициативы населения в исторической перспективе (в 1920-е годы – применительно к молодежи). В целом же, вопросы активности молодежи, создание и участие в различных общественных организациях, на взгляд автора, требуют дальнейшего и более глубокого изучения.

В российской историографии, начиная с 1990-х гг., начинается целенаправленное изучение государственной молодежной политики. В научных публикациях, диссертациях авторы стремились осветить молодежную политику, взаимоотношения государства и молодого поколения в самых различных аспектах: историческом, политологическом, социологическом, философском, юридическом, педагогическом; в ракурсе прошлых и нынешних лет, в масштабах всей страны и отдельных регионов [11, 41, 44, 76, 78, 97, 102, 122, 214–215, 262]. Так, например, Э.В. Хубулова и В.И. Исаев

прослеживают процесс социализации, формирования молодого поколения в условиях трансформирующегося общества 1920-х гг. в региональном аспекте (Северная Осетия, Сибирь) [262; 78]. Сложность и противоречивость этого процесса, по мнению В. И. Исаева, были обусловлены сочетанием революционных преобразований российского общества с модернизационными процессами, связанными с переходом к индустриально-урбанистическому обществу. Это послужило концептуальным направлением его исследования. Л.В. Кульгускина свою работу посвятила изучению процесса формирования новой ментальности молодого поколения, используя при этом как традиционные для исторической науки источники, так и нетрадиционные (буквари, учебники, школьные сочинения, плакаты, игрушки и пр.) [102]. Реальный образ молодого человека, отраженный через многообразие его отношений и взаимодействий, элементы повседневной жизни, исследовал А.Ю. Рожков [216, 217]. История и историография молодежного движения и молодежных организаций стали предметом исследования Н.И. Морозова [131], раскрытие «белых пятен» истории комсомола – А.А. Галагана [38].

Многие стороны повседневной жизни молодежи в течение многих лет изучения истории советского общества не рассматривались. Это, так называемые, «теневые стороны», которым, как представлялось, не должно было быть места при социализме. Если подобные попытки и предпринимались (с 1960-х годов), то они изучались, как проявления антиобщественного поведения. Обычно для их обозначения использовались такие термины, как асоциальность, аморальность, неэтическое поведение, социальная аномалия, болезненные явления и т.п. [18, 43, 108, 177] (сейчас используется термин, позаимствованный историками из психологии и социологии, «девиантность»). Одним из первых наиболее детальный анализ явлений «социального паразитизма» («социальных аномалий») в 1920-е гг. принял Г.А. Бордюгов [18].

Достоинством указанных работ является то, что вопросы молодежной политики стали рассматриваться с позиций различных наук, концептуальных подходов, через сферу повседневной жизни, ментальных установок. Все эти знания обогащают наши представления об этом сложном и противоречивом периоде нашей истории и о самой молодежи в контексте событий тех лет.

В Беларуси одними из первых к изучению молодежной политики (применительно к современным условиям) подошли В.Н. Яковчук (через призму теоретико-методологических проблем) [274], М.Н. Русакович (в

аспекте социальной защиты молодежи, на материалах Могилевской области) [219]. Применительно к 1920-м годам широкий круг вопросов молодежи Советской Беларуси – ее социально-экономическое положение, участие в общественных преобразованиях – проанализировал В.В. Данилович. При этом, рассматривая роль государства и комсомола в защите социально-экономических интересов различных категорий молодежи, автор делает вывод о приоритете политических целей [45].

Итак, многочисленные публикации последних лет свидетельствуют о научном интересе к периоду 1920-х годов [45, 55, 60, 201, 272 и др.]. В этих работах рассматриваются различные аспекты политики Советского государства по отношению к молодежи, в том числе и в условиях Беларуси, с использованием различные концептуальных, методологических подходов и междисциплинарных связей. Начинается целенаправленное изучение и самой государственной молодежной политики в различных аспектах, в том числе и ее истории. Данная работа представляет собой попытку обобщающего исторического исследования государственной молодежной политики, проводимой в условиях БССР в 1920-е годы.

1. 2 Источники и методы исследования

В качестве источников для данного исследования были использованы разнообразные по своему характеру и содержанию документы и материалы. Из нормативно-правовых актов, относящихся к рассматриваемому периоду, представляли интерес документы как общесоюзного, так и республиканского уровня. Были изучены резолюции партийных съездов, конференций, постановления ЦК ВКП(б) и КП(б)Б о работе среди молодежи, союзах молодежи. В них задавались основные идеологические и социально-политические установки политики государства по отношению к молодежи, которые оказывали серьезное воздействие на различные стороны жизни молодых людей.

В материалах делопроизводства государственных, партийных органов, а также общественных организаций, действующих в этот период, особое место занимают протоколы, стенограммы, циркуляры, инструкции, отчеты, сводки, письма и пр. Они позволяют проследить основные направления политики государства по отношению к молодежи, их реализацию, а также настроения молодых людей, их отношение к проводимым мероприятиям. При этом большое значение для исследования имели различные до-

кументы секретного характера (циркуляры, информационные сводки и пр.). В них содержатся негласные установки партийным и комсомольским руководителям нижестоящего уровня, информация о настроениях молодых людей. Изучение этих документов (в совокупности с другими) позволяет более реалистично представить картину тех лет.

Были использованы также документы, опубликованные в сборниках [13, 71, 128, 161, 255]. Хотелось бы отметить изданный в Москве в 2000 г. сборник «Молодежное движение России в документах (1905–1938 гг.)». В него вошли многие засекреченные прежде материалы по истории молодежного движения 1920-х годов [128]. В документах этого сборника содержатся установки, которыми должны были руководствоваться комсомольские организации в отношениях с другими молодежными организациями, отражаются события и тенденции общего характера, информируется о ситуации в регионах, в том числе Беларуси.

Статистические данные позволили представить общую долю молодежи в составе населения Беларуси, соотношение различных категорий молодежи по полу, месту жительства, уровню грамотности и т.д. [33, 84, 246, 247]. Некоторые сведения, касающиеся членства молодых людей в комсомоле и Коммунистической партии, содержатся в сборниках «Ленинский комсомол Белоруссии в цифрах и фактах: 1920 – 1980» [111], «Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах» [96], в архивных документах [163]. Были использованы не только опубликованные, но и неопубликованные ранее архивные статистические источники.

Изучение государственной молодежной политики только через призму официальных документов было бы неполным без рассмотрения результата этой политики – самих молодых людей с их проблемами, переживаниями, настроениями. Эту картину помогают воссоздать источники личного происхождения (письма, воспоминания современников, участников событий исследуемого периода). Были использованы также материалы периодической печати. В силу идеологической направленности периодические издания не всегда могли дать полную и адекватную картину действительности. Тем не менее, они важны для осознания атмосферы тех лет, представления о направлениях общей политики государства и преломлении ее в молодежной среде.

Публикации руководителей компартии и советского государства (В.И.Ленина, И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского и др.) [20, 110, 114, 232-233, 245, 256], их статьи и выступления в ракурсе исследуемой темы также имеют существенное значение. В них, как и

в основных документах коммунистической партии, определялась стратегическая линия политики партии по отношению к молодежи и юношеским организациям, партийного руководства комсомолом. В публикациях, авторами которых были партийные и государственные руководители белорусской республики (А. Г. Червяков, А.В. Балицкий, В.Г. Кнорин и др.) [6-9, 94, 171-172, 180], отражается не просто их личная позиция, а идеологические установки руководства того времени и обоснование проводимой политики в условиях БССР. В силу подверженности молодежи новым идеям эти установки оказывали ощутимое воздействие на молодежь.

Исследование в совокупности широкого круга разнообразных источников позволяет наиболее полно и объективно проанализировать проводимую государством политику по отношению к молодежи в 1920-х гг., ее основные направления, тенденции, увидеть сложности и успехи ее реализации, оценить достоинства и недостатки.

Изучение молодежной политики в БССР в 1920-е годы затрагивает два основных аспекта – историю белорусского общества советского периода и молодежь как социально-демографическую группу в историческом аспекте. Это предполагает использование соответствующих концептуальных и теоретико-методологических подходов, возможностей междисциплинарных связей. При этом изучение некоторых психологических аспектов личности молодых людей, их реакции на проводимую политику, молодежи как социальной группы позволяет рассмотреть государственную молодежную политику как на макро-, так и на микроуровне.

Методологической основой диссертации стали основополагающие научные принципы объективности, историзма, системности. Эти принципы реализовывались посредством специально-исторических методов – историко-генетического, историко-сравнительного, историко-системного, историко-типологического. Правда, историко-генетический метод при анализе государственной молодежной политики в БССР в 1920-е годы имеет некоторую ограниченность применения из-за относительной кратковременности рассматриваемого периода. В этот период происходит *становление* государственной молодежной политики Советского государства. Тем не менее, некоторые динамические характеристики, тенденции можно проследить и в рамках исследуемого периода. Историко-сравнительный метод применялся при сопоставлении, например, некоторых мероприятий проводимой политики в СССР и БССР, выявлении специфики молодежи Беларуси.

Из нетрадиционных специально-исторических методов использовался социально-психологический, позволяющий представить молодых людей – непосредственных участников событий и процессов 1920-х годов – с их чувствами, эмоциями, переживаниями и настроениями.

Поскольку работа содержит социологический и политологический аспекты, применялись элементы подходов этих наук, в частности, структурно-функциональный и институциональный анализ. Структурный функционализм, дополняющий системный анализ, позволил акцентировать внимание на роли, значении основных институтов, обеспечивающих функционирование системы (в данном случае – советского государства). В рамках исследуемой темы наибольший интерес представляли политические институты, обеспечивающие достижение цели, и социализирующие (семья, церковь, образование), призванные согласовывать внутренние мотивации с целями и ценностями общества, государства. Институционализм позволил увидеть, как созданные новые структуры приобретают впоследствии самодовлеющий характер, предписывая людям соответствующие нормы и правила поведения, новые ценности. Этот процесс особенно наглядно можно было проследить на примере деятельности комсомольской организации.

Совокупное использование различных взаимодополняющих друг друга подходов и методов позволяло всесторонне подойти к рассмотрению государственной молодежной политики в БССР в 1920-е годы, добиваясь объективности и достоверности исследования.

ГЛАВА 2

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В БССР В 1920-Е ГОДЫ

2.1 Формирование нового человека. Формы и содержание идеологического, нравственно-эстетического, физического и военно-патриотического воспитания

Строительство социалистического общества как стратегическая цель партии большевиков включала решение такой важной задачи, как формирование нового человека с соответствующими духовными и физическими качествами, моральными нормами и мировоззренческими установками. Создававшаяся система ценностей основывалась на идеологических принципах Советской власти в духе классового подхода. Политика государства по воспитанию человека нового типа была направлена, прежде всего, на молодежь. «Воспитание для нас означает воспитание именно нового человека, поскольку старый человек, воспитывавшийся в хаотическом и акультурном капиталистическом обществе, является неудовлетворительным», – говорил в своем выступлении нарком просвещения А.В. Луначарский [114, с. 11]. Проблема воспитания молодежи – не просто вовлечения ее в трудовую деятельность, а активного и сознательного включения в работу по переустройству общества на социалистических началах – стала одной из значимых для советского государства.

Процесс воспитания рассматривался как процесс переделки людского материала, искоренения старых традиций. При этом прежние ценности и идеалы подвергались пересмотру вплоть до полного их отрицания. В числе важнейших качеств нового человека должны были стать вера в идеалы коммунизма, личный аскетизм, способность бороться с врагами, коллективизм, необходимость ставить интересы общества выше личных, моральная устойчивость и т. д. В формировании этих качеств должны были быть задействованы не только школа, но и средства массовой информации, литература, кино, театр. Воспитание в соответствии с образом идеального человека-борца начиналось с детства. Детский сад, школа, профтехшкола, детский дом, клуб, библиотека, техникум, музей, вуз, исследовательский институт – все это, по словам известного в те годы обществоведа С.Я. Вольфсона, должно было стать звеньями единой цепи «педагогики в ши-

роком смысле слова». Эту мысль он высказал в своем докладе «Марксизм и педагогика» [30, с. 36]. Акцентируя внимание на системе образования как основном звене в процессе воспитания, в том же своем докладе он не без пафоса выразил следующую мысль: «Педагогика представляет собой воистину невозделанное поле, которое необходимо вспахать и перепахать марксистским плугом, поле, на котором ... заколосятся новые плодотворные идеи воспитания личности, воздействия на нее коллектива, ее здорового, закономерного, гармоничного формирования» [30, с. 8].

Школа, учебное заведение становились не просто образовательными учреждениями, а основными социализирующими и все более идеологизированными институтами. Вопрос подготовки кадров приобретал характер «политической важности», подготовки «настоящих строителей социализма» [171, с. 12]. Органы просвещения несли ответственность не только за образование, но и за идеологическое воспитание. Этой же цели был подчинен созданный в структуре Народного Комиссариата Просвещения специальный отдел – политико-просветительный, преобразованный в Главполитпросвет (Декретом СНК РСФСР 12 ноября 1920 г.). Этот орган, как предполагалось, не подменяя функций Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП (б) и соответствующих отделов партийных организаций, должен был тесно взаимодействовать с комсомолом и профсоюзными организациями и объединять всю политико-просветительную, идейно-воспитательную работу в стране. При нем специальных органов для работы среди молодежи не создавалось, но представители комсомола с совещательным голосом включались в коллегию Главполитпросвета. К 1929–1930 гг. по мере усиления централизации власти надобность в этой структуре, как лишнего звена в цепочке, отпала. По решению IX съезда РКП(б) (август 1920 г.), в структуру партийных органов, вводились отделы агитации и пропаганды. Позже такие отделы стали создаваться во всех губкомах, бюро ЦК союзных республик, крупных парткомах [199, с. 90–91]. С 1925 г. планомерно, в массовом порядке стала проводиться идеологическая работа в организациях и коллективах. Доводились «нужные» установки, давались «правильные» оценки происходящим событиям.

Именно школа со своей системой образования и воспитания, а не семья, как представлялось, с ее тяжелыми условиями быта и «мелкобуржуазным укладом», должна была сыграть особую роль в деле классового воспитания молодежи, создания нового человека. Семья зачастую воспринималась как чуть ли не враждебная стихия, оказывающая разлагающее влияние на подрастающее поколение. Важным представлялось оградить ее

от воздействия на процесс воспитания. Школам, учебным заведениям предписывалось так построить свою работу, чтобы максимально увеличить в них время пребывания учащихся, например, через кружки, клубы. Считалось, что то небольшое время (4-5 часов), которое дети проводят в школе, недостаточно для того, чтобы проводить «что-нибудь полное и цельное в воспитательном отношении»; необходимо обеспечить максимально – до 99 % – школьное влияние, а домашнее влияние свести к минимуму [25, л. 4; 26, л. 81]. Более того, комсомолец и даже пионер должны были «влиять революционную струю» в семью, то есть проводить в ней политико-просветительскую работу: прочитать газету, разъяснить содержание и цель основных мероприятий, проводимых в республике и пр. Вопрос о работе среди родителей, в семье специально обсуждался на собраниях пионерских работников [195].

Семейные ценности, ценность семьи, в этот период не внедрялись в сознание молодых людей как значимые. Право на индивидуальную семью в социалистическом обществе признавалось, но ставилась под сомнение необходимость ее существования [114, с. 44]. Проблемы отцов и детей, преемственности поколений рассматривались через призму верности молодого поколения старшему революционному поколению. Примером того, что отношениям, конфликту между поколениями придавалось политическое значение, свидетельствует разгоревшаяся дискуссия в ноябре 1923 – декабре 1924 гг., вызванная публикацией статьи Л.Д. Троцкого «Новый курс (письмо к партийным совещаниям)» [256, с. 164–197]. В дискуссии принял участие и комсомол Беларуси. Один из обсуждаемых вопросов – о поколениях. Позже последовали обвинения в адрес Троцкого в попытках спровоцировать конфликт поколений, возродить в партии буржуазные взгляды на проблему отцов и детей, поколебать веру молодежи в партию, ее старшее революционное поколение [117, с. 9, 15].

Помимо школы центрами политико-просветительной работы стали также избы-читальни. В их деятельности активное участие принимала та часть молодежи, которая с энтузиазмом восприняла революционные лозунги [22, с. 29–30]. Деятельность изб-читален носила не просто культурно-просветительский характер, а именно идейно-политический. За их работой следили партийные и государственные органы. Так, например, для устранения недостатков в работе и оказанию большего внимания, поддержке избам-читальням в сентябре 1925 г. был издан специальный Циркуляр НКВД БССР [263, с. 32].

В свете намеченных целей и задач советского государства важным представлялось решение острых социальных проблем подрастающего поколения, а также изучения самой молодежи, ее потребностей, интересов, настроений, идеологических установок. В эти годы, хотя не исключалось наличие особых потребностей и интересов, свойственных молодежи как определенной возрастной социальной группе, приоритетными считались классовые интересы. Из программы комсомола: «... рабочая молодежь есть часть рабочего класса, а ее интересы совпадают с классовыми интересами пролетариата в целом...» [74, с.64]. «Увязка требований повседневной жизни молодежи с интересами рабочего класса в целом, а, следовательно, и хозяйственного строительства социализма в СССР...» [162, л. 481] – такая установка считалась основной в воспитательной работе компартии в комсомоле. Именно рабочая молодежь должна была стать наиболее передовой и сознательной частью всей молодежи. Ей же была предназначена руководящая роль в комсомольской организации. Классовые ценности, интересы пролетариата, должны были стать основополагающими в процессе формирования мировоззренческих установок молодежи.

Приверженность этим установкам сохранялась и при осуществлении национальной политики. Одна из особенностей Беларуси того периода заключалась в многонациональном составе ее населения, специфике его расселения (белорусы, составляющие большинство населения республики, проживали преимущественно в деревне), незавершенности процессов консолидации белорусов в единую нацию. Политика белорусизации, которая проводилась в 1920-е годы в Советской Беларуси в русле общей национальной политики СССР и которая одновременно была направлена на решение духовно-культурного развития белорусского народа, должна была поспособствовать формированию национального самосознания, национально-этнической идентичности молодых людей. В рамках реализации национальной политики по отношению к молодежи, представляющей различные этнические группы, проводились следующие мероприятия: издавались газеты и журналы на родном языке, распространялись агрономические знания (агропросвещение) в деревне, организовывались клубы, кружки и т.д. Кроме этого изучалось материальное положение некоторых категорий молодежи, принимались меры по его улучшению. Молодежь вовлекалась в деятельность общественных организаций. Но при этом национальное воспитание было подчинено идейно-политическому. События (например, в Польше) должны были освещаться под «классовым углом зрения», обязательным было ознакомление с мировым коммунистическим

движением [51, л. 22, 25]. Руководством и координацией этого направления работы занимались созданные еврейские, литовские, польские секции при ЦК КП(б)Б и при КСМБ. К концу 1920-х гг. произошло свертывание политики белорусизации как национальной политики в условиях БССР. Интернационалистские установки партийного руководства (в духе классового подхода) оказались более значимыми. В результате процесс формирования национальной идентичности молодежи Беларуси значительно осложнился.

Для внедрения и развития революционных идеалов создавались новые герои – образцы для подражания. При этом учитывались возрастные особенности молодежи, ее чувствительность, эмоциональность, тяга к приключенческому, героическому. Так, на V Всероссийском съезде комсомола (окт. 1922 г.), говоря о средствах и методах воздействия на молодежь, руководство организации подчеркивало необходимость использования «романтически-революционного материала» для воспитания, например, – подполье, гражданскую войну, деятельность ВЧК, подвиги и революционные приключения рабочих, Красной Армии, изобретения, научные экспедиции и т.д. Отмечалось, что на литературу, кинематограф, театр, клубы, вечера должно быть обращено должное внимание. Празднества, демонстрации, знамена, музыка и т. д. также должны были стать средствами «могущественнейшего» воздействия на молодежь, средством культивирования в них духа товарищества, классовой гордости, партийной, комсомольской чести [147, с.89]. Спектакли, концерты, литературные вечера, игры должны были «преследовать цель пролетарского воспитания». Организация вечеров в форме «танцулек с курением, харканьем и другим непролетарским времяпровождением молодежи» считались недопустимым в Советской республике [208, л. 152].

Наряду с революционностью в сознание молодого человека внедрялись и некоторые мессианские установки: «Мир велик, прекрасен и разнообразен, но ... некому придать разумность и справедливость существованию, кроме нас с вами» [132, с. 16]; понимание роли СССР как базы социализма во всем мире [162, л. 481]. «Мы з'яўляемся маладым, растучым класам, які цяпер дабраўся да ўлады, які заваяваў адну шостую частку зямной кулі, які павінен заваяваць астатнія пяць шостых...», – обращался к молодежи в своем выступлении В.Г. Кнорин [94, с. 232].

Одним из направлений в общей системе формирования человека нового типа стало антирелигиозное воспитание молодежи. В 1920-е годы школа, партийные и комсомольские организации уделяли этому большое

внимание. В условиях Беларуси борьбе с религией придавалось особое политическое значение, так как это было связано с приграничным положением БССР и соседством католической Польши, с которой СССР находился в напряженных отношениях [200, с. 40; 231, л. 3].

Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии (1919 г. – ст. 7, 1927 г. – ст. 12) провозглашала свободу совести, признавала свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды. Еще в 1918 г. СНК РСФСР принял декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Соответствующий декрет, который сохранял основные положения законодательного акта РСФСР, был принят и СНК БССР в 1922 г. (создавался специальный орган – Центральная комиссия по отделению церкви от государства при НКВД БССР). Эти акты очерчивали правовые нормы взаимоотношений государства и церкви, при этом государство не должно было вмешиваться в деятельность религиозных организаций. На деле же реализация этого декрета привела к массовым злоупотреблениям и насилию по отношению к священникам и верующим [87, с. 155–199].

В годы НЭПа, по сравнению с последующими – 1930-ми годами, еще возможно было какое-то проявление религиозности. Органы прокуратуры рассматривали обращения, жалобы населения, священнослужителей о нарушениях проведения антирелигиозной пропаганды, о гонениях на религию, самовольных закрытиях церквей, преследованиях, чрезмерных налогообложениях духовенства и т.д. [193, л. 31–36]. Партийные и комсомольские организации рассматривали случаи хулиганских выходок и «безобразий, чинимых» комсомольцами в отношении верующих и священников [120, л. 80], о самочинных арестах духовенства, участии комсомольцев в закрытии церквей вопреки настроениям населения, провоцируя тем самым массовые выступления [268, л. 2–7, 8].

На фоне общего наступления государственной власти на церковь данный период характеризуется поиском методов антирелигиозного воспитания и, пожалуй, судя по документам, относительно либеральным подходом в их реализации. Так, например, в резолюции VII съезда КП(б)Б, проходившем в марте 1923 г., говорилось о том, что для углубления антирелигиозной пропаганды следует организовывать популярные лекции по общим вопросам естествознания, проводить тщательно подготовленные диспуты на антирелигиозные темы, кампании разъяснительного характера, приуроченные к религиозным праздникам, издавать популярную литературу антирелигиозного и естественнонаучного характера [75, с. 93]. В одном из секретных директивных писем райкомам ЛКСМБ (июнь 1925 г.)

обращалось внимание на недопустимость с их стороны использования не-тактичных методов в антирелигиозной пропаганде [149, л. 93]. «Во время хора евангелистов устраивать игрища с гармошкой» – пример того, как не должна вестись антирелигиозная пропаганда. Мнение – «раз богохульничают (на пасху), значит, комсомольцы», – это результат неумелого и неосторожного подхода в этой работе. Указывалось, что подобное способно оттолкнуть крестьянство от комсомола. «Необходимо ... помнить, что мы боремся с верой, а не с верующими. Никаких демонстративных моментов, выступлений, оскорбляющих чувства верующих, допустить ни в коем случае нельзя», – указывалось в другом директивном письме районным комсомольским организациям [149, л. 182]. Обращалось внимание на необходимость умелого подхода к молодежи, избегая оскорблений ее религиозных чувств [51, л. 40].

На деле, конечно, далеко не всегда такой подход осуществлялся последовательно, без принуждения и радикализма. В 1920-е годы в Беларуси проводились активные и довольно жесткие антирелигиозные (антицерковные) мероприятия: изъятие церковных ценностей, массовое закрытие храмов, аресты священнослужителей, выселение их из своих домов и т.д. Руководство республики также не отличалось последовательной позицией в этом вопросе. Так, например, в своем докладе на заседании Президиума ЦИК СССР (июнь 1926 г.) Председатель СНК БССР А.Г. Червяков духовенство называл в числе основных контрреволюционных сил в Белоруссии [142, с. 229]. Кнорин В.Г. в своем докладе на съезде комсомола Беларуси в 1928 г. призывал усилить борьбу против попов, ксендзов, раввинов, напоминая, что только тот, кто порвал с религией, может стать настоящим революционером [94, с. 229].

Подобное ужесточение позиции представителей государственно-партийных органов по отношению к церкви особенно заметно стало к концу 1920-х гг. Взяв установку на усиление антирелигиозной пропаганды, власть оправдывала это пресечением любых попыток контрреволюционной деятельности, которая могла бы вестись под видом религиозной проповеди [152, с. 32]. Власти опасались, что кулацкие и буржуазные группы населения через организацию религиозных общин предпримут легальные попытки «для организационного оформления своих мелкобуржуазных идеологических стремлений» [211, л. 4].

Если социально-политическую активность духовенства удалось довольно быстро свести к минимуму, то изменить религиозное мировоззрение, широко распространенное среди разных слоев населения оказалось не

так просто. Результаты анкетного опроса об отношении к религии жителей городов, деревень и местечек, проведенного кафедрой марксизма-ленинизма АН БССР под руководством профессора Вольфсона в 1929 и 1930 гг., показали «рост атеизма» (66 % и 73,5 %) [70, с. 148–149]. Однако эти данные вызывают некоторое сомнение. Бесспорно то, что наибольший процент атеистических взглядов проявляла молодежь. Согласно данным указанного исследования, наибольшее количество неверующих приходилось на возрастные группы 19-30-летних (40 % в 1929 г.) и 17-29-летних (81- 93,1 % в 1930 г.) [70, с. 148–149].

Молодежи действительно в этом направлении уделялось особое внимание. Отслеживались ее настроения, посещения церкви, участие в сектах, наличие при сектах кружков молодежи [120, л. 5, 6, 12, 20, 21, 39, 43]. В объяснении причин участия в сектах, увлечения молодежи религиозными учениями в партийных документах называются, например, следующие: экономические (евангелисты оказывают поддержку наиболее нуждающимся), культурные («женщин привлекает более лучшее положение в семье сектантов, так как, несмотря на провозглашенное законом равноправие, женщины этого равноправия в наших глухих деревнях еще далеко не добились», «в некоторых районах молодежь довольно усердно посещает молитвенные собрания евангелистов... объясняя это отсутствием культурных развлечений» [120, л. 39,43]. В «Тезисах по антирелигиозной пропаганде» совещания Агитационно-пропагандистского отдела ЦК КП(б)Б 29 августа 1927 г. содержится подробный анализ деятельности основных религиозных объединений БССР, приводится перечень их методов воздействия на верующих, выявляются также причины сохранения влияния религии на население Беларуси [254, с. 252–263].

К концу 1920-х – началу 1930-х гг. наступательные методы в антирелигиозной пропаганде, по отношению к церкви, верующим усилились. Стали пересматриваться программы и учебники в сторону усиления антирелигиозного и интернационального воспитания. В 1929 г. было принято постановление ЦИК РСФСР «О религиозных объединениях», которое предусматривало свободу только антирелигиозной пропаганды. Показательно, что общественное объединение «Союз безбожников», созданное в середине 1920-х годов для этих целей, было переименовано в «Союз воинствующих безбожников». Увеличивалось количество изъятых из пользования верующими религиозных строений (с санкции Центральной комиссии по отделению церкви от государства): в 1928 г. – 25 (синагог – 15, церквей – 5, костелов – 1, часовен – 4); в 1929 г. – 86 (синагог – 45, церквей – 34, кос-

телов – 0, часовен – 7); в 1930 г. – 135 (синагог – 68, церквей – 60, костелов – 4, часовен – 3) [227, л. 4]. Это – сведения по 8 округам (Оршанскому, Витебскому, Гомельскому, Минскому, Могилевскому, Мозырскому, Полоцкому, Бобруйскому).

В партийных документах 1920-х годов неоднократно говорилось о недостаточной эффективности антирелигиозной пропаганды в БССР, нехватке квалифицированных кадров с надлежащим уровнем образования и умением работать с верующими. В октябре 1930 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) об укреплении пограничных районов (Украины и Белоруссии) «культурными силами». С этой целью, в распоряжение ЦК КПБ была послана «большая группа товарищей, окончивших педвузы и комвузы» [268, л. 58].

Неотъемлемой частью классового воспитания считалось физическое воспитание, а также организация на его основе физкультурного движения. Его практическая задача заключалась в «сплочении рядов трудящихся на основе их физического оздоровления и воспитания из физкультурников сознательных граждан СССР, преданных делу рабочего класса, и укреплению обороноспособности страны». Его сущность виделась в том, что оно, «являясь средством оздоровления трудящихся масс», в то же время выступает формой идейно-политического влияния и воспитания их со стороны партии и комсомола [141, с. 279–280]. Уделяя большое внимание развитию физкультуры и спорта среди молодежи, государственно-партийные, профсоюзные и комсомольские органы стремились, таким образом, содействовать не только укреплению здоровья молодых людей, но и осуществлять при этом коммунистическое и интернациональное воспитание. Эту задачу отражал лозунг «Здоровый рабочий – лучшая опора диктатуры пролетариата». В Резолюции по докладу «Физкультура в профессиональных союзах» на одном из совещаний общереспубликанского уровня были названы три основные цели физкультуры: 1) «оздоровить организм», 2) «оздоровить быт», 3) «создать единый фронт красных рабоче-спортивных организаций мира» [190, л. 17]. Реализовать третью цель должен был Красный Спортивный Интернационал.

Политика все больше проникала в спорт. Н.Б. Лебина считает, что начало этой линии было положено постановлением ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 г. «Задачи партии в области физической культуры» [109, с. 92]. Но еще в 1919 г. на II Всероссийском съезде комсомола обсуждаемый вопрос о физическом развитии молодежи связывался с военной подготовкой, вооруженной защитой революции. Эти функции предлагалось забрать от ска-

утских организаций (как буржуазных), распустив их при этом немедленно [145, с.26–27]. Руководство большевиков считало, что в тех условиях усиления и обострения классовой борьбы нейтралитет спортивных организаций невозможен.

Физкультура и спорт должны были внести свою лепту в формирование человека нового типа путем воспитания в нем духа коллективизма. Эту мысль неоднократно подчеркивал А.В. Луначарский. При этом в спорте, по его словам, не нужен азарт, предпочтение должно отдаваться коллективным формам (коллективная гимнастика, например, когда множество людей «с величайшей точностью выполняет ... согласованные действия», вот «прекрасная школа коллективизма» [114, с. 30–31]. Поощрялись, таким образом, массовые, коллективные формы соревнования, а проявления «индивидуализма, рекордсменства, призерства» считались вредными, противоречащими советской физкультуре.

Нравственное воспитание также должно было строиться на принципах классового подхода. По словам А.В. Луначарского, его идейной основой должен стать ленинский тезис – «соизмеряй свое поведение с основными моральными нормами пролетариата». «А для основных моральных норм пролетариата – то хорошо, что ведет к победе пролетариата и его идеалов, и то дурно, что этому вредит» [114, с. 38].

Соответствующими были эстетический идеал и представления о телесной гармонии и красоте. Несмотря на отрицание на официальном уровне западной моды (а в ней также отражаются эстетические идеалы, вкусы, господствующие в определенной социальной среде), на некоторую изолированность от нее, в советской моде 1920-х годов проявились и некоторые общие тенденции. А вот эстетический идеал женской красоты тех лет отличался от западного. А.В. Луначарский определил его следующим образом: «Хорошо, когда у женщины хорошие мускулы; она должна иметь сильный, правильно развитый организм, который может выдерживать всякие испытания, ... она создана не только для того, чтобы быть чьей-то женой; она должна быть работником, как и мужчина. Поэтому ее нужно развивать в этом направлении». И косы ей не нужны, это «скверное наследие прошлого», «неудобно, грязно, приходится мыть их, ухаживать за ними» [114, с. 42]. Основными категориями, дополняющими подобную концепцию красоты, стали «естественность» («неподмалеванность»), «здоровье», «гигиена». Женщина должна была восприниматься, прежде всего, как работница, боевой товарищ, коллега, соратник. Говоря о советской моде

1920-х годов, стоит отметить, что она приобретала своеобразные черты в духе осуществляемых в стране революционных преобразований. Происходило формирование своих символических атрибутов во внешнем облике рядовых граждан и политиков, а через них – приобщение к определенной социальной среде, субкультуре. Такими знаковыми, символическими атрибутами стали, например, кожаная куртка, красная косынка, кепка. Таким образом, одна из функций моды – функция идентификации – выразилась довольно ярко в социально-политической форме, приобретая выраженную идейно-политическую окраску. Через революционно-символические атрибуты своего внешнего вида человек по собственной воле (?) мог заявить о своей принадлежности к определенной социальной среде, выразить приобщение к соответствующим ценностям и идеалам. Так что мода, формируя определенный образец, эстетический идеал, становилась одним из атрибутов политики, идеологическим средством воздействия на граждан и контроля их внешнего вида со стороны государства. Говоря об эстетическом воспитании в целом, его роли в воспитании нового человека, следует отметить, что в 1920-е годы нарком просвещения в своих выступлениях, работах уделял этому очень большое внимание. Эстетическое воспитание связывалось, прежде всего, с революционным преобразованием общества, воздействием на подрастающее поколение подлинно партийного искусства. Основополагающие идейные установки нравственно-эстетического воспитания в равной степени действовали и на территории БССР. Нравственно-эстетическое воспитание наряду с физическим рассматривались как составные части коммунистического воспитания.

Еще одно направление процесса воспитания – военно-патриотическое. Вопросы военизации населения, особенно молодежи, постоянно находились в центре внимания КП(б)Б и ЛКСМБ. В решениях руководящих партийных и комсомольских органов подчеркивалась необходимость уделять особое внимание «военизации молодежи». Подобная политика проводилась практически во всей Советской России, однако в Беларуси, учитывая ее пограничное положение, эти вопросы приобретали особое значение. Директивные письма предписывали особое внимание уделять пограничным районам, работе комсомола в погранотрядах [149, л. 143]. В школах вводилось военное дело. В программы спортивных кружков обязательно включались элементы военных дисциплин: стрелкового дела, химического дела и тактики. Создавались аэроклубы, строились тир. Устраивались военные игры, военно-спортивные лагеря, кружки по

военному делу. Собирались средства в фонд обороны страны. В порядке шефства практиковалось прикрепление организаций КСМ к различным воинским частям, судам флота. Например, согласно секретному списку, Белоруссия прикреплялась к линейному кораблю «Парижская коммуна» [162, л. 116].

Большую роль в этом направлении воспитания играла государственная пропаганда. Активно пропагандировались идеи ужесточения классовой борьбы, предстоящей мировой революции, необходимости оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь братьям по классу. Комсомольцы Беларуси брали шефство над комсомольцами Польши и Западной Беларуси. Витебская окружная комсомольская организация, например, прикреплялась к Белостокской организации и должна была высылать с этой целью в ЦК ЛКСМБ как минимум по 50 рублей ежемесячно [149, л. 44]. Таким образом, шефство должно было носить характер как моральной поддержки, так и материальной помощи. На одном из пленумов ЦК ЛКСМБ было принято решение о «разверстке» ячеек, согласно которой каждый деревенский комсомолец должен ежемесячно вносить 1 копейку в пользу комсомола Западной Беларуси и каждый комсомолец-горожанин – 2 копейки. Кроме этого, предлагалось организовать кружечный сбор под лозунгом «На помощь жертвам капитала, томящимся в буржуазных тюрьмах», при необходимости организовать также платные вечера с той же целью [149, л. 130, 132]. Перспектива войны против капиталистических государств рассматривалась как неизбежная и близкая. В силу этого партийные и комсомольские организации должны были проявить себя как боевые. Секретный циркуляр ЦК ВЛКСМ от 16.VII. 1927 предписывал всем ЦК национальных республик, крайкомам, райкомам комсомола, чтобы каждый комсомолец был членом ОСОАвиахима, больше внедрять военных элементов в занятия физкультурой, даже предусматривалось участие комсомольцев в маневрах Красной Армии [65, л. 180]. «Сейчас встает вопрос о массовой военизации нашей организации... Уже начинается практическая военная подготовка партийной и комсомольской массы. Созданы при окружке партии, как и в некоторых районах комиссии по военному сплочению коммунистов и комсомольцев ... на которых лежит задача боевой подготовки организации», – говорилось в одном из секретных директивных писем райкомам ЛКСМБ Минокруга [149, л. 142].

Особенно усилилась военная пропаганда в 1927 г., когда были разорваны дипломатические отношения с Англией. Проходили митинги, на которых граждане заявляли о своей готовности дать отпор английским и

любым другим империалистам, собирались деньги в фонд «Наш ответ Чемберлену». Всего в этот фонд в республике было собрано более 45,5 тыс. рублей [234, с. 233]. Под этим лозунгом деньги собирались по деревням буквально по копейкам. Студенты и преподаватели должны были принять участие в сборе средств на строительство самолета «Чырвоны студэнт» под лозунгом «Стыпендыяльным пятаком па моцнаму лбу Чэмберлену» [175, л. 167]. Молодежь и комсомольцы также проводили свои митинги и собрания, демонстрируя воинственные настроения. Их подогревали газетные призывы: «Працоўная моладзь, навучайся ваеннай справе! Па першаму закліку рабоча-сялянскай улады будзь гатова даць адпор ворагам сацыялістычнай бацькаўшчыны» [37, с. 5], заметки по поводу стрелковых соревнований: «Да, наша молодежь, все эти загорелые, здоровые парни и девушки, – сумеет хорошо нацелиться в лоб Чемберлену» [257, с. 4]. Газетные заголовки и лозунги – «Мы маладняк бунтарскі рабочих і сялян», «Кожны дзень, кожную хвіліну камсамол будзе ўзмацняць сваю баяздольнасць» [116, с. 1], «Мы – комсомольцы, проверим свою комсомольскую дисциплину, силу и мощь на нужный случай отразить врага – буржуазию [50, л. 9] и т.п. – и в последующие годы поддерживали боевой дух молодежи.

Руководство партии и комсомола при этом внимательно отслеживало настроения среди молодежи. Так, например, секретная записка ЦК ЛКСМБ предписывала всем окружным комитетам комсомола в связи с разрывом отношений с Англией, убийством посла Войкова проявить особую осведомленность о настроениях широких кругов молодежи, отклики на последние события, характер задаваемых вопросов, выступлений, проявления дисциплины, заинтересованность спортом, изучением военного дела [65, л. 97].

Огромное внимание руководством республики уделялось допризывной подготовке молодежи и политработе среди призывников. Проводилась целенаправленная работа по разъяснению декретов, распоряжений центральных и местных властей, связанных с призывом, установленных Правительством СССР льгот по призыву, причин призыва, общего политического положения Республики, находящейся в окружении капиталистических стран. С точки зрения революционных завоеваний рабочего класса и крестьянства, важным представлялось обеспечить «поголовную явку» призываемых, недопустимость уклонения от военной службы и дезертирства [149, л. 167]. Положениями, изложенными в Сборнике приказов и циркуляров Политуправления Р.К.К.А. СССР от 16 июля 1925 г. (приказ № 132),

руководствовались и на территории Беларуси. Предлагалось придавать агитации внешне привлекательные формы, «давать призываемым разумное развлечение». Для этого должны были использоваться избы-читальни, рабочие клубы, военные уголки, изготавливаться стенгазеты, самодельные плакаты с лозунгами и т. д. Подвижные игры, спортивные соревнования, инсценировки также могли быть связаны с темой призыва. Особое внимание предлагалось уделить организации проводов. Предлагалось приглашать представителей местных партийных, профсоюзных, комсомольских организаций и военных частей. Привлекательность подобным мероприятиям должны были придать исполнение революционных песен с сопровождением оркестра, а также использованием флагов и лозунгов. Предполагалось сделать эти формы традиционными, а сам призыв противопоставить старой «рекрутчине», ассоциировавшейся с пьянством и дебошами [149, л. 167]. Сам порядок воинской службы определялся статьей 13 Конституции ССРБ 1919 г. (и 1927 г.), провозглашавшей всеобщую воинскую повинность, и рядом других положений и приказов. При этом почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставлялось только трудящимся, на «нетрудовые элементы» возлагалось «отправление иных военных обязанностей» [86, с. 219; 155, с. 591].

В целом военно-патриотическое воспитание (военизация) молодежи осуществлялось по следующим направлениям: организация военного обучения, включая военное обучение в школах и допризывную подготовку, пропаганда готовности к войне, вовлечение в добровольные оборонные общества, организация массовых мероприятий (парады физкультурников, спортивные соревнования и др.). Следует отметить, что те средства и методы, которые использовало государство для военно-патриотического воспитания молодежи в тех довольно сложных условиях 1920-х годов, оказались достаточно эффективными, о чем свидетельствуют настроения молодых людей по поводу важнейших событий международного характера и проводимых мероприятий внутри страны. Вместе с тем, в сознании молодых людей формировались установки на конфликт, борьбу, нетерпимость, возможность и готовность применения силы. Подобный радикализм соответствовал революционным идеалам того времени и поощрялся в процессе воспитания.

Итак, воспитание нового человека стало важнейшей задачей политики советского государства. В 1920-е годы формировались идеал такого человека, представления о новой системе ценностей, складывалась соответствующая система воспитания молодого поколения. Важнейшими

качествами нового человека должны были стать революционность, атеизм, вовлеченность в общественно-политические дела. Его активная жизненная позиция означала быть сознательным гражданином, патриотом, борцом, непримиримым к врагам. Его научное материалистическое мировоззрение должно было базироваться на идеях марксизма-ленинизма. Основу идейно-воспитательного процесса составляли классовые ценности. Через призму пролетарских интересов, принципов пролетарского интернационализма должны были восприниматься и оцениваться общественно-политическая действительность и все основные события. Доминировала установка на коллективные формы жизнедеятельности и подчинение частных, личных интересов общим целям коммунистического строительства. В системе ценностей приоритетными оказывались некие «высшие» ценности (строительство будущего социалистического общества, мировая революция, революционная романтика, разрыв с «темным» прошлым и пр.). Личное благополучие, карьера, семья, забота о своем здоровье и прочие «земные» ценности выглядели гораздо менее предпочтительно.

Усилия советского государства, партийных органов в деле формирования человека нового типа были направлены, прежде всего, на молодежь с учетом ее возрастной специфики. Можно сказать, что в течение 1920-х гг. практически сложилась единая система коммунистического воспитания молодежи. Она включала различные направления, но все они были строго подчинены идейно-политическому воздействию. В воспитательном процессе были задействованы школа, вся система образования, клубы, избы-читальни, печать и т.д. При этом активно использовались различные формы и методы со стороны государственных и партийных органов. Для осуществления контроля этого процесса были созданы специальные органы (Главполитпросвет, отделы агитации и пропаганды в структуре партийных органов). В условиях Беларуси в силу ее геополитического положения этому уделялось особое значение. К концу 1920-х годов в воспитательном процессе стали усиливаться партийный контроль и применяться более жесткие формы идейно-политического воздействия.

2.2 Повышение образовательного уровня молодежи

В 20-е годы XX в. в Беларуси, как и в целом в СССР, происходило формирование советской системы народного образования, принципов государственной политики и деятельности партийных и общественных организаций в этой сфере. Эта политика определялась общими потребностями советского государства в контексте намеченных масштабных преобразований и тем положением, в котором оказалась Беларусь. В середине 1920-х годов БССР, имея в составе СССР 3,4 % населения, выпускала всего 1,6 % промышленной продукции [154, с. 103]. В 1920 г. в БССР на 1000 человек населения приходилось 673 неграмотных, в то время как в РСФСР – 603, в УССР – 584 [7, с. 4–5; 115, с. 258]. Согласно переписи 1926 г. грамотных в возрасте от 9 лет и старше в Беларуси насчитывалось всего 40,7 % [169, с. 43]. Малограмотность и неграмотность отражали низкий культурный уровень населения республики. Состояние промышленности характеризовалось технической отсталостью, а также преобладанием мелких и кустарных предприятий. На них работало более 70 % рабочих. Не хватало техников, инженеров, квалифицированных специалистов. В 1928 г. на предприятиях промышленности, подчиненных ВСНХ Беларуси, трудились всего 99 инженеров и 166 техников со специальным образованием [39, с. 166].

Таким образом, основной целью государственной политики в области образования стало повышение образовательного уровня населения республики и подготовка квалифицированных специалистов, воспитанных в духе марксистско-ленинских идей. Главным объектом этой политики выступила молодежь.

Складывавшаяся система образования включала общее, профессиональное и политическое. В средних и высших учебных заведениях подрастающее поколение получало общее и профессиональное образование. Помимо этого, создавалась целая сеть учреждений, связанных с ликвидацией неграмотности и малограмотности среди взрослых (среди этой категории достаточно было и молодежи, особенно в начале 1920-х годов). Учреждения политобразования занимались идеологическим воспитанием и подготовкой кадров профессиональных агитаторов-пропагандистов, руководящих кадров по партийной линии. Кроме этого, в связи с белорусизацией широкое распространение получили курсы по изучению белорусского языка.

Общее направление государственной политики в области народного просвещения определила Конституция Советской Беларуси 1919 г. В ней

провозглашалось предоставление рабочим и беднейшим крестьянам все-стороннего бесплатного образования (ст. 11). А заложили основу системы народного образования в Беларуси такие документы, как «Положение о единой трудовой школе РСФСР», принятое 16 октября 1918 г., и декрет «О реорганизации школьного дела», принятый СНК Литвы и Беларуси 24 марта 1919 г. Согласно этим документам вводилась единая трудовая школа, предполагающая две ступени обучения. Обучение должно было стать бесплатным и совместным для девочек и мальчиков.

Становление системы советского образования потребовало решения ряда задач: финансирования, обеспечения квалифицированными кадрами, возможности обучения на белорусском языке и языках национальных меньшинств, которые проживали на территории республики. В связи с трудностями экономического положения вводилась плата за обучение. Некоторые школы практически полностью находились на содержании населения. Дети пролетариата и беднейшего крестьянства имели при этом льготы. В течение 1920-х годов, по мере того как НЭП стал давать положительные экономические результаты, увеличивалось финансирование школ, постепенно стала расширяться их сеть и количество учащихся. Так, если в 1920/21 учебном году в республике насчитывалось 4890 школ с охватом 374,7 тыс. учеников, то к 1929/30 г. количество школ достигло 6300 с охватом учащихся 596,9 тыс. учеников [115, с. 260–261]. Правда, учеников, получающих полный курс семилетнего общего образования (до 15-летнего возраста) в 1928–1929 учебном году было в три раза меньше, чем учащихся начальной четырехлетней школы [39, с. 227]

Приказом Военно-революционного комитета Белоруссии от 11 декабря 1920 г. за подписью А.Г. Червякова в соответствии с декретом от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» все, не умеющие читать и писать в возрасте от 8 до 50 лет, обязывались обучаться грамоте [48, с. 50–51; 139, с. 12]. Тогда же, 11 декабря 1920 г. для развертывания работы при Политпросвете Наркомпроса БССР была создана Республиканская Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Потом такие комиссии начали действовать в уездах и волостях. Для ликвидации неграмотности создавались специальные школы, пункты. Однако из-за бедности и других проблем большинство из них прекратили свою работу. Декрет ВЦИК и СНК СССР «О ликвидации неграмотности», принятый 14 августа 1923 г., способствовал оживлению деятельности в этом направлении. Помимо прежних форм по обучению грамоте в 1924–1925 гг. в республике начали создаваться ячейки общества «Долой

неграмотность». Однако в статье, приуроченной к 10-й годовщине Октябрьской революции, народный комиссар просвещения БССР А. Балицкий писал о том, что остается еще огромная армия неграмотных: 590 человек на 1000 человек населения [7, с. 9].

За три учебных года (1925/26 – 1928/29) на ликпунктах обучалось 197 743 человека, правда, из них закончили учебу лишь 60 % от общего числа. За это же время количество неграмотных пополнилось 108 313 подростками, которые не были охвачены школой. В советской исторической литературе итоги работы по ликвидации неграмотности представлялись позитивно. Однако Л. Лыч и В. Новицкий считают, что актив работы по ликвидации неграмотности за три года составил только 12 057 человек, и что в целом эта работа проходила неудовлетворительно [115, с. 259]. Основными причинами тому стали недостаточное финансирование, большой отсев слушателей и неудовлетворительное качество обучения на многих пунктах. Судя по тому, что в конце 1927–1928 учебного года 67 % населения республики в возрасте от 12 до 35 лет были грамотными, наиболее ощутимыми результаты ликвидации неграмотности оказались именно среди подростков и молодежи [39, с. 230].

Ликвидация неграмотности тесно связывалась с хозяйственным возрождением страны, но этому придавалось и огромное политическое значение. Распространение грамотности рассматривалось как средство воспитания в идеалах коммунизма и вовлечения в политическую жизнь страны. Судя по документам тех лет, руководство республики именно этой стороне дела уделяло огромное внимание. Так, например, вышеупомянутый Декрет СНК РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» предусматривал ликвидацию безграмотности «в целях предоставления всему населению Республики возможности сознательного участия в политической жизни страны» [48, с. 50]. Программа работы на таких пунктах предполагала обучение русскому или родному языку, математической и политической грамоте, изучение обществоведения и Советской конституции. Последовательно осуществляя эту задачу, предлагались буквари, в которых в соответствии с целью «одновременной ликвидации общей и политической безграмотности» каждая фраза представляла собой определенный лозунг, например: «Мы не рабы, мы не бары», «Советы – набат народа», «Мы несем миру свободу», «На смену старому миру идет мир труда» и др. [25, л. 12.]. Даже для беспризорных подростков, при проведении работы с ними, в числе первостепенных мер наряду с организацией для них

школьного обучения были кружки политграмоты по изучению юношеского движения и программы комсомола [182, л. 2].

К работе по ликвидации неграмотности привлекались студенты. Это рассматривалось как участие в деле социалистического строительства, о чем говорилось в обращении «Всем студпрофорганизациям БССР» (1929 г.), предлагалось принять участие в ликвидации неграмотности 20 000 трудящихся Беларуси. Но, как отмечалось в документе, при этом важно было обращать внимание на социальный состав и «ни в коем случае не допуская обслуживания чуждых элементов (лишенцев, нэпманов, кулаков и т.д.)» [191, л. 218].

К учреждениям профессионального образования относились профшколы, школы рабочих подростков (школы ученичества), профессиональные курсы и учебные мастерские. Основным типом учебного заведения в сфере подготовки специалистов среднего специального образования был техникум. Уже в 1921 г. в Минске, Борисове, Бобруйске были открыты педтехникумы. Разворачивали работу сельскохозяйственные, индустриально-технические, медицинские, художественные средние специальные учебные заведения. В 1922–1923 уч. году насчитывалось 25 техникумов с 4,2 тыс. учащихся [169, с. 221]. В 1928/29 уч. году их насчитывалось 33, и обучалось в них 5,5 тыс. человек [115, с. 266].

1920-е годы – это и время становления системы высшего образования в Беларуси, время формирования белорусского студенчества как новой социальной группы белорусского общества. После окончания периода войн и революций открываются высшие учебные заведения. 11 июля 1921 г. был утвержден декрет об открытии Белорусского государственного университета. Уже в первый год его работы в нем обучалось 1250 студентов. В 1926 г. университет выпустил первых специалистов: дипломы получили 130 юристов, 170 врачей, 175 экономистов и 274 педагога [169, с. 220]². А за 10 лет работы БГУ выпустил 316 физиков и математиков, 695 врачей, 665 юристов и экономистов, 528 биологов и 476 преподавателей общественных дисциплин [4, с. 27]. Перед студентами университета неоднократно выступали секретарь ЦК КП(б)Б В.Г. Кнорин (читал курс «Экономика переходного периода» [98, с. 79]), председатель ЦИК БССР А.Г. Червяков. К 1926 г. в результате реорганизации высших учебных заведений на территории Беларуси действовало 4 вуза: Белорусский государственный университет, Витебский ветеринарный институт, Белорусская государственная

² У другого автора – несколько иные данные о количестве дипломированных специалистов первого выпуска: «К 1926 г. Белорусский государственный университет дал первый выпуск врачей – 150, экономистов – 175, 117 юристов и 247 педагогов» [4, с. 25]

академия сельского хозяйства и Коммунистический университет. В них обучалось 4342 студента [247, с. 62; 4, с. 25].

К началу первой пятилетки было подготовлено для народного хозяйства БССР 1379 квалифицированных специалистов: педагогов, юристов, агрономов, зоотехников, ветеринаров и т.д. [4, с. 25]. Система высшего образования в 1920-е годы пока не обеспечивала подготовку кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры, поэтому основным учебным заведением был техникум. Первоочередное развитие получили учебные заведения сельскохозяйственного и педагогического профиля. Индустриально-технические техникумы в БССР возникли в середине 1920-х, а высшие технические учебные заведения – только в 1930 г. [207, с. 61]. Тем не менее, создаваемая сеть высших учебных заведений позволяла развернуть подготовку специалистов для народного хозяйства, образования, здравоохранения, культуры уже в эти годы. IX Всебелорусский съезд Советов (1929 г.) в соответствии с решениями июльского (1928 г.) и ноябрьского (1929 г.) Пленумов ЦК ВКП(б) утвердил план развития экономики и культуры. Он предусматривал увеличение приема в вузы и техникумы до 11755 студентов и учащихся. При этом к 1930-1931 г. только вузы должны были дать: БГУ – 836 специалистов, сельскохозяйственная академия – 441, ветеринарный институт – 92 [4, с. 27].

С целью подготовки рабочих и крестьян к поступлению в вузы начиная с 1920-х годов стали создаваться рабфаки, где слушатели ускоренно проходили курс средней школы. Рабфаки должны были сыграть свою роль в деле подготовки высококвалифицированных кадров из трудовых слоев населения. По образному выражению А.В. Луначарского, – роль пожарной лестницы, с помощью которой пролетариат штурмом будет брать высшие учебные заведения [133, с. 315]. Задачи, содержание и методы их деятельности определяло Постановление СНК «О рабочих факультетах» от 17 сентября 1920 года. В нем говорилось о том, что «основной задачей рабочих факультетов является широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы», и что «принятые слушатели несут учебную повинность со строжайшим контролем над занятиями на основании особых правил, устанавливаемых Наркомпросом по соглашению с Главкомтрудом» [178, с. 180-181]. Студенты рабфаков получали стипендию (от 8 до 10 рублей). Если студенты вузов обеспечивались стипендией на 40–65 %, в техникумах – на 43–55 %, то рабфаковцев – на 99 % [206, с. 115].

В 1924–1925 учебном году выпуск рабфаков составил 266 человек [246, с. 60], в 1926/27 учебном году на 4 рабфаках обучалось уже 845 человек [115, с. 266]. В последующие годы их количество увеличивалось: в 1927–1928 гг. – 1018 чел., 1929–1930 гг. – 2223 чел. [133, с. 315].

В основу комплектования ВУЗов и техникумов был положен классовый принцип, т. е. предпочтение отдавалось рабочим и крестьянам. Правила приема в техникумы и профессионально-технические школы, утвержденные постановлениями Коллегии Главпрофобразования (Главный комитет профессионально-технического образования) от 22 мая 1923 г. и 13 мая 1924 г. закрепляли порядок зачисления в состав учащихся в следующей последовательности: 1) круглые сироты, находящиеся на государственном обеспечении, 2) члены КП(б)Б и КСМБ, 3) рабочие и их дети, 4) дети школьных работников и обслуживающего персонала данного учебного заведения, 5) дети командирского и комиссарского состава Красной Армии и флота, 6) выходцы из беднейшего крестьянства, 7) дети революционеров и 8) члены профсоюзов и их дети [176, с. 13]. Правом направлять подростков в профтехшколы обладали губернские, областные и уездные партийные, комсомольские, профессиональные организации, а также отделы народного образования. Тем самым принцип доступности профессионального образования ограничивался контролем комплектования учебных заведений со стороны партийно-государственных органов, обеспечивая приоритет тем слоям молодежи, в которых виделась опора Советской власти. Правда, в начале 1920-х гг., когда система классового отбора только начинала складываться, количество представителей непролетарских слоев в среднем специальном образовании достигало 56 % от общего количества учащихся [88, с. 34].

Социальный отбор должен был сохраняться и при наборе учащихся в школы-семилетки, которые, по словам А. Балицкого, служили подступами к техникумам и высшим учебным заведениям. От этого, по его словам, будет зависеть, кто станет специалистом в различных отраслях хозяйства, культуры, а в конечном итоге – дело укрепления диктатуры пролетариата [9, с. 41].

В марте 1923 на VII съезде КП(б)Б была определена установка в ближайшее время довести в сельскохозяйственном институте, на педагогическом и медицинском факультетах БГУ процент рабочих и крестьян от 50 до 70 [75, с. 92]. Однако в условиях Беларуси в начале 1920-х годов эти установки действовали еще недостаточно последовательно. Об этом можно судить по социальному составу студентов первых наборов.

Таблица 2.1 – Социальный состав студентов по отчету комиссии при ЦК КП(б)Б (январь 1925 г.) [203, с. 152]

факультеты	рабочих	крестьян	служащих	прочих
медфак	90	185	365	110
педфак	220	475	618	150
сельскохоз.	134	297	82	8
процент.отн.	18	27	53	2

Курс пролетаризации вузов более жестко обозначило постановление СНК БССР «О приёме в высшие учебные заведения БССР в 1925/26 учебном году». Согласно ему, крестьянам отводилось не менее 50 % мест, рабочим – не менее 30 %, интеллигенции и служащим – не более 20 % [272, с. 12]. Но и последующие вступительные кампании показали, что не всегда сохранялись эти квоты. Из 4 699 человек, обучавшихся в 1926-1927 уч.г. в вузах БССР, рабочие и их дети составили 12,8 %, крестьяне и их дети – 38,8 %, служащие и их дети – 38 %, лица свободных профессий (врачи, адвокаты и др.) – 5 %, торговцы – 0,3 %, ремесленники и кустари – 1,8 %, прочие – 3,1 % [98, с. 91]. Тем не менее, если в 1925/26 учебном году рабочие составляли 11,6, а крестьяне – 39,5 % от общего количества студентов, в результате проводимого социального отбора студентов к 1932 г. эти показатели были соответственно 49,5 и 25,4 % [115, с. 267].

«Улучшению» социального состава учащихся техникумов, студентов вузов и рабфаковцев также способствовали проводимые периодические «чистки». При их проведении судьба студентов зависела от их классовой принадлежности и политических взглядов. Например, 11 июня 1924 г. СНК БССР издал декрет, по которому Наркомобразования поручалось провести с 13 июня по 1 июля чистку с целью сокращения контингента учащихся (аналогичный декрет СНК РСФСР был издан 16 мая того же года). Предпочтения и льготы предусматривались только для пролетарской части студенчества, «прымаючы падувагу вялікія цяжкасці для гэтай катэгорыі моладзі» [115, с. 267]. О результатах подобной проверки Витебского педагогического, Горецкого сельскохозяйственного институтов, а также вузов города Минска сообщала «Савецкая Беларусь». Говорилось о том, что в условиях величайшей экономии и переполненности высших школ рабоче-крестьянское государство не может допустить трату своих средств на получение высшего образования тем, от которых в будущем вряд ли возможно ожидать полезную работу. Целью чистки объявлялась необходимость выявить, в какой мере тот или иной студент в силу своего

социального происхождения и политического развития может быть полезен Советской власти в деле строительства новой жизни [271, с. 2]. Итоги чистки: на медфаке из 752 студентов «вычищено» 177, на педфаке из 919 – 190, в сельскохозяйственном институте из 520 – 148 [179, с. 4]. Но больше всего «потерпел» от проверки центральной комиссии факультет общественных наук (ФОН) БГУ. На нем было выявлено больше всего «буржуазных элементов». Из 1030 студентов было «вычищено» 496, т. е. почти половина. Причинами исключения назывались академическая неуспеваемость, полная политическая неграмотность. На педагогическом факультете из 919 студентов было отчислено 344, в Витебском педагогическом институте из 328 – 110 человек, в Горьком сельскохозяйственном институте из 834 студентов – 221 [115, с. 267; 238, с. 71].

Социальный состав студенчества вузов и учащихся техникумов был на строгом учете. Очередная «чистка» (1929 г.) предписывала провести проверку социального состава студенчества в целях освобождения от «усяго савецкі варожага і ідэалёгічна чужога» [267, л. 12]. В документе говорится: «У высших навучальных установах і тэхнікумах сярод студэнтаў ёсць група «іншых», якая складаецца ...з выхадцаў сацыяльна чуждых нам элементаў. Па афіцыйнай статыстыцы Н.К.А. на 5339 студэнтаў ВНУ «іншых» (не рабочих, не сялян і ня служачых) прыходзіцца 112 чалавек; на 5 545 студэнтаў тэхнікумаў «іншых» прыходзіцца 144 чалавека». К категории «іншых» (других) относились и те, кто либо сам был лишен избирательных прав, либо их родители в силу своего социального положения (дети представителей религиозного культа, кулаков, помещиков и т.д.). Правда, это же секретное предписание окружным партийным комитетам предостерегало исполнителей от массовой чистки, предлагало придерживаться строго индивидуального подхода, особенно среди учащихся профшкол [267, л. 12].

Сообщениями о выявлении социально чуждых элементов, которые при поступлении в техникум или институт скрывали свое социальное происхождение, пестрят и протоколы заседаний студенческих профсоюзных организаций, в резолюциях пролетстуда предлагалось активизировать эту работу [192, л. 62]. Правда, на одном из Пленумов Центрального Бюро пролетстуда в 1929 году говорилось о том, что сохранение имеющегося социального состава студентов стоит под угрозой, по причине недостатка стипендий, общежитий и слабой академической подготовки [191, л. 35]. В 1929 г. отмечались «вельмі павольныя тэмпы» подачи заявлений в учебные

заведения БССР, в чем виделась угроза недобора студентов соответствующего социального положения [191, л. 361].

Одной из особенностей курса пролетаризации студенчества является то, что это неизбежно влияло и на национальный состав последних. В силу национальных и социальных особенностей Беларуси увеличение количества мест для крестьян вело к увеличению количества студентов-белорусов за счет уменьшения евреев. Подобная политика, думаю, может быть оправдана, учитывая, что даже по переписи 1926 г. удельный вес грамотных среди белорусов был значительно ниже других национальностей – 36 % (евреев – 70 %, русских – 49 %, латышей – 74 %) [272, с. 15]. Среди студенчества вузов и техникумов постепенно увеличивалось количество представителей белорусской национальности: в вузах – с 54,1% в 1924–1925 уч. г. до 61, 7 % в 1929–1930 уч. г. [39, с. 233]. В 1924–1925 уч. г. среди студентов техникумов белорусы составляли 61,4 %, в конце 1920-х гг. – 68 % [88, с. 45].

В 1920-е годы среди студенческой и учащейся молодежи заметно увеличилось количество девушек. В 1928–1929 гг. они составляли 40 % общего количества учащихся ФЗУ, 44,3 % – техникумов и 26,3 % студентов вузов [70, с. 92-93].

Одной из серьезных проблем, связанных с поступлением в вузы, был недостаточный уровень подготовки абитуриентов. Основная масса студентов 1-х курсов рабфака имела начальное образование [133, с. 316]. В 1924–1925 учебном году основной причиной отказов подавшим заявления на рабфак стала недостаточная подготовленность (из 836 человек – 377), при этом по причине социального происхождения отказано в приеме 2 человекам [247, с. 60]. В том же учебном году было отказано в приеме в вузы 520 молодым людям (405 – из-за низкого уровня подготовки, 10 – по социальному происхождению) [247, с. 63].

Партийное руководство беспокоил «крайне незначительный процент коммунистов в вузах БССР». Так, на 1 декабря 1925 г. из 4 342 студентов 4-х вузов 80,5 % были беспартийными (3 495 чел.), 9 % – партийными (393 чел.) и 10, 5 % – комсомольцами [246, с. 62]. Академическая успеваемость студентов-коммунистов оставляла желать лучшего. Такое положение связывалось с их тяжелым материальным положением, необходимостью совмещать работу с учебой и загруженностью этой категории студентов общественной работой. Об этом, например, говорилось в отчете ЦК КП(б)Б (январь 1925 г.) по поводу результатов специально созданной комиссии по изучению работы вузов. В числе других недочетов назывались недоста-

точное количество студентов-белорусов, а также «чрезмерное количество разных студенческих организаций» [203, с. 153-154]. Июльский Пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. указывал на необходимость дальнейшего повышения рабочего ядра в высших технических учебных заведениях и техникумах до 65 % от общего приема в институты. Этому способствовал и курс властей на увеличение «партийной прослойки». Так, если в 1927 г. среди студентов БГУ было 12,7 % коммунистов, 15,4 % комсомольцев, в сельскохозяйственной академии 6,1 % коммунистов и 15 % комсомольцев, в ветеринарном институте 7,3 % коммунистов и 25 % комсомольцев, то к 1930 г. коммунисты и комсомольцы составили 99,8 % всего студенчества [4, с. 26, 29].

Помимо социального состава студентов и учащихся профессионально-технических учебных заведений, предметом заботы для государственно-партийных органов стало и их материальное обеспечение, поскольку это было связано с реализацией права на получение образования и требовало создания определенных условий. Проблема эта стояла весьма остро. Так, например, вопрос финансирования и материального положения высших учебных заведений обсуждался на заседании СНК Беларуси в марте 1922 г. В постановлении говорилось: «Исходя из необходимости во что бы то ни стало сохранить и спасти высшие школы Белоруссии от гибели, которая им грозит, вследствие чрезвычайно ограниченных средств, отпускаемых государством на их содержание... обсудить и выяснить вопрос о размерах регулярных, ежемесячных отчислений хозяйственных комиссариатов и организаций в пользу высшей школы... Намеченная разверстка должна быть немедленно проведена в жизнь, не дожидаясь окончательной санкции Совнаркома» [225, с. 134–135].

Практически с начала 1920-х годов началось создание системы социального обеспечения студентов высших учебных заведений и учащихся профессионально-технических заведений. В ноябре 1923 г. Коллегия Наркомата образования БССР утвердила «Положение о социальном обеспечении учащихся в учебных заведениях Профтехнического образования». Важнейшими мерами в этом направлении стали: обеспечение студентов местами в общежитии, выплата стипендий, льготные тарифы на железнодорожном и других видах транспорта в период каникул. Для поддержки малоимущих слоев студенчества выдавались продуктовые пайки. Справиться со сложными материальными условиями помогали и общественные организации, в первую очередь профсоюзы [225, с. 135–137]. Правда, выводы о том, что государство обеспечило всех нуждающихся студентов стипендией и общежитием, отменило плату за обучение, встречающиеся в

литературе прошлых лет [4, с. 24], были стремлением выдать желаемое за действительное.

Возможности государства в обеспечении приемлемых социальных условий для студентов, выходцев из малообеспеченных слоев, в те годы были очень ограниченными. В 1922/23 учебном году БГУ имел общежитие для рабфаковцев на 100 мест, где проживало 180 человек (из 370 рабфаковцев), из 2 453 студентов основных факультетов общежитие имели только 35 человек. Остро стоял вопрос и об обеспечении студентов стипендиями. Их размер и количество были далеки от реальных потребностей студенческой молодежи [225, с. 135, 138]. В мае 1924 г. было утверждено Положение о стипендиальных комиссиях, которые должны были заниматься распределением стипендий. При этом классовый принцип был обязательен, учитывалось не только материальное положение, но и социальное происхождение.

Вопрос тяжелого материального положения пролетарского студенчества обсуждался партийным руководством. В резолюции VII съезда (XII конференции) КП(б)Б (март 1923 г.) говорилось о необходимости систематической помощи со стороны партии коммунистическому студенчеству [75, с. 93]. На одном из пленумов Центрального Бюро пролетстуда (профессиональные союзы пролетарского студенчества) говорилось об увеличении размера стипендий к 1929 году до 32 рублей у 58 % студентов вузов и до 27 рублей у 43 % – в техникумах [191, л. 37]. В 1925 г. было принято решение о предоставлении льгот по сельхозналогу семьям студентов вузов [32, с. 56].

На студенчество возлагались большие надежды в развитии культурного и идейно-политического уровня населения республики. Помимо учебы и участия в различных мероприятиях в течение учебного года студенты и во время каникул, практики должны были работать с местными жителями: проводить беседы об основных мероприятиях Советской власти и компартии (в области индустриализации, национальной политики, о борьбе с бюрократизмом и т.д.), разъяснять вопросы международного положения; принимать участие в организации изб-читален, кружков при клубах; распространять среди населения подписку на газеты и журналы и пр. [187, л. 76]. В целях классового воспитания самих студентов «Положение о вневузовской работе студенчества» предусматривало целый список различных форм и видов такой работы [175, л. 244]. Одним словом, студенты должны были быть максимально «втянуты» в активную общественную работу.

Считалось, что студент вне общественной и политической жизни «не есть пролетарский студент» [27, л. 38].

Создаваемая система высшего образования положила начало формированию советской национальной интеллигенции. О ее значении говорилось, к примеру, на Пленуме ЦК КП(б)Б в марте 1926 г. В его резолюции было сказано, что этот вопрос приобретает для партии большое значение вообще, а в условиях Белоруссии, где интеллигенция является активной силой в национальном движении, – в особенности [142, с. 222]. При этом очередной раз подчеркивалась необходимость («громадной важности задача») политического воспитания новой интеллигенции.

Задача политического просвещения трудящихся масс, особенно крестьянства, в Резолюции II Всебелорусского съезда Советов (1920 г.) по докладу о народном просвещении была обозначена в числе первоочередных мер первым пунктом (всего 13 пунктов) [213, с. 185]. Политическое просвещение стало одним из направлений не только системы образования, а государственного культурного строительства в целом. В структуре Народного комиссариата просвещения Декретом СНК от 12 ноября 1920 г. учреждался Главполитпросвет. Это положение действовало и на территории Советской Беларуси. На VII съезде КП(б)Б (март 1923 г.) было принято постановление о единой сети коммунистического просвещения «начиная от ликвидации общей неграмотности (без которой невозможно систематического партпросвещения) и кончая комуниверситетом» [173, с. 146]. Коммунистический университет был организован в Минске в 1925 г. В 1929 г. на его дневном отделении обучалось 229 человек, а в 1932 г. – уже 1185 [199, с. 96].

Сеть учреждений политобразования включала также политшколы различных категорий, в зависимости от уровня подготовки слушателей, политкружки в вузах, техникумах, вечерних школах. Занятия в школах и кружках проводили иногда студенты-комвузовцы 2-3-го курсов. Правда, уровень подготовки самих руководителей политического образования далеко не всегда был соответствующим. «Из всего состава руководителей политкружков отвечало предъявленным требованиям 50 %, остальные оказались слабо теоретически подготовленными», – сообщалось в одном из отчетов Минского окружного комитета ЛКСМБ (1926 г.) [156, л. 3]. В техникумах программа по обществоведению включала классные занятия и кружковые, на которых изучались история классовой борьбы, конституция СССР и БССР и т.д. [124, л. 11]. В кружках обсуждались, к примеру, следующие вопросы: построение социализма в одной стране, НЭП – отсупле-

ние или наступление, политика партии по отношению к крестьянству и пр. В результате обсуждения в большинстве случаев учащиеся, как отмечалось в отчетах, «приходили к общему правильному выводу, за исключением отдельных товарищей» [156, л. 8–9].

Проведение государственной политики в области образования в 1920-е гг. в Советской Беларуси было связано с осуществлением белорусизации. Постановление 2-й сессии ЦИК БССР «О практических мероприятиях по проведению национальной политики», принятое 15 июля 1924 г., сыграло в этом большую роль, придало ей статус официальной политики. Для осуществления контроля за ее реализацией при ЦИК БССР была создана специальная Комиссия по национальной политике (аналогичные комиссии были созданы при исполнительных комитетах в округах, городах, некоторых районах) [13, с. 7–8]. Основным вопросом белорусизации был вопрос о белорусском языке. В республике, где белорусов проживало более 80 %, белорусский язык не находил должного распространения в общественной жизни. «Отсутствие высшей школы на территории Белоруссии, разброд белорусской интеллигенции, отсутствие единого для Белоруссии культурного центра самым губительным образом влияли на развитие белорусской культуры вообще и, в частности, на историческое изучение белорусского языка», – писал В.И. Пичета (первый ректор БГУ), обосновывая необходимость изучения своего национального языка, поднятия его престижа и преодоления негативных стереотипов о своем языке как мужицком. «Необходимо вести борьбу за язык и культуру на многих фронтах. В этом отношении положение Белоруссии очень остро», – отмечал он [166, с. 1, 15]. Реализуя намеченные цели в рамках белорусизации, осуществлялся постепенный переход на белорусский язык в школах, техникумах, ВУЗах. Для молодого поколения это стало важнейшим фактором в формировании этнической и гражданской идентичности, послужило одним из сильнейших импульсов национально-культурного развития белорусского общества в целом.

В результате проводимой политики белорусизации на 15 декабря 1927 г. в республике из 5510 школ 4573 были белорусскими. Наряду с ними работали русские, еврейские, украинские, польские, латышские, литовские, немецкие и одна эстонская школа. Существовали и школы смешанного типа: белорусско-русские, белорусско-польские, белорусско-еврейские и др. [91, с. 177–178]. Принципом родного языка Главполитпросвет предлагал руководствоваться и в деле ликвидации неграмотности:

наладить работу ликпунктов на языках нацменьшинств, населяющих ту или иную местность [2, с. 16].

В высших учебных заведениях процесс белорусизации шел не так просто, очевидно, из-за многонационального состава студенчества. Г.И. Касперович отмечает, что, например, в Белорусском государственном университете третья часть предметов преподавалась на белорусском языке; степень белорусизации Белорусской сельскохозяйственной академии составлял 20 %, Витебского ветеринарного института – всего 2 % (на 1927 г.) [91, с. 178]. Анализ трудностей белорусизации содержится в специальном Постановлении ЦК КП(б)Б «Аб беларусізацыі вышэйшых навучальных устаноў» от 11 сентября 1926 г. [66, с.164]. Итоги первых лет белорусизации вузов и причины, сдерживающие распространение белорусского языка в вузах, рассматривает Н.Л. Евдокименко [61, с. 20].

Определенные трудности языкового характера существовали в профессионально-технических учебных заведениях. Преподавание специальных и общеобразовательных предметов во многих профтехшколах велось на еврейском языке, т.к. большинство учащихся составляли евреи, особенно по некоторым специальностям (таблицу и анализ национального состава учащихся профтехшкол в 1922/1923 – 1924/1925 учебных годах приводит Помазов С.В. [176, с. 15]). Это создавало трудности для подростков других национальностей. Перевод обучения на русский язык не решал полностью проблему. При этом наблюдалось игнорирование белорусского языка в использовании во внутренней жизни школы учащимися-белорусами, отдавалось часто предпочтение русскому языку.

Итак, основной целью государственной политики в сфере образования стало повышение образовательного уровня населения республики и подготовка квалифицированных специалистов. В 1920-е годы в Беларуси происходило становление советской системы образования, важнейшей составной частью которого стала идейно-политическая подготовка. Основными принципами политики в данном направлении стали классовый подход, а главным объектом выступила молодежь.

В целом, политика партийно-государственных органов по отношению к молодежи в сфере образования в эти годы соответствовала потребностям развития общества (обеспечение квалифицированными кадрами, повышение общего культурного уровня населения республики). Это привело к расширению сети школ, техникумов, созданию системы высшего образования, подготовки специалистов в различных отраслях. Образование становилось более доступным для молодых людей из рабочих и крестьян,

что позволяло им повысить свой социальный статус. Из их среды формировалась и новая интеллигенция. Однако демократизация образования носила ограниченный характер. Формировалась практика социального (классового) отбора будущих специалистов, при которой уровень подготовки молодых людей носил второстепенный характер. Эта тенденция стала усиливаться во второй половине 1920-х годов. Подобный подход ограничивал возможности в получении образования способным и желающим учиться молодым людям из других слоев.

Проводимая политика также способствовала изменению социального состава студенческой молодежи и учащихся техникумов по национальному признаку, полу, партийной принадлежности. В результате предпринимаемых мер среди этой категории молодежи увеличилось количество белорусов, девушек, комсомольцев и членов КП(б)Б. При осуществлении политики, связанной с повышением образовательного уровня молодежи, идейно-политический фактор становился определяющим. В будущих специалистах виделась опора Советской власти.

2.3 Обеспечение трудовой занятости молодежи

В сфере трудовой занятости действовало конституционное положение о всеобщей трудовой обязанности граждан Республики, провозглашался лозунг «не трудящийся да не ест» (ст. 12 Конституции 1919 г.). Однако его действие не распространялось на лиц, не достигших 16-летнего возраста.

В этой сфере по отношению к молодежи государственная политика осуществлялась по следующим основным направлениям: 1) профессиональное обучение и вовлечение квалифицированных кадров молодежи в производство (промышленное и кустарное); 2) снижение безработицы среди молодежи и подростков; 3) решение проблем, связанных с трудом малолетних. Для рабочей молодежи, в свою очередь, важным было решение следующих задач: повышение квалификации, улучшение материального положения, жилищных условий и состояния здоровья.

Трудовые отношения в БССР регулировались на основе Кодекса законов о труде (КЗоТ) РСФСР 1918 г., а затем 1922 г. В.А.Круталевич, И.А. Юхо отмечают, что нормальная законодательная деятельность в Беларуси началась только в 1921 г., но вместе с тем, на территории БССР продолжали пользоваться нормативными актами РСФСР, т.к. фактически БССР рассматривалась как часть РСФСР [100, с. 167-168]. Действительно, законода-

тельные акты ССРБ воспроизводили в основном соответствующие правовые нормы РСФСР, с учетом, правда, конкретных условий республики.

КЗоТ устанавливал обязательный минимум правовых гарантий рабочим и служащим по заработной плате, охране труда, рабочему времени и времени отдыха. Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. устанавливал 8-часовой рабочий день для взрослых и 6-часовой для подростков, не достигших 18-летнего возраста, запрещал постоянные сверхурочные работы; закреплял введение обязательной трудовой повинности для всех способных к труду граждан от 16 до 50 лет [79, с. 114–115]. Совнарком Белоруссии в апреле 1921 г. принял постановление, обязывающее освобождать от работы подростков в возрасте до 14 лет. Постановление СНК БССР от 10 сентября 1921 г. указывало, что рабочие в возрасте до 16 лет должны работать не более четырех, от 16 до 18 лет – шесть часов в день. Привлечение их к сверхурочным работам запрещалось.

Государством устанавливался обязательный минимум оплаты труда. Конкретные размеры вознаграждения за труд определялись коллективным и трудовым договорами и не могли быть ниже установленного государством минимума. В последующие годы рядом новых нормативных актов были введены дополнительные ограничения для увольнения с работы подростков, требовалось разрешение инспектора труда. Законодательно определялись нормы переноски и перевозки тяжестей женщинами и подростками, а также производства, работы и профессии, к которым они могли допускаться (в начале 1925 г. Наркомом труда был опубликован список профессий и работ из 139 видов, вредных для здоровья, к которым не допускались лица моложе 18 лет). Запрещались ночные работы подростков, определялся месячный отпуск для рабочих до 18 лет. Надзор за соблюдением трудового законодательства осуществлялся органами охраны труда - правовой, технической и санитарной инспекциями. Широкими полномочиями в этой сфере наделялись профсоюзы.

В годы НЭПа отменялись принудительные методы распределения рабочей силы, всеобщая трудовая повинность заменялась добровольным привлечением рабочих на производство.

Несмотря на предпринятые меры, в те годы вскрывались многочисленные факты нарушений законодательства о труде, особенно в сельском хозяйстве, где продолжительность рабочего дня батраков летом нередко достигала 14-16, зимой – 10-12 часов, широко применялся труд малолетних, особенно сирот, зарплата выплачивалась ниже государственного минимума [79, с. 266]. Совхозная и батрацкая молодежь оказывалась в менее выгодных условиях по сравнению с промышленной, так как чаще исполь-

зовалась на тяжелых физических и сверхурочных работах. В документах тех лет отмечалось, что на предприятиях Беларуси наблюдается более раннее начало работы подростков, по сравнению с другими регионами СССР (до 12-летнего возраста уже работало свыше 20% всех обследованных подростков), и это при слабом телосложении многих из них [190, л. 49]. В результате медицинского обследования только по городу Витебску в 1925 г. выявилось, что из 2 068 подростков (рабочих и служащих до 20 лет включительно) в возрасте до 14 лет приступили к работе 40 % занятых в швейной отрасли, а в целом по отраслям – до 14 лет – 27,5 %, с 14 лет – 66 %, с 18 лет – 6,5 % [26, л. 117].

Раннее начало трудовой деятельности в тот период было характерно не только для Беларуси. По данным переписи 1920 г. о занятости подростков в РСФСР, 74 % юношей и 80,5 % девушек 14-16 лет уже начали свою трудовую деятельность [14, с. 147].

Молодежь, в том числе и подростки, занятые в производстве, рассматривались как резерв для воспроизводства рабочей силы. «Участие молодежи в производстве – вопрос государственной, первостепенной важности. Государство должно подготовить смену квалифицированной рабочей силы достаточной в количественном и качественном отношении, во-первых, для пополнения естественной убыли квалифицированного рабочего населения, во-вторых, как резерв для постепенного расширения промышленности» – выразили эту мысль сотрудники наркомздрава Беларуси, изучавшие положение рабочей молодежи [204, с. 8]. В то же время участие молодежи в производстве уже в возрасте 15-17 лет соответствовало ее потребностям в заработке и делало, хотя бы частично, экономически самостоятельной.

Однако вовлечение молодых людей в рабочую среду затруднялось отсутствием у них достаточной квалификации и наличием безработицы. Советское правительство предприняло ряд мер, направленных на сохранение занятости молодежи. Важную роль в этом сыграли решения XI съезда РКП(б), Декрет ВЦИК от 2 мая 1922 г. «Об установлении предельного минимума количества подростков на предприятиях», постановление СНК БССР (июль 1924 г.) об обязательном бронировании мест для подростков на государственных предприятиях с числом рабочих более 15 человек, затем – распространение этого постановления на мелкую кустарную промышленность. В июле 1921 г. молодые люди до 18 лет составляли 14,4 % всего числа фабрично-заводских рабочих Беларуси. Но уже к 1927 г. по

БССР их удельный вес среди промышленных рабочих уменьшился до 6,3 – 6,4 % (1 408 чел.) [80, с. 238].

Сохранялась проблема оплаты труда подростков. Декретом СНК БССР, принятым в августе 1921 г., подросткам, выполняющим самостоятельную работу, гарантировалась зарплата не ниже 75 % среднего заработка взрослого рабочего [159, с. 115]. Но часто она оказывалась гораздо ниже по сравнению со взрослыми. В отчете ЦК ЛКСМБ о материальном положении рабочей молодежи на 10 октября 1924 г. говорилось, что молодежь в среднем получает 43-47 % заработка взрослого рабочего [269, л. 31]. Подобная ситуация была характерна в целом для всей страны. Так, например, в приложении к докладной записке ЦК ВЛКСМ от 24.IV. 1926 г. приведены следующие данные о соотношении заработка подростка в % к заработку рабочих: 1914 г. – 47,6 %; 1916 г. – 48,2 %; 1920 г. – 81,0 %; 1921 г. – 63,2 %; 1923 г. – 47,1 %; 1924 г. – 45,8 %; 1925 г. – 43,9 % [162, л. 247]. Там же отмечалось, что потребности и бюджетные расходы подростков (по результатам обследования в Москве в ноябре 1925 г.) значительно превышали их заработок (при расходах за месяц 47 рублей 58 копеек заработок за тот же месяц составил только 30 руб. 93 коп., или 65 % расхода). При этом заработная плата по Беларуси в целом была ниже, чем в других республиках Советского Союза. Кроме того, если заработок рабочих в 1926-1927 гг. был 20 руб. в месяц, то это составляло около 60 % от стоимости предметов питания и первой необходимости (в среднем заработная плата в этот период составляла 23 руб. 60 коп. в месяц [39, с. 168-169].

Тем не менее, в отчетных документах за 1925–1926 гг. по Витебскому округу отмечалось, что средний заработок рабочей молодежи по сдельной системе оплаты составлял, например, на очковой фабрике – 35–38 руб., на метпроме № 3 – 46–60 руб., метпроме № 1- 50-70 руб. (ставка 1-го разряда по метпрому составляла 12 руб.) [185, л. 21, 22]. В отчете о работе с молодежью на одном из съездов профсоюзов в Витебском округе отмечалось, что в 1926 г. заработок работающей молодежи по отдельным предприятиям достигал 70 руб., минимальный – 12 руб.; разряд в среднем – 4-6-й [72, с. 57].

В кустарной промышленности зарплата оказывалась ниже, чем на государственных предприятиях, чаще нарушалась охрана труда, не соблюдался график рабочего дня [72, с. 57]. Тем не менее, кустарное производство оставалось широко распространенным в Беларуси и могло (и должно было) внести свою лепту в решение вопросов профессионального обучения и трудоустройства молодежи. Отношение к кустарям, ремесленникам

часто было негативным. «Государственные органы смотрели на ремесленника, как на имеющего частную собственность, накладывали непосильными налогами и т. д. ... если хотим ликвидировать безработицу, мы не можем добиваться, чтобы ученик лучше жил, чем хозяин ... Мы должны вопрос поставить так, чтобы не смотреть на ремесленника как на эксплуататора, а как на учителя, нужно создать экономическую заинтересованность...», – говорилось на заседании актива профсоюзных работников Витебского округа [26, л. 115].

Положение батрацкой молодежи было еще хуже. Средний заработок батрака составлял 4–7 рублей [26, л. 25]. На совещании экономкомиссии 1-го Витебского окружного съезда ЛКСМБ в октябре 1924 г. также говорилось о низкой заработной плате батрацкой молодежи, о том, что зачастую «беспризорные сироты работают только за приют и под видом усыновления – приема на воспитание непосильно эксплуатируются» [26, л. 2]. В материалах по обследованию Минской комсомольской организации также обращалось внимание на положение батрацкой молодежи. Говорилось, что ее средняя зарплата не достигает госминимума, что большая часть батрацкой молодежи (75 %) получает зарплату «в натуре» [136, л. 48]. При использовании труда подростков и молодежи частыми были нарушения в оплате (за одинаковый со взрослыми труд оплата была ниже) и охране труда. Они широко использовались на сверхурочных и подсобных работах, что затрудняло «возможности квалифицироваться». Об этих недостатках говорилось на общегородской конференции рабочей молодежи г. Витебска в апреле 1926 г. [121, л. 24].

Получение профессии молодыми людьми осуществлялось через сеть средних профессиональных учебных заведений, профшкол и фабрично-заводские училища (ФЗУ). Организация ФЗУ, непосредственно связанных с потребностями предприятий, началась в БССР с 1923 г. В 1926–1927 гг. их насчитывалось уже 15 с 1073 учащимися. Кроме того, в системе профобразования было 7 учебных мастерских (561 учащийся) и 30 профшкол (3 228 учащихся) [80, с. 239]. Для рабочих, совмещающих работу с учебой на рабфаках, в техникумах и других учебных заведениях, законодательно устанавливались льготы, позволявшие совмещать работу и учебу. Так, например, для большинства студентов вечерних рабфаков и вечерних промышленных техникумов устанавливался в дни занятий шестичасовой рабочий день с доплатой за недорабатываемые часы, а на предпоследнем и последнем курсе – удлинённый очередной отпуск.

Другими формами обучения были бригадное ученичество и индивидуальное обучение. По состоянию на октябрь 1924 г. в отчете ЦК ЛКСМБ о положении рабочей молодежи отмечалось, что основной формой обучения молодежи в Белоруссии ввиду особого развития мелких кустарных предприятий является «одионочно-индивидуальное ученичество, отчасти бригады и в ограниченном количестве школы фабзавуча» [269, л. 31]. В середине 1920-х г. из числа подростков, занятых на предприятиях государственной промышленности, 65 % обучались индивидуально, 19,4 % – в учебных бригадах, 15,3 % – в школах ФЗУ [80, с. 238]. Для индивидуального ученичества разрабатывались соответствующие программы.

Повышение квалификации рабочей молодежи напрямую было связано с повышением доходов. Существовали специальные курсы. Специальные экспертные комиссии на предприятиях принимали решение о повышении разряда и, соответственно, заработка. Повышение заработной платы молодежи при сдельной системе оплаты труда в свою очередь должно было стимулировать повышение производительности и способствовать развитию культурных потребностей молодых людей.

Конечно, ученичество во всех формах не могло охватить всех желающих. Например, только по Витебску на 1926 г. было всего 2 фабзавуча, охватывающих 107 чел., по округу – 5 профшкол с общим количеством 433 чел (из них 26 девушек). В то же время безработных на 1 декабря 1925 г. было - 454 юношей и 403 девушки (из них 94 беспризорные), на 1 января 1926 г. – 553 юноши и 549 девушек (беспризорных 40), на 1 марта 1926 г. – 358 юношей и 389 девушек (беспризорных 69) [121, л. 19, 25, 26]. Сказывались также нехватка помещений, оборудования, инструкторов, отсутствие программ обучения. К тому же и мастер не всегда был заинтересован в повышении квалификации молодого рабочего, так как сам работал сдельно и старался больше заработать.

Положение с трудоустройством молодежи в республике серьезно осложнялось наличием большого количества безработных. В апреле 1924 г. их насчитывалось более 25 тысяч человек. В 1925 г. безработные составляли 33 % общего количества работающих по найму [79, с. 265]. С 1922 по 1926 г. количество безработных увеличилось почти вдвое и составило 34 743 человек³ [39, с. 170]. При этом среди безработных преобладала неквалифицированная рабочая сила, значительная доля которых – подростки, прибывшие из сельской местности, а также демобилизованные. В «Резо-

³ По другим данным, в 1925/1926 г. в Беларуси было зарегистрировано уже свыше 30 тысяч безработных, в 1926/1927 г. – 33 тысячи [79, с. 412].

люции о безработице» Полоцкой и Борисовской окружных парторганизаций говорилось о тенденции роста безработицы в БССР (с января по сентябрь 1926 г. – с 27800 человек до 28650 человек), об ожидаемом притоке безработных в связи с окончанием сезонных и общественных работ, а также с предстоящей демобилизацией (более 800 чел. по БССР). Такое состояние оценивалось как «крайне тяжелое» и без «перспектив к быстрому улучшению», поэтому вопрос о безработице в условиях БССР как пограничной полосы приобретал «особую политическую важность». Для его решения предполагалось привлечь ЦК ВКП(б) и ряд организаций как республиканского, так и союзного значения [244, л. 11].

Тенденция роста безработицы проявлялась по всему СССР. И это «несмотря на значительное развертывание промышленности и всех отраслей народного хозяйства, что привело к увеличению общего количества рабочих и служащих». С 1 апреля 1925 г. по 1 апреля 1926 г. отмечалось увеличение безработицы на 19,1 % [81, с. 100].

На VII Всебелорусском съезде Советов (1925 г.) говорилось: «Мы имеем большое количество подростков-безработных, около 2000 человек» [251, с. 194]. По данным Наркомата труда БССР, в 1924/1925 г. биржами труда были зарегистрированы 2 566 подростков – 9,9 % к общему количеству безработных [79, с. 265]. Специальное постановление о бронировании мест для подростков до 18 лет, направляемых биржей труда, выполнялось не всегда. Так, на том же VII Всебелорусском съезде Советов руководство республики, признавало, что броня действительно выполнена только на 50 процентов [251, с. 194].

Сохранялась и проблема занятости девушек-подростков. Если на 1 октября 1924 г. в Беларуси доля их участия в производстве составляла 35 %, то на 1 апреля 1925 г. уже 31 %. Все меньше девушек принимались на предприятия в порядке установленной государством брони для молодежи. И. Курков одной из причин такого положения в отношении девушек называет законодательное закрепление правовых норм, касающихся охраны материнства. По мнению автора, это приводило к «удорожанию» женского труда, чаще предпочтение отдавалось мужчинам [104, с. 200-201].

Безработица в республике была обусловлена слабостью развития промышленности и аграрным перенаселением деревни, излишек рабочей силы в которой достигал 40 %. Для снижения остроты проблемы принимались такие меры, как развитие кустарно-ремесленной промышленности (до середины 1920-х гг., когда было предпринято наступление на частный сектор), организация общественных работ, выплата денежных посо-

бий по социальному страхованию и др. Поскольку при равной квалификации в первую очередь на работу направлялись члены профсоюза, демобилизованные из РККА красноармейцы и командиры, инвалиды гражданской войны и подростки, среди которых большинство не имело квалификации, Народный комиссариат труда должен был строго следить за соблюдением законодательства о бронировании мест для подростков и порядке заполнения брони через биржи труда. В результате предпринимаемых мер по отдельным предприятиям количество молодежи и подростков могло увеличиваться, и даже существенно (например, на фабрике «Двина» с 1. 12. 1925 г. по 1. 03. 1926 г. количество молодежи с 18 до 23-х лет возросло на 150 % [185, л. 17]), но в целом этот рост оказывался незначительным из-за роста безработицы.

Государственные органы и профсоюзные организации пытались возможными способами если не решить, то хотя бы как-то смягчить сложные социальные проблемы молодежи: выплатой пособий, материальной помощью, закреплением на предприятиях брони для подростков, созданием фабрично-заводских школ, ученических бригад, организацией санаторно-курортного лечения и т. д. Предпринимались меры по охране труда, гарантий в отношении подростков, вводился коллективно-договорный метод регулирования труда работников (в противовес централизованному), принцип добровольности найма на работу (КЗоТ 1922 г.). Все же социальные проблемы молодежи оставались довольно острыми. Возможности государства – ограниченными.

Тем не менее, очевидным достижением в сфере занятости была ликвидация безработицы к началу 1930-х годов. В 1931 г. X Всебелорусский съезд Советов отметил ее фактическую ликвидацию в республике. Связывалось это с достижениями строительства социализма за первые два года пятилетки. Важным был и постепенный переход на семичасовой рабочий день. В конце 1920-х годов правительству БССР было поручено в течение пятилетки все промышленные предприятия республики перевести на семичасовой рабочий день. К июню 1930 г. смогли это осуществить 22 % предприятий республики (завершен был этот переход в 1932 г.).

По отношению к беспризорным, в частности, их возрастной группе 14-16-летних подростков (в 1927 г. в республике насчитывалось 15 743 беспризорника (без учета возрастных категорий) [79, с. 421]), Советское

государство осуществляло ряд мер правового, материального и организационного характера. Эти меры осуществлялись и на территории БССР⁴.

Решение социальных проблем молодежи подстегивалось и борьбой за влияние на нее против различных организаций и течений. Так, например, в секретной переписке директива по поводу борьбы с сионизмом, направляемая окружным и районным комитетам ЛКСМБ (25/V-1926 г.), предписывала опережать попытки различных сионистских организаций в трудоустройстве молодежи и обеспечении ее необходимыми средствами, поскольку это приводит к повышению авторитета этих организаций. В том же документе говорилось, что эта инициатива должна принадлежать комсомольским работникам [252, л. 7]. На одной из конференций еврейской беспартийной молодежи Минский окружком ЛКСМБ наметил мероприятия по улучшению экономического положения еврейской молодежи города и местечек: обучение в ФЗУ, профшколах, повышение квалификации, улучшение быта, охраны труда и т.д. Эти мероприятия, как предполагалось, должны были сохранить влияние комсомола на еврейскую молодежь [194, л. 6]. В контексте проводимой национальной политики особое внимание уделялось более широкому привлечению еврейского населения в промышленную сферу. Этому придавалось как социально-экономическое, так и политическое значение (устранение национальных перегородок, ликвидация значительной прослойки «непроизводительного» населения) [167, с. 90].

Итак, политика государства по отношению к молодежи в исследуемый период была направлена на законодательное закрепление продолжительности рабочего дня, обеспечение мер по охране труда и проведение других мероприятий, направленных на создание наиболее благоприятных (насколько было возможно в тех обстоятельствах) условий. Вводилось бронирование мест для подростков, создавались условия для учебы, получения профессии, повышения квалификации. Однако трудовое законодательство зачастую нарушалось, не всегда выполнялось положение о бронировании мест, заработная плата значительной части молодежи не могла обеспечить потребности в предметах первой необходимости. Осложняли ситуацию характер социальной структуры населения республики, перенаселенность сельской местности, безработица и т.п.

В условиях раннего начала трудовой деятельности в тот период занятость молодежи и наличие самостоятельного заработка соответствовали потребностям молодых людей, делая их экономически самостоятельными.

⁴ Данное направление деятельности Советского государства отражено, в частности, в работах А.П. Соловьянова [243].

В то же время реализация молодыми людьми своего профессионального выбора была ограничена сложными условиями социально-экономического порядка (наличие самой работы для молодого человека оказывалось гораздо важнее). Можно сказать, что в реализации государственной политики в сфере занятости приоритетными были государственные интересы, однако при этом учитывались и интересы самой молодежи, принимались меры для улучшения ее экономического положения. С точки зрения решения социальных проблем молодежи – занятость, материальное положение, обучение, охрана здоровья – государство, по мере возможности старалось решать эти проблемы. Однако и здесь присутствовал идеологический мотив: через удовлетворение важнейших жизненных потребностей сохранить свое влияние на молодежь. Обеспечение трудовой занятости (в прошлом во многом как семейной функции) все больше превращалось в процесс, регулируемый государством. При этом учитывалось социальное происхождение. Партийно-государственные органы руководствовались классовым подходом в осуществлении мероприятий по трудоустройству молодежи.

2.4 Деятельность общественных организаций и участие в них молодежи

Ко времени установления Советской власти в Беларуси был накоплен определенный опыт деятельности общественных организаций [12, 223, 242, 248]. Еще до 1917 г. создавались различные общественные объединения самых различных направлений: благотворительные, религиозные, трезвенное движение, просветительские учреждения, сельскохозяйственные организации, медицинского обслуживания, культуры, спорта и т.д., включая также отделения общероссийских организаций [242, с. 61–64]. К этому же периоду относится зарождение юношеского движения в России и Беларуси, в котором наибольшую активность проявляла студенческая молодежь. Создавались академические кружки, землячества, клубы, при клубах – столовые, библиотеки. До Октябрьской революции на территории Российского государства начали действовать скаутские организации. Они создавались как неполитические организации, основным содержанием которых была «подготовка подрастающего поколения к служению Отечеству (не военному, а в целом)» с использованием многообразных игровых форм [239, с. 125]. К октябрю 1917 г. в 143 городах России насчитывалось 50 тыс. скаутов. На территории Беларуси также стали появляться

отряды скаутов, действовали они и в начале 1920-х гг.[3, с. 15-16; 113, с. 12-13]. В 1922 г. эти организации были запрещены в Советской России [239, с. 125]⁵ и в Беларуси. Часть руководителей перешла в комсомол и вожатыми пионеров. В отношении ряда руководителей скаутских организаций были предприняты аресты, репрессии. Многие формы и методы этих организаций были заимствованы впоследствии при организации пионерии.

Активизация молодежного движения наблюдалась после февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. На территории Беларуси действовали как местные, так и общероссийские молодежные организации. Одни призывали к политической борьбе, другие – оставаться вне политики⁶.

В начале XX в. в России возникло Христианское молодежное движение, инициированное миссионерами Всемирного Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ), преобразованное затем в самостоятельное общество под названием "Маяк". В Уставе этой организации целью общества провозглашалось «содействие лицам мужского пола от 17-летнего возраста в достижении нравственного, умственного и физического развития» [259, с. 40]. Христианские союзы «Маяк» просуществовали на территории России до 1923 г. [239, с. 122]. О деятельности этого общества на территории Беларуси мало что известно. Однако, судя по секретному циркуляру НКВД (январь 1923 г.), согласно которому «Христианскому союзу «Маяк» было отказано в регистрации на территории Беларуси[137, л. 33], можно предположить о его определенной активности в пределах региона.

Право трудящихся на объединения и союзы было закреплено в Конституциях Белорусской ССР 1919 г. (ст. 10) и 1927 г. (ст. 8). К существующим и создающимся организациям государство подходило дифференцировано. Некоторые общественные организации были ликвидированы как контрреволюционные. Отдельные объединения продолжали существовать, и советское государство устанавливало с ними различные контакты и даже оказывало помощь и поддержку (например, в налоговых льготах, разрешении различных сборов с населения в пользу обществ). В первые годы Советской власти многие общества продолжали свою работу без всякого оформления и регистрации. Действовали они на основе дореволюционных законов и положений. Они могли быть зарегистрированы в Наркоматах

⁵ О непримиримой и даже враждебной позиции комсомола по отношению к скаутским организациям свидетельствуют документы [264, с. 103, 113]. Об этом пишет и Родионов В.А [214, с. 31].

⁶ К примеру, в Декларации Всероссийской Федерации анархической молодежи (ВФАМ) от 26 января 1919 г. целью организации провозглашалось духовное объединение всей анархической молодежи, без различия течений, защита профессиональных интересов молодежи, а также, «ввиду многочисленных разногласий в тактике анархизма», Федерация не считала нужным принимать активного участия в политической жизни [47, с. 69-70].

образования, внутренних дел, а также в губернской милиции, местных Советах. До 1922 г. не было общего законодательства, нормативного акта о деятельности общественных организаций, их месте в политической системе. Были лишь отдельные декреты и постановления по отношению к конкретным обществам (о кооперации, Красном Кресте, истории древности и др.) [12, с. 95; 93, с. 12]. Постановление ЦИК ССРБ «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли и о порядке надзора за ними» от 13 октября 1922 г. стало первым наиболее значительным документом в этой области. Оговаривалось, что данное постановление не распространялось на профсоюзные организации и кооперативные, «каковые ... действуют на основе специальных положений». Разработанная тогда же инструкция по регистрации обязывала в двухнедельный срок всем существующим обществам, союзам и объединениям зарегистрироваться, иначе они объявлялись закрытыми [137, л. 18, 19, 26, 27].

Следующий документ свидетельствует о том, что вскоре эта сфера общественной деятельности бралась под жесткий контроль со стороны государства. «ГПУ Белоруссии руководствуясь распоряжениями Центра считает необходимым установить теснейший контакт с НКВД Б. по вопросу утверждений, создающихся на территории С.С.Р.Б. всякого рода обществ, организаций, союзов (исключая профсоюзов), религиозных, академических, научных и друг., кои должны по Декрету ВЦИК,.... утверждаться Наркомвнуделом, а на местах Губисполкомами, в Белоруссии Н.К.В.Д. Белоруссии. Исходя из вышесказанного Г.П.У.Б. должен иметь на учете все Общества и организации с целью недопущения под видом Обществ легальных, создание каких-либо антисоветских группировок. ... Все материалы, поступающие в НКВД о создании и организации какого-либо Общества или Союза, ... только после санкции ГПУ могут быть утверждаемы НКВД» [137, л. 15].

В исследуемый период создавались общественные объединения как политического, так и научного, творческого, профессионального, культурно-просветительского и других направлений, различные литературные и краеведческие общества и кружки. Это давало большие возможности для привлечения молодежи к общественной деятельности по их интересам, любимым увлечениям, профессиональной, религиозной принадлежности. Молодежное движение практически до середины 1920-х годов можно охарактеризовать как разнообразное, самостоятельное, рождающееся по инициативе самой молодежи. Оно включало не только организации при политических партиях (эсеров, КП(б)Б), но и различные религиозные, военно-

патриотические, образовательные, культурно-просветительские, спортивные и другие организации.

В первые годы существования советского государства наряду с коммунистической были и другие партии: эсеров, меньшевиков, анархистов, – а также национально-политические объединения (например, еврейские партии и организации; в условиях Беларуси они были довольно влиятельными). Одной из влиятельных политических партий, выступающей в защиту интересов крестьянства, являлась Белорусская партия социалистов-революционеров (эсеров). В начале 1921 г. она насчитывала более 20 тыс. членов. Однако КП(б)Б взяла курс на устранение всех других партий из общественно-политической жизни республики. В начале 1921 г. прекратил существование Бунд. В 1921 – 1923 гг. стали устраняться из политической жизни другие партии – прежде всего эсеры и меньшевики. В 1924 г. членами БПС-Р было принято решение о самороспуске. В 1920-е годы какое-то время продолжала легально действовать Еврейская коммунистическая партия (Поалей-Цион). В 1927 г. была прекращена и ее деятельность. Наблюдение велось за членами некоммунистических партий, даже если они не были противниками Советского государства, а выступали за демократизацию, с требованиями независимости профдвижения, свободы слова, печати, собраний, с критикой Советской власти и компартии. В 1923 г. председатель ОГПУ Ф.Э. Дзержинский направил своим сотрудникам записку, в которой изложил развернутый план борьбы с противниками РКП(б) и меры по партийной, советской линии, ГПУ, «выработке директив коморганизациям студенчества и молодежи для заострения борьбы с меньшевизмом» [199, с. 42].

Политические партии имели патронируемые молодежные объединения. Так, партия эсеров (БПС-Р) контролировала деятельность молодежной организации, в которую входило до 10 тысяч человек [92, с. 66]. Свои молодежные союзы имели Еврейская коммунистическая партия, Еврейская трудовая партия (Циарей-Цион) и Сионистско-социалистическая партия – Гехолуц (правый и левый). Партии вели борьбу за влияние на молодых людей, используя различные формы и методы. Так, например, через кредитование и субсидирование советских предприятий на местах, содействие работе сельскохозяйственных и других кооперативов, артелей кустарей Гехолуц старался сохранить влияние на еврейскую молодежь республики. От молодых евреев, которые обращались за помощью по трудоустройству в местные советские и комсомольские организации, можно было услышать: «Не поможете вы, так на работу устроит Гехолуц» [169, с. 93]. О

значительном влиянии на еврейскую молодежь националистических молодежных организаций ЕССМ (еврейский социалистический союз молодежи) и «более правом» СССР (сионистско-социалистический союз молодежи) как филиале ССП (сионистская социалистическая партия) говорилось в одном из инструктивно-информационных писем Евбюро ЦК КП(Б) секретарям окружкомов и окревбюро в январе 1926 г. [235, с. 214–215]. В 1920-е гг. в Беларуси действовали и другие молодежные сионистские организации, в программе которых сочетались идеи социализма и сионизма [77, с.173–175].

О необходимости борьбы за рабочую молодежь, привлечении ее на свою сторону, высвобождении из-под влияния буржуазной идеологии, о создании организаций молодежи, «организационно не подчиненных, а только духовно связанных с партией», говорилось еще до победы и установления Советской власти на съездах РСДРП(б), например, на VI съезде РСДРП(б) в 1917 г. [144, с. 591]. Такой организацией стал комсомол. В качестве «третьего приводного ремня» он должен был соединять рабочий класс с партией [245, с. 8].

В программно-уставных документах Коммунистического союза молодежи не содержалось определения этой организации как политической, хотя один из его организаторов Лазарь Шацкий, выступая с докладом на I съезде РКСМ (1918 г.), настаивал на этом [58, с. 76]. Он заявил также о неприемлемости социалистической платформы, допускающей участие в организации социалистов всех толков, считая, что вне коммунизма нет рабочего движения, что все остальные течения в рабочем классе «выброшены революцией за борт» [58, с. 76, 78-79]. Это выступление показательно основными изначальными установками на непримиримость по отношению к другим организациям молодежного движения на последующие годы, как в центре, так и в союзных республиках.

Тогда же, на съезде провозглашалась солидарность с Компартией, но без партийной опеки, которая нарушила бы принцип самостоятельности молодежного союза [58, с. 76]. Предполагалось, что этот принцип позволит оставаться комсомолу вполне независимой организацией. Ее основными целями объявлялись: 1) широкая пропаганда идей коммунизма среди рабочих и крестьянской молодежи (эта цель определяла сущность этой организации и ее идеологическую окраску); 2) активное участие молодежи в революционном строительстве; 3) распространение среди рабочих и крестьянской молодежи основ пролетарского миропонимания и культуры; 4) защита правовых и экономических интересов молодежи и т. д. [73, с. 9].

Судя по повесткам дня Всебелорусских съездов КСМ, проводимых в 1920-е годы (I – IX), деятельность этой молодежной организации осуществлялась в соответствии с намеченными задачами (воспитательная, защита прав молодежи). Однако практически изначально и во все последующие годы проявлялись ее политизированность и жесткий контроль со стороны партийно-государственных органов.

Комсомол стал самой массовой среди молодежных организаций, пролетарской по своей природе (ее социальный состав жестко контролировался), коммунистической по своим целям и задачам. Первые ячейки этой организации на территории Беларуси стали появляться еще в 1918 году в Витебске, Орше, Могилеве, Климовичах, Хотимске, Минске, Бобруйске, Мозыре, Слуцке и других городах и местечках. ЛКСМБ как составная часть ВЛКСМ был создан в сентябре 1920 г. Организационное оформление его произошло на I Всебелорусском съезде комсомола. Из 140 делегатов, присутствовавших на нем, 50 % были молодые рабочие, 15 % - крестьяне, остальные – красноармейцы и служащие. К открытию I съезда КСМБ в его рядах насчитывалось около 3000 членов. В первые годы его существования большого количественного роста этой организации не наблюдалось, в 1924 году насчитывалось 3328 членов [111, с. 14, 41]. Бурный рост рядов этой организации начался с 1925 года, что было связано с ленинским призывом и укрупнением республики. В его рядах тогда насчитывалось уже 23421 человек, а в 1929 году – 69746 комсомольцев [111, с.49].

Следует отметить, что с 1925 г. и до конца 1920-х годов количество комсомольцев-пролетариев несколько уменьшилось по сравнению с комсомольцами из крестьян. Если в 1922 г. удельный вес рабочей молодежи в ЛКСМБ составлял 46,3 %, то в 1926 г. – 36,6 % [111, с. 65-66, 73]. По другим данным, на 1 июля 1926 г. в рядах ЛКСМБ рабочих насчитывалось 30,1 %, крестьян - 53,8, батраков – 7,4 %, кустарей и др. – 8,7 %; при этом девушки составляли 20,5 % состава этой организации [163, л 56]. Следует отметить, что проводимые проверки социального состава комсомола выявляли некоторые приписки, неточности. К примеру, как сообщалось, середняк пасет свою корову и корову своего соседа, а принимается в КСМ как батрак [82, с. 3]. В течение 1920-х гг. изменился и национальный состав комсомольской организации Беларуси. Если в 1922 г. в процентном отношении большинство составляла еврейская молодежь, то в 1929 г. – белорусы [201, с. 155].

Партийное руководство, помимо прочих мер, обеспечивалось созданием партийного ядра в рядах КСМБ (его удельный вес в 1922 г. составлял

6,6 %, 1 января 1924 г. 10,2 % . Резолюция X съезда РКП(б) «По вопросу партийного строительства» конкретизировала данное положение: все члены партии до 20 лет включительно должны быть фактическими членами РКСМ и принимать активное участие в его работе» [111, с. 34, 35]. Наблюдался рост числа комсомольцев, принятых в члены коммунистической партии. Так, по Беларуси количество комсомольцев, принятых кандидатами в партию в 1924 г, составило 10 % к общему числу принятых, в 1929 г. – уже 33,5 % [96, с. 72].

Уровень образования первых комсомольцев был невысоким: в основном – начальное, либо они даже не имели такового.

Таблица 2. 2 - Состав ЛКСМБ по уровню образования [111, с. 75]

	Всего членов	С высш.	Неза- конч. высш.	Со средн.	В т.ч. со средн. спец.	С не- полн. средн.	В том числе уч-ся	С нач.	Грамот- ных, не имеющих образов.	Негра- мот- ных
1922	2566	—	—	310	5	—	—	1232	975	64
1923	3291	—	—	357	16	—	—		947	74
1924	3328	—	—	293	—	96	—		1336	15

Комсомол, в том числе и в Беларуси, с первых дней существования стремился к монопольному влиянию на молодежь. Так, например, в секретном циркуляре ЦК РКСМ от 16 февраля 1922 г. отмечалась некоторая активизация некоммунистических организаций молодежи: социал-демократического союза рабочей молодежи, эсеров (особенно среди студенчества), националистических организаций, христианских организаций молодежи. Особенно эта активность проявлялась, согласно документу, в Западных губерниях и Белоруссии. Это связывалось с ухудшением экономического положения рабочей молодежи, влиянием мелкобуржуазной стихии, тяжелым положением в РКСМ. В письме предписывалось тщательно вести за ними наблюдение, не беря на себя «никаких чекистских функций», все же «наладить информационную связь с органами ГПУ» [264, с. 97-101]. В протоколе заседания Бюро ЦК РКСМ от 4 января 1922 г. и письме ЦК РКСМ от 10 февраля того же года (с пометками «секретно») предлагалось осуществлять наблюдение за некоммунистическими организациями молодежи со стороны органов ЧК [35, с. 94; 164, с. 96]. В своих

отчетно-информационных письмах секретари районных комсомольских организаций сообщали о наличии каких-либо «стихийно-возникающих групп» [62, л. 20]. Так, райорганизатор Бегомльского района в своем секретном письме в Борисовский окружком ЛКСМБ сообщал: «Как только замечается малейшее движение молодежи в стороны ее организации, сейчас же выезжал и давал этому движению комсомольское влияние. Таким образом, за весь период работы не было ни одного случая стихийно возникающих ячеек» [62, л. 2]. «В эпоху социальной революции коммунистическая молодежь должна быть организована на строго централизованных началах и должна отбросить всякую форму национального сепаратизма. Поэтому «Югенд-Бунд» не должен существовать как самостоятельная организация», – говорилось на конференции беспартийной еврейской молодежи в г. Могилеве в 1921 г. [212, л. 6].

Таким образом, тенденция к централизации комсомольской организации и ее монопольному влиянию на молодежь проявилась уже с начала 1920-х годов. Кроме этого, партийно-государственная политика была нацелена на привлечение и участие комсомола в различных государственных и общественных структурах. В 1927 г. в Советах различного уровня и исполнительных комитетах из числа выбранной молодежи от 18 до 24 лет (всего 6 147 человек) комсомольцев насчитывалось 2 890 человек, или 47 % (по Оршанскому округу, например, в сельсовет молодежи было выбрано 27,3 %, комсомольцев – 14,7 %; в горсоветах по Мозырю молодежь составляла 31,9 %, комсомольцы – 7,1 %, по Бобруйску молодежь – 20,5 %, комсомольцы – 9,1 %) [202, с. 11].

Одной из массовых и деятельных общественных организаций в 1920-е гг. был профсоюз. Его место в общественно-политической жизни страны и основные задачи деятельности определил IX съезд РКП(б) (1920 г.). Считалось, что профсоюзы должны воспитывать, организовывать культурно, политически, «администраторски». При этом, оставаясь формально непартийными, они должны были быть коммунистическими по существу и проводить соответствующую политику «в области организационно-хозяйственной и воспитательной... не в качестве самодовлеющей, организационно-изолированной силы, а в качестве одного из основных аппаратов Советского государства, руководимого Коммунистической партией» [174, с. 254-255].

Профсоюзные организации создавались среди рабочих и служащих. Студенты и учащиеся техникумов также вовлекались в них, правда, это происходило неравномерно. В 1923 г. в Витебском педагогическом инсти-

туте из 403 студентов членами профсоюзов являлись только 99 человек (25 %), в БГУ - около 40 % от общего количества студентов. В последующие годы количество членов профсоюзов среди студентов увеличивалось, хоть и не быстрыми темпами. В 1926-1927 учебном году их было до 63,8 % (2,8 тыс.) от общего числа студентов [224, с. 182]. О рабочей молодежи, которая «в общей своей массе вовлечена в профсоюзы», говорилось в отчете ЦК ЛКСМБ в октябре 1924 г. [157, л. 29]. В то же время в документах отмечалось, что в целом количество «профорганизованного студенчества» по БССР к 1929 г. значительно отставало от общего охвата профсоюзным движением студенческой молодежи в СССР [191, л. 315].

Одним из направлений своей деятельности профсоюзные организации считали работу среди молодежи, не подменяя при этом деятельность комсомола. В профсоюзных комитетах были специальные представители по работе среди молодежи, они периодически отчитывались о своей деятельности. В целом в числе своих первостепенных задач профсоюзы видели классовое воспитание молодежи и всестороннее удовлетворение их культурных потребностей и интересов, стремились сочетать в своей деятельности задачи как профессионально-экономического характера, так и политического. Они участвовали в заключении договоров, разрешении конфликтов, выявлении случаев усыновления без установленного порядка бесприютных сирот («один из злейших видов эксплуатации»), обращениях в суд и пр. [26, л. 2]. Не оставались они в стороне и при выявлении «враждебных», классово-чуждых элементов [192, л. 12, 67, 72, 180, 273, 274].

Профсоюзы проводили большую работу в решении многих социальных проблем. В числе мероприятий по улучшению материально-бытовых условий различных категорий молодежи – как рабочей, так и студенческой, – были такие, как выплата материальной помощи, организация касс взаимопомощи, распределение общежитий, организация столовых, прачечных, парикмахерских, мастерских для починки обуви, проводились медосмотры. Специально созданные на предприятиях и в учреждениях медкомиссии проводили профилактическую, санитарно-просветительскую работу, содействуя органам здравоохранения. Так, в связи с высоким уровнем заболеваемости среди молодых рабочих в начале 1926 г. ЦСПБ издал циркуляр о проведении медосмотров среди молодежи. На основании заключений комиссий по выявлению больных профсоюзные органы представляли молодежи путевки в дома отдыха. Для организации досуга молодежи в учебных заведениях и на предприятиях создавались различные кружки, в том числе спортивные, клубы для молодежи и юнсекции при

них, проводились вечера, коллективные посещения театров и кино, экскурсии в различные города – Москву, Ленинград, Свердловск, Киев и др. Много внимания профсоюзы уделяли охране труда. Следует сказать, что профсоюзные и комсомольские организации использовали многие формы и методы работы с молодежью, существовавшие и ранее.

Таким образом, профсоюзы, с одной стороны, помогали молодым людям в решении многих острых социально-экономических, профессиональных проблем, стремились развивать и способствовать удовлетворению растущих культурных потребностей молодежи. Но в то же время из-за излишней политизированности и идеологизированности этих организаций, активность молодых людей стала поощряться лишь в строго ограниченных рамках и направляться в «нужное русло», сдерживалось проявление инициативы. Идеологический контроль за деятельностью организаций возглавлял Агитационно-пропагандистский отдел ЦК КП(б). К концу 1920-х гг. усилилась тенденция огосударствления профсоюзов, их более тесной связи с партийно-государственным руководством. Излишняя заорганизованность и бюрократизация мешали нормальной работе профсоюзных организаций. «Письменные директивы часто плохо понимаются, а потому и не выполняются», – говорилось на окружном совещании молодежи одного из отраслевых отделений профсоюза [189, л. 280].

Примером развития общественных объединений на инициативной основе и вовлечения в них молодежи Беларуси стало краеведческое движение, активизировавшееся в начале 1920-х годов (истоки его были заложены еще до революции). В декабре 1921 г. прошла первая Всебелорусская краеведческая конференция, был создан руководящий орган – Центральное бюро краеведения, стал издаваться журнал. В состав ЦБК вошли, помимо деятелей сферы образования, представители коммунистической, комсомольской и профсоюзной организаций. Создавалась целая сеть краеведческих кружков республики, в том числе - при техникумах, школах, высших учебных заведениях. К концу 1920-х гг. в них насчитывалось более 10 тысяч участников [55, с. 29]. Краеведческое движение в Беларуси было одним из массовых на территории СССР. Как и во всей стране, в БССР краеведческому движению оказывалась поддержка со стороны партийно-государственных органов, особенно если те или иные направления соответствовали идеологическим установкам.

Краеведческое движение с начала 1920-х годов для белорусской молодежи стало проявлением подъема национального самосознания. По воспоминаниям одного из его участников, людям хотелось как-то проявить

себя, что-то сделать «не чыноўнае, не абавязковае, але тое, што завецца «для души». «Гэта быў уздым і размах у краянаўчай рабоце, якога не бачыла ні да таго, ні пасля ня толькі Беларусь, але ўвесь Савецкі Саюз. Асноўныя кадры складалі настаўнікі, студэнты і вучнёўская моладзь», – вспоминает один из современников и участников событий тех лет [258, с. 184, 185].

Однако в конце 1920-х – начале 1930 г., в русле общих политических тенденций в СССР, работа краеведческих кружков все более стала регламентироваться. Прошли «чистки», выявления «врагов», аресты наиболее активных членов и руководства. В тематике исследований все большее место стали занимать вопросы классовой борьбы, коллективизации, индустриализации, повышения урожайности, революционного движения и т.д. Пример развития краеведческого движения в Беларуси показателен отношением к общественным объединениям в целом со стороны партийно-государственных органов, тем вниманием, которое они уделяли руководству любым проявлениям общественной активности. Оно также наглядно демонстрирует изменения в основных установках проводимой политики.

Литературная деятельность, проявление общественной активности в этом направлении также не были свободны от идеологического контроля со стороны коммунистической партии. Так, в одном из отчетов руководителя Витебского отделения Всебелорусского объединения поэтов и писателей «Маладняк» сообщалось: «Работа філіі гурткоў праходзяць пры ўдзеле прадстаўнікоў КПБ і ЛКСМ, якія дапамагаюць у ідэалагічна-выхаваўчай галіне і крытычным разглядзе ўласнай творчасці сваім удзельцам, а таксама разуменьне запатрэбаванняў марксыцкай крытыкі і ідэалагічнай вытрыманасці твораў...» [187, л. 209].

Несмотря на антирелигиозную агитацию и пропаганду в 1920-е годы сохранялась еще достаточно сильная религиозность. До революции в Беларуси действовало 2466 различных религиозных объединений, из которых 1650 православных, 657 иудейских, 127 католических, 32 сектантских [40, с. 500]. В 1929 году в Беларуси еще продолжали существовать 1756 религиозных общин - православные (1013), католические (111), иудейские (547) и сектантские (85), из которых самыми многочисленными были секты евангельских христиан и баптистов. Об этом сообщалось в секретной сводке по 8 округам – Оршанскому, Витебскому, Гомельскому, Минскому, Могилевскому, Мозырскому, Полоцкому, Бобруйскому – на 1 января 1930 г. [227, л. 5].

Сектантские молодежные организации – объединения евангелистских христиан, адвентистов, баптистов и другие, были довольно массовыми в 1920-е годы. На совещании ЦК компартии по антирелигиозной пропаганде в апреле 1926 г. их деятельность была оценена как стремление подменить советские и комсомольские организации в деле воспитания подрастающего поколения. Н.И. Бухарин, выступая на VIII съезде ВЛКСМ в мае 1928 г., констатировал тот факт, что значительно усилился охват рабочей молодежи сектантскими организациями. По его словам, они объединяли примерно столько же юношей и девушек, сколько и комсомол [68, с. 8; 239, с. 122–123]. При этом признавалось, что в религиозных организациях состояли, как правило, высококвалифицированные, с более высокими, чем в комсомоле, моральными и нравственными устоями молодые люди.

Религиозные молодежные организации и движения просуществовали в условиях складывающегося тоталитарного режима дольше других некоммунистических объединений юношества в СССР. Одним из объяснений этому факту может быть относительная терпимость компартии (до поры), учитывавшей лояльность большинства сект и их членов к новой власти и плодотворную трудовую деятельность их членов. По мнению Соколова В.И., сектантские организации сами по себе являлись конкурентами православия и до поры до времени в этой роли были выгодны коммунистической власти [239, с. 123]. Но деятельность религиозных сектантских организаций постоянно была под контролем государственных и партийных органов. Так, в партийных документах по поводу их деятельности можно встретить следующие пометки: толстовцы-вегетарианцы – «антикоммунистической деятельности не замечено», старообрядцы в Бобруйском округе – «антисоветская агитация не замечена, отношение к Советской власти лояльное» и т.п. [120, л. 6].

Создаваемые в тот период общественные объединения в зависимости от направления деятельности условно можно подразделить на хозяйственные общественные объединения (общество по землеустройству трудящихся евреев, общество кустарей, крестьянской взаимопомощи (ККОВ), взаимного кредита, мелиоративные и т. д.); культурно-просветительские («Долой неграмотность», «Воинствующих безбожников», общества друзей радио, леса и т. д.); спортивные («Динамо»); в числе различного рода добровольных обществ также – МОПР (Международная организация помощи борцам революции), Авиахим (с 1927 по 1948 гг. – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – ОСОАВИАХИМ,

затем – ДОСААФ), Красный Крест, Белорусское общество помощи пролетарскому студенчеству и т.д. Молодые люди, вовлекаясь в эти организации, могли реализовать свою активность, любознательность. Следует, однако, отметить, что многие ячейки добровольных обществ, например, МОПРа, Авиахима, «Долой неграмотность», создавались по указанию сверху и часто оставались лишь «на бумаге», а вся их практическая деятельность сводилась зачастую к сбору членских взносов. Деятельности этих обществ и общественных объединений партийные и советские органы уделяли большое внимание, так как через них проводилась агитационно-пропагандистская работа, распространялись государственные «займы», осуществлялось интернациональное и коммунистическое воспитание.

О недостатках в деятельности общественных организаций, нарушении принципа добровольности, формализме говорилось на VI Всесоюзном съезде профсоюзов. Было предложено впредь не применять принуждения и давления при вступлении в общественные организации, не допускать коллективного членства, бороться с практикой навязывания значков, марок, литературы, альбомов и т.д. [28, л. 159]. Была предпринята перерегистрация членов некоторых обществ с «целью действительно индивидуального, добровольного членства», ради «установления подлинной связи с рабоче-крестьянскими массами» и, как говорилось в том же документе, для «поголовного вовлечения в Авиахим» [265, л. 19, 23]. Намерение придерживаться принципов индивидуального членства, «не допуская механических зачислений», содержалось и в плане работы общества МОПР [168, л. 2]. О возможном значительном отсеке членов организации говорил в своем вступлении на 2-м съезде общества «Долой неграмотность» А.Г. Червяков. По его мнению, если на бумаге числилось 6000 человек, то на деле их может оказаться 1500-2000 человек [180, с. 98]. Причинами выбытия членов обществ назывались: «неимение чем платить» и «несознательностью» некоторых товарищей [36, л. 5].

На совещании Агитационно-пропагандистского отдела ЦК КПБ в июле 1926 г. специально рассматривались вопросы о деятельности общественных организаций и партийного руководства ими. Говорилось о достижениях: закрепление актива в обществах, устранение «непосредственного командования ячейками добровольных обществ со стороны партийных ячеек», вовлечение беспартийных членов и т.д. Были отмечены и недостатки: слабое партийное руководство добровольными обществами, подавление всякой инициативы и самостоятельности, «параллелизм» в работе некоторых обществ, слабость воспитательной работы среди членов об-

ществ. Тут же предлагалось усилить руководство добровольными обществами [211, л. 2-3]. Очевидно, партийное руководство постоянно балансировало между необходимостью партийного руководства и контроля над всеми проявлениями общественной активности молодежи и поощрением инициативы и самостоятельности со стороны общественных организаций, по крайней мере, на декларативном уровне.

Примером общественной организации, создание и деятельность которой были инициированы партийным руководством, стал «Союз безбожников» (1925 г.), переименованный в 1929 г. в «Союз воинствующих безбожников». Вскоре после создания его деятельность стала разворачиваться и в Беларуси. К 1 января 1930 г. в рядах СВБ БССР насчитывалось 42 200 человек. В последующие годы рост рядов юных безбожников продолжал расти за счет вовлечения в организацию пионеров и школьников [87, с. 175]. Но на июль 1928 г. в Проекте Резолюции Секретариата ЦК КП(б)Б о состоянии и задачах антирелигиозной работы в БССР говорилось: «Саюз Бязбожнікаў валача жалкае існаванне, арганізацыйна не акрэп і масавай арганізацыяй яшчэ не з'яўляецца; налічвае ва ўсіх шэрагах да 8 000 чал., пераважна служачых і вучняў, колькасць жа беспартыйных жанчын і моладзі вельмі нязначная... » [211, л. 15].

Одним из направлений деятельности общественных, религиозных организаций традиционно была благотворительность. Но уже первые годы Советского государства стали переломными в этой сфере. Взяв курс на закрытие, вытеснение всех органов и организаций из частной и общественной благотворительности, государство стремилось стать единственным, основным субъектом социальной помощи и поддержки. В этих условиях создание и деятельность такого общества, например, как «Друг детей», с вовлечением молодежи в его работу могло сыграть существенную роль не просто в поддержании активности молодых людей в нужном для общества деле, а и воспитании гуманности и милосердия. Первые общества «Друг детей» стали возникать по инициативе государства в конце 1923 – начале 1924 годов, в том числе и на территории Беларуси. Устав Всебелорусского общества «Друзья детей» провозглашал целью своей деятельности оказание всесторонней помощи детям, содействуя открытию мастерских и общежитий для беспризорных детей, пропагандируя идеи охраны материнства, младенчества, детства; защиты прав несовершеннолетних и беспризорных детей. Денежные средства должны были идти от членских и вступительных взносов, от концертов, лекций, спектаклей, продажи значков, открыток, марок, календарей и т.д. На октябрь 1926 г. в обществах «Друг де-

тей» насчитывалось около 20 тысяч чел., на 1 октября 1929 г. – 25 664 [243, с. 17-18].

Даже, если реальная помощь большинства членов сводилась в основном к уплате взносов, что давало 10 % всех средств для борьбы с детской беспризорностью (в 1929 г.) [243, с. 18, 20], - это было существенной помощью в этом деле. В ряде случаев, когда состояние как местного, так и государственного бюджета не позволяло содержать имеющиеся детские учреждения и осуществлять другие меры по борьбе с детской беспризорностью, надежда возлагалась на общественность.

Большое внимание уделялось физкультурному движению, деятельности спортивных организаций. На V Всероссийском съезде Российского КСМ (11-19 октября 1922 г.) говорилось о необходимости развивать физкультуру среди трудящихся масс и при этом не допускать существования буржуазных спортивных организаций. «Необходимо вести решительную борьбу со старыми буржуазными спортивными организациями, соколами, «Маккаби» и т. д., в первую голову развитием нашей спортивной работы, затем посредством законодательных мер, материальной изоляции их, бойкота, недопущения к состязаниям и т. д., вплоть до ликвидации», – говорилось на том же съезде [146, с. 97–99]. Подобные установки действовали и на территории Беларуси. К враждебным буржуазным организациям причислялись скаутские союзы, организации из «Маккаби» и других националистических союзов. Комитеты РКСМ должны были внимательно следить за тем, чтобы старые буржуазные организации не возрождались под новым названием [53, с. 94]. Отслеживался социальный состав членов физкультурных кружков. В сводке-отчете по городу Минску и Минскому округу (1926 г.) отмечалось недостаточное внимание к физкультуре со стороны руководства окружной комсомольской организации. Говорилось о 976 комсомольцах, охваченных физкультурой по округу, как незначительном результате, в то время, как «прочей» молодежи в кружках физкультуры огромное количество [162, л. 358]. Выражалось явное недовольство таким положением.

Руководство физкультурным движением должно было соответствовать не столько профессиональным критериям, сколько политическим. В одном из информационных материалов содержалась следующая характеристика руководства Белорусского Совета Физической Культуры (СФК): «Недостаточно инструкторского состава в Белоруссии, слабая его подготовка, а также то, что весь квалифицированный состав инструкторов в большинстве своем бывшие офицеры и члены ранее существовавших бур-

жуазных спорторганизаций. ... всего руководителей 26 чел. (по Минску). Специальное образование из них имеет 10 чел. ...Нисколько не лучше дело обстоит и в других местах СССР» [162, л. 360].

Итак, при создании общественных организаций основной целью Советского государства стало вовлечение трудящихся в общественно-политическую жизнь страны. В период 1920-х гг. в реализации государственной молодежной политики в данном направлении проявились следующие особенности и тенденции: шел процесс формирования отношения государства к общественным объединениям, молодежным в том числе; происходило расширение социальной базы многих общественных организаций за счет привлечения рабочих и крестьянских слоев, студенческой и учащейся молодежи; проявлялся довольно высокий интерес молодых людей к различным общественным объединениям; однако по мере формирования однопартийности все больше стали проявляться тенденции политизации, формализма и бюрократизации в работе многих общественных организаций, нарушения принципов добровольности и самостоятельности; в молодежном движении самыми массовыми стали профсоюзные и комсомольские организации; комсомол занял в нем монопольное положение.

Само существование различных общественных объединений имело огромное значение для социализации молодежи, формирования ее субъектности. Они способствовали ее профессиональному, ценностному и идеологическому выбору, направляли активность на социально значимые дела, способствуя тем самым формированию гражданских качеств, чувства ответственности за общественные дела. Это соответствовало потребностям развития общества и способствовало повышению образовательного и культурного уровня молодежи, особенно из пролетарских и крестьянских слоев населения. Появление различных общественных организаций в БССР свидетельствовало об определенном демократизме общественно-политической жизни. В то же время руководство республики внимательно следило за всеми проявлениями социальной активности и контролировало их. Излишняя идеологизация и политизация, практика классового подхода в конечном итоге ограничивали социальную активность, реализацию творческого потенциала и инициативы молодежи в различных сферах. Это сдерживало становление молодежи как полноправного субъекта общественной жизни. Молодежные организации в своей деятельности все больше ориентировались не на потребности молодежи, а на интересы государства.

Таким образом, реализация основных направлений государственной политики по отношению к молодежи в БССР в 1920-е годы во многом со-

ответствовала интересам и потребностям самой молодежи в получении образования, профессии, обеспечении занятости, решении многих социальных проблем. Большую роль в реализации социальной активности играли различные общественные организации. Государство, коммунистическая партия, комсомол, вся система образования становились основными социализирующими институтами. Огромное внимание при этом уделялось идейно-политическому воздействию на молодых людей. Классовый подход, идеологические установки коммунистической партии, курс на социалистическое преобразование общества стали определяющими в осуществлении основных мероприятий государственной молодежной политики, вовлечении молодежи во все социально-политические и культурные преобразования в обществе. Через решение социальных проблем предполагалось сохранить над ней влияние со стороны коммунистической партии.

Из молодежных объединений самой массовой и влиятельной становилась комсомольская организация. При всей противоречивости, эта организация начинала играть большую роль в проявлении социальной активности молодежи и формировании ее самоидентификации. Именно с комсомолом связано становление массового молодежного движения как такового.

В то же время политика государства по отношению к молодежи в БССР в 1920-е гг. отражала всю противоречивость общественно-политической жизни общества в годы НЭПа, характеризовалась стремлением к монопольному правлению компартии, контролю над всеми проявлениями общественной активности молодежи. В Беларуси, в силу ее геополитического положения, этому контролю уделялось особое внимание.

ГЛАВА 3

МОЛОДЕЖЬ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

3.1 Быт, досуг, семейно-брачные отношения

Такие стороны повседневной жизни молодежи, как быт, досуг, отношения между полами, семейно-брачные отношения, оказались под воздействием как общих процессов модернизации, охвативших многие европейские страны, так и тех революционных преобразований, которые происходили в советском обществе, в том числе и в Беларуси, после 1917 года. В данной ситуации общий революционный настрой приводил часто к радикализму в поисках новых форм обустройства этих сторон жизни, затрагивая (подрывая) при этом традиционные устои, в том числе и основы христианской морали. В то же время консерватизм, приверженность традициям также были характерны для сознания значительной части населения в силу того, что его большую часть в Беларуси составляло крестьянство. Сказывались также общая культурная отсталость большинства населения и неустроенность быта.

Воздействие со стороны государства на эти сферы общественной жизни в 1920-х гг. осуществлялось в русле его целенаправленной политики по формированию нового человека – представителя социалистического общества. В соответствии с этими целями вырабатывались основные установки и принципы Советской власти: либерализация семейно-брачных отношений, отстранение церкви от участия в их регулировании, государственная охрана прав матери и ребенка, борьба за новый быт. Публикации и выступления государственных, партийных и общественных деятелей, дискуссии среди молодежи о сексуальных отношениях, половой морали свидетельствовали о поисках их новых форм и идеалов.

Вопросы нового быта, морали, отношений полов широко обсуждались на теоретическом уровне (В.И. Ленин, Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай, А.В. Луначарский и др.). Поляризацию точек зрения в этом вопросе отражали позиции А. Коллонтай и А. Залкинда. Позиция А. Коллонтай: сексуальное освобождение как важнейшая черта революционного процесса, здоровая сексуальность – атрибут новой коммунистической женщины [270, с. 249]. Позиция Залкинда А.: «во что бы то ни стало зарегламентировать сексуальность» [42, с. 51]. В вопросе «пролетарской любви» известный психиатр и общественный деятель того времени А. Залкинд занимал

классовую позицию. Половая жизнь, по его мнению, допустима лишь в том ее содержании, если способствует росту коллективистских чувств, классовой организованности, производственно-творческой, боевой активности и остроте познания; половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности [69, с. 335]. По сути «Заповеди» Залкинда были призваны утвердить принципы коллективизма, закрепить приоритет общества над индивидом даже в этой интимной сфере и ее регламентировать. Правда, не все разделяли эти идеи, называя их попыткой регулировать половые отношения революционного пролетариата «добродетельно-пастырскими проповедями» [31, с. 382]. Свою позицию по поводу понимания свободы любви выразил В.И. Ленин еще в 1915 г. Он предлагал разграничивать «буржуазное» и «пролетарское» требование, понимание свободы любви. В пролетарском понимании «свобода», например, должна пониматься как свобода от материальных расчетов [110, с. 51-52]. Против опошления частью молодых людей любовного чувства неоднократно выступал Нарком просвещения А.В. Луначарский.

Молодые люди, зачастую не вникая в теоретические рассуждения, по-своему преломляли их в сознании. В их среде бурно обсуждались вопросы сексуальности, «свободной любви», необходимости брака, создания семьи, идеала женской красоты. Об этом свидетельствуют документы и периодическая печать тех лет. Проводились опросы молодых людей. Мнения были разными. В силу своих возрастных особенностей - отсутствие устоявшихся жизненных ценностей, ориентиров, социального опыта – молодежь оказывалась наиболее подверженной воздействию новых идей. Так, довольно распространенным среди молодежи тех лет (комсомольской и некомсомольской) стал скептический взгляд на брак и любовь вообще. Притом, что действительно существовали причины послереволюционного послабления нравов, в том числе – вынужденное раннее взросление подростков, Т. Осипович считает, что проблема половой распущенности несколько преувеличена, что найти точные доказательства распущенности, к примеру, в студенческой среде, весьма затруднительно. Студенты могли проповедовать более радикальные взгляды на сексуальные отношения, но в практической жизни придерживались традиционного поведения [153, с. 162, 170]. Несмотря на большее распространение добрачных и внебрачных половых отношений, особенно среди студенческой и рабочей молодежи, при опросах молодые люди далеко не всегда оказывались сторонниками полной свободы в этой сфере. Так, большинство студентов БГУ при анкет-

ном опросе, проводившемся в 1927 г., выбрали продолжительные отношения полов (62,9 % мужчин и 76,9 % женщин) [89, с. 14].

Правовое регулирование семейно-брачных отношений не только должно было обеспечить их стабильность, но и содействовать созданию новой советской семьи и воспитанию нового поколения в социалистическом духе. Последнее должно было реализовываться, прежде всего, через «отчуждение» от семьи ряда функций и передачи их государству. Важнейшими из этих функций были воспитание и организация питания. Правда, на тот момент из-за недостаточности средств государство не смогло обеспечить их в полной мере. В силу этого признавалось, что государство «переходного типа» пока не может отменить семью, но ей отводилась роль лишь «вспомогательной социальной ячейки» [31, с. 389]. «Социализация быта» предполагала не только систему общественного воспитания, но и общественного питания («отделение кухни от брака – более значительное историческое явление, нежели отделение церкви от государства» [31, с. 391]). Для этого были предприняты некоторые меры, в частности, было создано паевое общество «Белнарпит». Считалось, что повседневные мелочные нужды и потребности отнимают все свободное время у рабочего, тормозят его активное участие в общественной жизни страны; необходимо также освободить женщину от кухонного ига и дать ей возможность отдавать все силы общественной работе. Об этом, в частности, говорилось в циркулярном послании ЦК КП(б)Б всем парторганизациям Беларуси (декабрь 1924 г.) и предписывалось им проводить систематическую работу «по революционизированию» быта трудящихся [266, л. 9].

Уже в декабре 1917 г. были изданы декреты ВЦИК и СНК РСФСР о гражданском браке и расторжении браков. В 1918 г. был принят «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР». Положения КЗАГС РСФСР 1918 г., принятые до основания БССР, действовали в республике вплоть до 1927 г. Они устанавливали новые брачно-семейные отношения на принципах равноправия (личного и имущественного), добровольности заключения брака, свободы его прекращения, государственной охраны прав матери и ребенка, отстраняли церковь от участия в их регулировании. Чтобы обеспечить правильное, с учетом условий Беларуси, применение норм этого кодекса, правительственные органы республики принимали соответствующие постановления и давали циркулярные указания [79, с. 269].

Циркуляром НКВД и НКЮ ССРБ от 26 августа 1922 г. служителям религиозных культов запрещалось совершать обряды крещения и брака без

предварительной их регистрации в органах ЗАГС. И хотя церковный обряд сохранялся либо совмещался с регистрацией практически в течение всех 1920-х годов, особенно в деревне, политика государства была направлена на вытеснение церкви из этой сферы. Лишь к концу 1920-х гг. гражданский брак начал завоевывать большую популярность. Так, например, по Витебскому округу в обследованных (1627) хозяйствах в 1928-1929 г. из 124 заключенных браков, только 25 % после регистрации в ЗАГСе прошли церемонию венчания [220, с. 76].

Согласно действовавшему в Беларуси законодательству, до 1925 года сохранялся судебный порядок развода с детальной регламентацией этой процедуры. Постановление ЦИК СНК БССР от 29 мая 1925 года «О порядке разбирательства дел о расторжении брака и о выдаче содержания нуждающемуся супругу и детям» упрощало процедуру бракоразводного процесса. Очевидно, упрощение процедуры развода приводило к увеличению их числа. Если в 1924 г. на 1000 жителей республики приходилось 60 разводов, то в 1927 г. – 122 [39, с. 178]. Причем, основная масса разволившихся обоих полов находилась в возрасте от 20 до 24 лет: 27 % мужчин и 37,5 % женщин. Эта тенденция проявилась также в том, что в 1924 г. увеличилась группа браков, в которой одна из сторон уже побывала в браке, но развелась (7 % по БССР, 11 % в Минске), до войны таких браков зафиксировано не было [59, с. 229]. По другим данным, в БССР сокращение браков и рост количества разводов шли еще более быстрыми темпами [31, с. 410]. Исследуя семейно-брачные отношения тех лет и отмечая «падение брачности» и «скачок» разводов, Вольфсон С.Я. писал, что Белорусская республика в этом отношении не представляла собой особого исключения из среды других союзных республик, что по всей европейской части СССР за 1924 и 1925 годы «цифры будут не менее показательны» [31, с. 412].

Наметилась еще одна тенденция данного периода – сокращение продолжительности брака. Продолжительность брака могла исчисляться не только годами, но и месяцами и даже неделями. Сравнивая количество разводов по продолжительности брака с г. Ленинградом, Вольфсон С.Я. заметил, что Украина и Белоруссия дают «картину еще меньшей устойчивости браков», что только около одной четверти приходится на браки, длящиеся свыше четырех лет [31, с. 414]. В 1924 году на 1 000 разводов приходилось 159 браков с продолжительностью менее года в Ленинграде, в Харькове – 197, в Минске в 1925 году – 265 и в 1926 году – 274. По сельской местности эти данные были еще разительнее. Так, в 1925 г. по сельской местности БССР на 1000 разводов приходилось 512 браков с продол-

жительностью менее одного года, в 1926 г. – 448 [31, с. 416]. Тем не менее, в сельской местности разводы осуждались.

В 1920-е наметилась тенденция изменения возраста вступления в брак. В довоенное время большее количество мужчин вступало в брак в возрасте до 20 лет, в 1924 г. было отмечено сокращение этой группы (с 15,4 % до 6,3 %). Зато значительно увеличилась возрастная группа от 21 до 24 лет (с 34,3 % до 42 %). Средний возраст девушек, выходящих замуж, тоже несколько повысился по сравнению с довоенным уровнем. Средний возраст женихов по БССР в 1924 г. составил 27,2 года, средний возраст невест – 23,6 года [59, с. 228]. В середине 1920-х годов возраст 20-24 года – самый активный в выборе супруга (супруги) [246, с. 10].

С 1 марта 1927 г. на всей территории республики был введен в действие Кодекс законов о браке, семье и опеке Белорусской ССР, утвержденный 27 января 1927 г. четвертой сессией ЦИК БССР VII созыва. При подготовке проекта Кодекса была проведена большая подготовительная работа с привлечением общественности. Эти проблемы обсуждались на собраниях трудовых коллективов, в печати. Целый поток откликов по этим вопросам был от молодежи. В КЗоБСО БССР 1927 года сохранялись основные положения советского семейного права о равенстве женщин (в личном и имущественном отношении), о гражданском и свободном характере брака, и др. Кодекс предусматривал одинаковые юридические последствия как зарегистрированного, так и фактического брака. Труд по ведению домашнего хозяйства и по уходу за детьми приравнивался к труду по добыванию средств жизни. Закреплялись некоторые новые положения по сравнению с законодательством первых лет Советской власти. Так, брачный возраст для обоих полов был повышен с 16 до 18 лет.

При общей демократической направленности брачно-семейного законодательства тех лет, оно не лишено было классовой регламентации. Так, к примеру, до 1927 г. законодательство не допускало усыновления. Это объяснялось необходимостью не допустить «эксплуатации усыновленных нэпманами и кулаками» [79, с. 419]. КЗоБСО БССР 1927 г. предусматривал усыновление. В сентябре 1927 г. ЦИК и СНК БССР приняли постановление, разрешавшее передачу воспитанников детских домов на трудовое воспитание крестьянским семьям. Крестьянская семья имела право взять из детского дома одного или двух воспитанников от 8 до 18 лет на срок не менее трех лет. При этом не разрешалось брать на трудовое воспитание детей лицам, лишенных избирательных прав [79, с. 421].

В отношении репродуктивной функции женщин государство проводило политику поощрения и стимулирования рождаемости, реализации государственной системы охраны материнства и младенчества (насколько позволяли средства), создания учреждений общественного воспитания (ясли, детские сады, площадки). Были разрешены аборт (в 1920 г.) в лечебных учреждениях по медицинским и социальным показаниям. В течение 1920-х гг. отмечалась тенденция к росту количества абортов, особенно в городе, и увеличения их числа относительно родившихся. Так, если в 1924 г. было зарегистрировано 1187 абортов по всей Беларуси, то только за август 1925 г. их было зафиксировано 1065. На 1925 г. по БССР на 100 родившихся детей приходилось по городам 69,2, по сельской местности – 2,3 аборта [57, с. 14]. К 1928 г. аборты в городе составляли уже 92,2 % к числу родившихся, на селе – 7,6 % [260, с. 28-29]. При этом был отмечен рост количества молодых (до 20 лет) и нерожавших женщин. А. Дулов, исследовавший эту проблему, отмечает, что аборты не были редкостью в деревне, зачастую проводились на дому и довольно варварскими способами [59, с. 231-232]. По его мнению, это объяснялось как нехваткой в сельской местности медицинских учреждений, так и традиционализмом мышления крестьянок, не желавших, чтобы общество узнало об их проблеме.

Впоследствии государство постепенно ограничило доступность абортов созданием специальных комиссий, введением платы в ряде случаев и другими ограничительными мерами вплоть до запрещения их в 1936 г. (кроме исключительных случаев). Государство, таким образом, сохраняло за собой контроль за репродуктивной функцией.

Уровень рождаемости является одним из демографических показателей в оценке эффективности государственной политики. До революции рождаемость (родившихся живыми на 1000 жителей) в белорусских губерниях составляла в среднем 38,9 человек (1913 г.) и была несколько ниже, чем по европейской части России (45,5 человек). При этом отличия по губерниям также были довольно существенными. Так, к 1913 г. этот показатель по Витебской губернии составлял 31,9, Минской – 38,6, Могилевской – 41,2 [205, с. 49]. Раков А.А., автор одного из исследований демографических процессов в Беларуси, отмечает, что рождаемость в 1920-е годы даже возросла, связывая это с мероприятиями государства по охране материнства, бесплатной медицинской помощи и результатом «компенсационного» периода первых послевоенных лет. Тем не менее, анализ данных, приводимых самим же автором, показывает, что не все так просто и однозначно. Так, с 1924 г. действительно наблюдался рост рождаемости. По Беларуси в

среднем он составил 39,8 человек (родившимися живыми на 1000 человек). Пик приходится на 1925 и 1926 годы (42,3 и 41,3 соответственно). А дальше – снижение. И уже в 1926 году – 36,4, а в 1930 г. – 35,4 чел., что было уже ниже уровня 1913 г. [205, с. 50, 56]. По другим данным, снижение рождаемости наблюдалось уже с 1924 г. Так, в 1924 г. на 100 женщин возраста 15-49 лет приходилось по окружным городам БССР 118,5 рождений, в 1925г. – 115,6, в 1926 г. – 111,0, 1927 г. – 106,0 [31, с. 412].

Острейшими вопросами были вопросы жилищных условий и питания. Так, например, авторы одного из исследований условий труда, быта, физического состояния рабочей молодежи, проведенного в 1925 г., в ряду острых бытовых проблем обращали внимание на темноту жилищ, переполненность (как следствие - ранняя сексуальность, алкоголизм), отсутствие отдельной постели, условий для отдыха и восстановления сил, низкий уровень личной гигиены и т.д. [204, с. 39]. Интересно, что в отличие от распространенных в то время объяснений подобного положения исключительно наследием прошлого, авторы данного исследования в числе причин отметили слабость рабочего движения и относительно низкий уровень запросов [204, 33].

Авторы констатировали, что на общем фоне жилищного кризиса рабочая молодежь в БССР выделялась еще более скверными условиями жилья [204, 42]. Также не в лучшую сторону (по сравнению с Ленинградом и Москвой) отличалось и питание рабочей молодежи БССР: «В среднем по БССР 40,1 % резко выраженного ненормального питания, т.е. примерно $\frac{1}{2}$ рабочей молодежи жалуется на резкий недостаток питания, ... 18,1 % жалуется на систематическое недоедание и 12,4 % на отсутствие горячей пищи» [204, 46]. Авторы – сотрудники наркомздрава – такое положение считали нетерпимым, требующим самых решительных мер. Предлагалось, например, обратить внимание на организацию общественных столовых.

Крайне неудовлетворительное положение условий, в которых приходилось проживать как рабочей, так и студенческой молодежи – общая характерная черта того времени. Всю катастрофичность такого положения отражают некоторые документы. Так, например, состояние дел в общежитии Белхудтехникума в 1924-1925 гг. докладчик на собрании студкома назвал «невозможным» и привел следующие факты: общежитие студентов отапливается очень редко, комната для 20 человек слишком мала, освещение скудное, необходимой мебели (столов, табуреток) не имеется, матрацев и одеял почти ни у кого из живущих также нет, «так что приходится или мерзнуть или задыхаться в сыром, спертom воздухе». Все эти условия,

по словам студента, конечно, отражаются на организме, многие начинают заболеть «легочной и другими болезнями». На том же собрании подобное положение было оценено как «самая низкая ступень». А представитель от ячейки ЛКСМБ Белорусского художественного техникума заметил, что подобные материальные условия отражаются на успехах учащихся, указал на бесполезность содержания этого учебного заведения при таком положении дел, «ибо в будущем ... из техникума выйдут не общественные деятели, каких требует Белоруссия, а больные, колеченные люди» [27, л. 28]. О не просто тяжелом, «отчаянном» положении рабфаковцев говорится в другом документе. Иногда, как сообщалось, выпускники-рабфаковцы «не могут поехать в вузы, потому что одеть нечего» [197, л. 28].

В 1923, 1924 и 1925 гг. проводились массовые медико-санитарные обследования молодежи Беларуси. В их задачи входило: а) исследование состояния здоровья, условий труда и быта рабочей молодежи, б) определение наиболее важных «участков, куда нужно бросить все силы на борьбу за здоровое подрастающее поколение и в) принятие практических мер к оздоровлению труда и быта молодежи». Этими вопросами должны были заниматься органы здравоохранения, партийные, профессиональные и советские организации, ибо подготовка кадров здоровых людей представлялась задачей, «связанной с общей задачей социалистического строительства» [204, с. 1]. В последующие годы на предприятиях также проводились подобные обследования. Правда, они касались в основном рабочей молодежи.

Результаты медосвидетельствований выявляли серьезные проблемы. В одном из отчетов ЦК ЛКСМБ в 1924 г. состояние здоровья молодежи оценивалось как катастрофическое, говорилось о том, что количество больных увеличивается [157, л. 33]. В том же отчете приводились данные о количестве больных и здоровых учащихся профшкол за 1922-1923 гг.: из 378 чел. больных – 222, здоровых – 156 (в 1922 г.); из 432 человек больных – 257, здоровых – 165 (в 1923 г.) [157, л. 30]. В секретном информационном письме ЦК ЛКСМБ из 3 911 молодых людей по результатам медицинского осмотра около 70 % были названы больными [149, л. 249]. Данные о заболеваемости подростков города Витебска за 1924, 1925 и 1926 годы были опубликованы в газете «Заря Запада». В статье говорилось о «неуклонном росте заболеваемости молодежи», ухудшении ее здоровья, «несмотря на общее улучшение питания населения». По мнению автора статьи, приведенные цифры должны были привлечь внимание к этой серьезной опасности, угрожающей подрастающему поколению, и способствовать приня-

тию срочных мер в решении бытовых, санитарно-гигиенических проблем молодежи [34, с. 2]. По результатам одного из исследований, проведенного в 1925 г. и охватившего 8648 человек работающей молодежи до 20 лет, 38,2 % были признаны совершенно здоровыми, 61,8 % – нуждающимися в той или иной помощи по поводу физического состояния. При этом было отмечено, что 39,3 % человек можно назвать «практически больными, нуждающимися во врачебной помощи» [204, с. 107].

Наиболее распространенными среди молодежи оказывались такие болезни, как малокровие, туберкулез, болезни органов пищеварения, дыхания, глаз, которые, так или иначе, были связаны с тяжелыми социально-бытовыми условиями. Болезни пищеварения, к примеру, на 75 % связывались с болезнью зубов, с несвоевременным приемом пищи в антисанитарных условиях. В том же 1925 г. в Витебске из 2 068 обследованных подростков – рабочих и служащих города (до 20 лет) было выявлено 11 % с «наследственным туберкулезом». Особенно это было распространено среди печатников (18 %), металлистов (15 %), кожевников (11,5 %), текстильщиков (10 %). Неудовлетворительные жилищные условия имели 32 % обследуемой молодежи. Отмечались большая скученность, отсутствие отдельных кроватей, неудовлетворительное питание. Отмечалось также, что 23,5 % от общего количества юношей и девушек курят, 9 % употребляют алкоголь. При этом уровень грамотности среди этой категории молодежи составил 98 % [26, л. 116-117].

Туберкулез при медицинском осмотре молодых людей призывного возраста занимал «самое почетное место». Например, по данным призывных комиссий в Слуцком округе на 1925 г., туберкулез обнаружен был у 10,5 – 12,9 % всех осмотренных или 28,4 – 35,9 % всех признанных больными (2-е место занимали заболевания сердца) [209, с. 30]. Среди всех выявленных заболеваний в том же Слуцком округе в 1926 г. туберкулез по-прежнему занимал первое место. Следующее поколение призывников (1904 г.) комиссия признала даже более ослабленным, по сравнению с поколением 1903 года рождения [210, с. 72]. По результатам еще одного медицинского осмотра (586 человек) рабочей молодежи Гомельщины (главным образом, 16-18-летних), только 43 % молодых людей были признаны здоровыми. На первом месте из заболеваний также был отмечен туберкулез. Жилищные условия были признаны неудовлетворительными для 53 % обследованных, хотя большинство из этих молодых людей жили в семьях либо на частных квартирах, и только 24 % – в общежитиях [129, с. 97-98].

Об общем тяжелом экономическом положении и неблагоприятных бытовых условиях, серьезных проблемах, связанных с состоянием здоровья жителей Беларуси, говорилось на 1 Всебелорусском съезде санитарных работников. Такое положение связывалось с пограничным положением Беларуси, что «исторически делало ее плацдармом борьбы между отдельными государственными объединениями, ... и тяжело отражалось на быте и культуре белорусского крестьянства и местечкового еврейства». Отмечался также недостаток жилищного фонда, отсутствие в городах канализации, водоснабжения, что часто приводило к различным инфекциям. «Беларусь несомненно стоит на 1 месте по целому ряду инфекций. Корь, скарлатина, грипп, сыпной и возвратный тиф – выше, чем в других республиках. За половину 1925 г. примерно на 100 000 здорового населения приходится 493 заболевших корью. Туберкулез как нигде, пустил глубокие корни не только в городе, но и значительно захватил деревню», – говорилось там же [10, с. 3]. В материалах Секретного отдела ЦК КП(б)Б об экономическом состоянии Белоруссии и укреплении погранполосы широкое распространение социально-бытовых болезней (туберкулез, сифилис, парша, психические заболевания) связывалось с последствиями войны, слабым развитием сети лечебных заведений, особенно в деревне и недостатком медицинского персонала [231, л. 21].

Неблагополучные социально-бытовые условия, болезни и прочие подобные проблемы неизменно объяснялись наследием прошлого. Представлялось, что их разрешить можно как воспитательными мерами, так и проведением определенных мероприятий со стороны партийно-государственных органов, профсоюзных организаций, а также учреждений здравоохранения (организация санаторно-курортного лечения, оказание медицинской помощи, общее улучшение условий труда и быта). Так, например, в одном из отчетов ЦК ЛКСМБ по результатам медосмотра рабочей молодежи профшкол говорилось о том, что в числе мер «для лечения, обслуживания молодежи забронировано 10 % мест в Домах отдыха в Минске и Витебске. Помимо этого организовывается два Дома отдыха молодежи...» [157, л. 30].

Вопросы быта должны были сыграть огромную роль «в перевоспитании рабочей и крестьянской молодежи в коммунистическом духе. «Нечистота, опущенность в личной жизни являются наибольшим злом в развитии здоровых навыков подрастающего поколения», – говорилось на IX съезде КП(б)Б [143, с. 269]. В реализации этих задач важную роль должны были сыграть «изыскание разумных развлечений, участие в общественной

работе», решительная борьба «со всякого рода неэтическими поступками», организация общежитий на рабфаках, вузах, профшколах, на предприятиях, соблюдение чистоты, порядка и опрятности [119, л. 4]. Вопросы здорового быта становились предметом обсуждения на партийных съездах, комсомольских, профсоюзных собраниях среди студенчества, рабочей молодежи, в печати. Они рассматривались в двух основных аспектах: в плане общего улучшения условий их жизни, а также – внедрения нового социалистического быта, основанного на принципах коллективизма. О том, каким должен быть новый социалистический быт, высказался А.В. Луначарский. «Одной из основных черт этого быта, – писал он, – будет коллективизация человеческого жилища. Не проплеванного, прокуренного, сырого, смрадного жилища, а комфортабельно обставленного, роскошного, блестящего жилища-клуба, где все будет коллективное, начиная с кухни и кончая развлечениями» [19, с. 2].

На страницах печати того времени помещались статьи и заметки о гигиене, об организации отдыха, о режиме питания и т.п. [123, с. 2; 232, с. 1]. Нередки были статьи просветительно-обличительного характера. «Очень часто неряшество смешивают с бедностью... Иногда в комсомольской среде замечаешь какой-то культ неряшливости... Грязи, неряшливости, распушенности, расхлябанности, всем приятелям старого строя и старого быта молодежь первая должна объявить самую решительную борьбу», – это из статьи Н.А. Семашко (нарком здравоохранения РСФСР) [232, с. 1]. В своем выступлении Луначарский дал оценку отношения самой молодежи, в частности, комсомольской к этой стороне жизни: «Наша комсомолия, рожденная в шквалах революции, привыкшая к всевозможным лишениям ..., до сих пор пропитана духом отжившего свое время типа революционера-разрушителя. Комсомолец до сего времени не может приобщиться к веяниям нового периода...» [232, с. 1].

В 1920-е годы у многих новый быт ассоциировался с трезвостью, возникали массовые антиалкогольные движения. Повсюду можно было встретить плакаты и лозунги «Вон самогон», «За трезвый быт», «Даешь получку без вина» [101, с. 150]. Сначала Советская власть сохраняла традицию отрицательного отношения к пьянству вообще (продажа алкогольных напитков была запрещена в России еще в первую мировую войну). Искоренение алкоголизма было отнесено к числу важнейших ближайших социальных задач. Решительная борьба с пьянством считалась необходимой для становления нового общества. Об этом говорилось, например, в программе РКП(б), принятой на VIII партсъезде в марте 1919 г.: «В облас-

ти охраны народного здоровья ... РКП ставит своей ближайшей задачей: ... борьбу с социальными болезнями (туберкулезом, венеризмом, алкоголизмом и т.д.) [181, с. 92]. В декабре 1919 г. было принято постановление СНК РСФСР «О запрещении в РСФСР без разрешения продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» – так называемый «сухой закон», предпринимались некоторые меры по борьбе с самогонованием. Однако уже в августе 1925 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР о введении в стране государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков. Советское правительство вводило водочную монополию как вынужденную меру, необходимую для экономического подъема страны, предполагалось, что на небольшой срок. В конце 1920-х годов начала проводиться государственная политика по ограничению продажи водки, борьба с самогонованием. Аналогичная политика проводилась и на территории Беларуси. В эти годы борьба с пьянством и алкоголизмом проводилась по следующим направлениям: административно-правовое, медицинское и воспитательное. В воспитательно-просветительскую работу среди молодежи включились профсоюзные и комсомольские организации. К комсомольцам обращались как главным борцам за новый, трезвый быт.

Для организации свободного времени и повышения культурного уровня молодежи организовывались клубы, юнсекции при них. Их создание было связано с признанием наличия «особых интересов и запросов молодежи в отличие от взрослых рабочих» и необходимостью обеспечить влияние комсомола на «массы организованной в рабочих клубах молодежи» [49, л. 41]. Клубная работа как одна из форм привлечения населения к культурной жизни существовала и до революции. Еще до Первой мировой войны в Беларуси действовали клубы, киноустановки. В конце 1922 г. на территории республики действовало 137 клубов и районных домов культуры, кроме этого, - 395 массовых библиотек, 177 изб-читален [39, с. 246]. В Витебске, например, юнсекции при клубах стали создаваться в 1925 г. Более или менее их регулярная работа стала налаживаться к началу 1927 г.

В клубах организовывались различные кружки, конкурсы, литературные и политсуды, катания на лодках, лыжные соревнования, коллективные походы в кино, театр, музеи. Проводилась работа по белорусизации этих секций. Иногда отмечались недостатки в этой работе [187, л. 315-317]. Сказывались нехватка помещений, руководителей кружков. Встречались и замечания такого рода, как «культработу среди молодежи до сих пор не проводили, из-за неимения союзного клуба» [184, л. 108]. При всем

разнообразии проводимых мероприятий, организованных развлечений все они должны были подчиняться определенным идейным установкам. Увлечение «культурничеством», без соответствующего внимания политико-воспитательной и производственной работе, считалось неправильным [191, л. 288]. «Художественные кружки имеют большое значение, но не следует забывать, что они являются вспомогательными и не могут являться самоцелью работы клуба», – говорилось на съезде профсоюзов Витебского округа в феврале 1925 г. [196, л. 63].

Различные кружки, в том числе спортивные, вечера, коллективные посещения театров и кино, экскурсии в разные города организовывались и в учебных заведениях. Не все, конечно, проходило гладко, были жалобы, недовольство как со стороны актива на пассивность молодежи, ее нежелание участвовать в общественной работе, мероприятиях, так и со стороны молодежи – организацией этой работы. Подобные настроения прослеживаются в отчетах профсоюзов: «от общего числа около 600 человек молодежи по союзу металлистов только 53 являются членами клуба... Почти такое же положение наблюдается у кожевников, железнодорожников, служащих и в некоторых других юнсекциях [187, л. 315]. В некоторых организациях отмечалась хорошая работа, активность молодежи в работе клубов, где они проводили свободное время.

Согласно материалам одного из обследований, проведенного в Беларуси в 1925 г., более $\frac{3}{4}$ подростков от 15 до 19 лет свое вне рабочее время проводили в «более или менее разумных занятиях» в клубах и кружках [204, с. 91]. Правда, это касалось работающей молодежи данного возраста, а по оценкам авторов указанного исследования, вместе со студенческой и обучающейся в техникумах и семилетках молодежью она едва ли составляла $\frac{1}{5}$ населения соответствующего возраста. Отмечалось также, что отсутствие какого-либо определенного занятия среди городских подростков в Белоруссии – значительно более распространенное явление, чем во всем СССР [204, с. 8].

Исследование рабочей молодежи Гомельщины (1927 г.) показало, что работа у них занимала от 4 до 8 часов (в зависимости от возраста), большинство (54 %) посещали вечерние школы, ликпункты, политшколы, затрачивая от 2 до 4 часов ежедневно, при этом на сон у 49 % уходило менее 8 часов, у 4 % – более 9 часов [129, с. 97].

Приметами нового быта в деревне стали рисунки, репродукции, портреты вождей, поэтов, писателей. Ими украшали стены домов. Так, по результатам обследования культурно-бытового положения деревни на Ви-

тебщине (обследование проводилось не по возрастному, а по классовому признаку), почти в каждой четвертой хате на селе висели портреты Ленина, Калинина, Сталина, Червякова и др. Отмечалось, что из 1627 хозяйств в 1929 г. 68 % празднуют революционные праздники [221, с. 46, 47]. В то же время, как показало исследование, в 88 % случаев в домах были иконы, исполнялись религиозные обряды, связанные с похоронами, крещением, вступлением в брак [220, с. 76]. Проводились красные свадьбы. Только в 1925 г. в Беларуси их проводилось около 80 в месяц. Но этот ритуал в 1920-е годы еще прочно не закрепился [70, с. 123]. По результатам исследования (1930 г.), даже в колхозах Беларуси, как считалось, наиболее передовых хозяйствах того времени, – в 20,4 % хозяйств сохранялись старые религиозные обряды. Семейный уклад жизни колхозников во многих хозяйствах мало чем отличался от старого [218, с. 38, 39]. О введении новых праздников, социалистической обрядности («красные свадьбы», «октябрины»), различных мероприятиях, связанных с распространением идеологии и культурной политики компартии, попытках придать прежним традиционным формам новое содержание (комсомольские вечерки) пишет Г. И. Касперович [91, с. 181-184].

Одной из форм организации нового быта стали коммуны. «Мэтай камуны зьяўляецца колектывізацыя быту і ўкараненьне колектывістычных навыкаў, неабходных для будаўніка сацыялізму і будаўніцтва новай камуністычнай сям’і», – гаворылось в «Прыкладна́м Статуце бытавой камуны» [85, с. 72]. Организация студенческой коммуны представлялась как средство воспитания студенческой молодежи. Так, например, Пленум Центрального Бюро пролетстуда, «констатируя наличие ряда искажений и вывихов в быту студенчества» (пьянство, хулиганство, кража, половая распущенность, нетоварищеские отношения друг к другу, неряшливость и т.д.), посчитал необходимым часть своей воспитательной работы перенести в общежития и «развернуть работу по организации студенческих коммун ... путем коллективизации студенческой учебы и жизни» [191, л. 39]. О том, как на деле зачастую реализовывались идеи обобществления быта, свидетельствует следующий документ: «Организована студенческая бытовая коммуна... студентам-стипендиатам, которые не хотели вступать в коммуны, сказали, что о них будет стоять вопрос о пребывании в техникуме. Все поступили в коммуны. Установлен 15 рублевый пай, приступили к обобществлению книжек, выписывается литература за средства коммуны, отпускаются средства на стирку белья и посещение бани» [191, л. 305].

Такие стороны жизни молодежи, как быт, досуг, отношения полов и семейно-брачная сфера подвергались серьезным изменениям. Институты семьи и брака в этот период переживали кризис. Половая мораль формировалась под воздействием противоречивых представлений, ценностей, что приводило в целом к ослаблению норм в этой сфере. Этому способствовали также: крушение патриархальной или полупатриархальной семьи со своими устоями, нравственными нормами, традициями, укладом (большинство населения – крестьянские семьи, горожане, в значительной степени – выходцы из деревни, не утратившие связь с ней), ослабление роли религии и церкви, последствия войн, безработица, беспризорность.

Итак, в 1920-е годы лишь формируется представление о том, какими должны быть новый быт, досуг, отношения полов, новая семья. Однако и эти сферы общественной жизни оказались под воздействием целенаправленной политики государства по социалистическому переустройству общества. В соответствии с этим вырабатывались основные установки и принципы. В сфере семейно-брачных отношений законодательно устанавливались принципы равноправия. Церковь постепенно вытеснялась из этой сферы. Политика государства также была направлена на повышение роли общественного воспитания, роли государства в данном направлении. В этот период в целом наблюдается снижение роли институтов семьи и брака, ослабление половой морали. Однако семья как традиционная ценность сохраняла свою привлекательность для значительной части населения, молодежи в том числе.

Политика внедрения нового быта в исследуемый период наталкивалась на серьезные трудности, связанные с тяжелым материальным положением в республике, жилищным кризисом, низким общим культурным уровнем и некоторыми негативными стереотипами в сознании молодых людей. Тем не менее, роли нового быта придавалось большое значение и с точки зрения его благоустройства, и с точки зрения обобществления – через создание коммун, организации коллективных форм жизнедеятельности. В этот период в сознание людей и их практическую жизнь внедрялись новые формы проведения досуга (клубы, народные дома, избы-читальни, лекции, художественная самодеятельность, чтение газет, журналов, книг, танцы, новые праздничные торжества, собрания, митинги, демонстрации, занятия физкультурой и спортом). Особенно большое место они заняли в свободном времени молодежи, что способствовало повышению их культурного уровня, а вместе с тем – приобщению к новым идеалам и ценностям. Таким образом, наряду с учебно-воспитательными учреждениями

досуговая сфера становилась общей частью процесса формирования нового человека. Быт, досуг – эти стороны повседневности все больше вовлекались в сферу политического контроля.

3.2 Поведение, настроения молодежи, отношение к проводимой государственной политике

Исследуя государственную молодежную политику, необходимо принимать во внимание объект этой политики – молодежь с ее миропониманием, настроением, отношением к происходящему. Анализ этих проявлений общественного сознания, различных форм поведения молодого поколения позволяет проследить процесс формирования новых ценностей, лучше увидеть и понять то время. Для более объективной и всесторонней оценки эффективности государственной политики по отношению к молодежи важно рассмотреть различные настроения и формы поведения молодых людей, в том числе и отклоняющиеся (девиантные). При сравнительно недостаточном количестве источников, отражающих эти стороны жизни молодежи, ее общую картину помогают воссоздать документы партийных и комсомольских организаций, в частности, письма, отчеты, протоколы собраний, информационные сводки, периодическая печать, а также материалы социологических исследований, проводившиеся довольно широко в 1920-е годы по всей стране, в том числе и в Беларуси.

С точки зрения теории девиантности, возможны как позитивные, так и негативные формы отклоняющегося поведения. Оценка негативности зависит от принятых в конкретном обществе культурных норм. Помимо традиционных (пьянство, хулиганство, проституция, самоубийства) советское общество 1920-х годов сформировало свой перечень явлений, считавшихся таковыми. В их числе были, например, проявления мещанства, антисемитизма и сионизма, упадничества и пессимизма, индивидуализм, аполитичность, антисоветские настроения, «листопадовщина», несогласие с партийными установками в ходе партийных дискуссий, уклонение от участия в праздновании революционных праздников, а также кокетство, жеманство и прочее. Список «болезненных явлений» в информационной сводке КП(б)Б (июнь 1929 г.) выглядел, например, следующим образом: пьянство, религиозные обряды, скрытие социального положения, хулиганство, склочничество, халатное отношение к производству, семейные дразги, подрыв мероприятий, связь с чуждыми элементами, троцкизм, отрыв от

партийной жизни [267, л. 39]. Религиозность, пьянство, сплетни и склоничество, непосещение общих собраний, участие в убийстве, подозрение в воровстве, игра в карты - назывались причинами исключения из комсомола [149, л. 191]. При этом выявлять тех, кто скрыл свое социальное происхождение, считалось нормой. А скрывать кто твои родители, например, «лишенцы» (лишенные избирательного права), считалось недостойным.

В русле проводимой общегосударственной политики поощрялась активность молодежи по выявлению социально чуждых элементов. К концу 1920-х годов борьба с ними и идеологически вражескими настроениями в учебных заведениях стала одним из направлений воспитательной работы и в отчетных документах проходила отдельным пунктом. Недостойным, а то и вызывающим опасность, считалось проведение времени с «классово чуждыми элементами» даже во время каникул [191, л. 279]. Использовались политсуды и другие формы изобличения. Показательны следующие примеры такой бдительности. Газета «Чырвоная змена» писала о некой учащейся Могилевского педтехникума Глинской, которая, будучи дочерью попа, приехала на учебу, стала кандидатом в комсомол, активно работала вожатым пионерского отряда, писала стихи, была членом отделения «Молодняк». «Ходит в кепке с подстриженными волосами. Все, как видите ли, честь честью, как подобает комсомолке-ученице. Ни к чему не придерешься...». Но однажды девушки, живущие с ней в комнате, натолкнулись на ее дневник. В ячейке «его до буквочки перепечатали». Фраза в дневнике «С волками жить – по волчьи выть» сразу выявила всю мелкобуржуазную суть Глинской, ее взгляды, «корыстность поступления в КСМ». За этим последовало исключение девушки из комсомола [29, с. 2].

Некоторые студенты с готовностью уличали тех, кто скрыл свое социальное происхождение. Примечателен эпизод, связанный с разоблачением одного из студентов, отмеченный в протоколе заседания профкома от 27.05.1929 г.: «При поступлении в техникум он в анкете на пункт социальное происхождение написал, что отец крестьянин, а наверху написано «был попом», но это перечеркнуто несколько раз и только хорошо разглядывая при дневном свете кое-как можно разобрать «был попом». Приемная комиссия этого не заметила и приняла его в техникум... В начале года Акалович сделался хорошим активистом, пролез в бюро К.С.М., стал секретарем ячейки и кандидатом профкома, думая этим скрыть свое социальное происхождение. Но скоро его распознали и сняли с этих работ» [192, л. 180]. Тут же содержатся записи с предложением об исключении и других студентов по тем же причинам. Их отцы, как выяснялось, были в прошлом

либо раввинами, либо крупными торговцами, либо лишенными права голоса. Правда, видимо, не слишком рьяно шел этот процесс на уровне всей организации, так как тут же в документах дается неудовлетворительная оценка работе по выявлению социально чуждых элементов, высказывалось сожаление о том, что не сложилось соответствующее общественное мнение [191, л. 305].

Получалось, что зачастую студентам, учащимся техникумов приходилось больше думать не об учебе, а о подтверждении своего «правильного» социального происхождения. Далеко не все исключенные студенты могли сохранить веру в социальную справедливость и добиваться возвращения к учебе, правда, некоторые все же писали апелляции, предпринимали попытки сдавать экзамены экстерном [238, с. 71–72]. Помимо этого, навязывание в межличностные отношения фактора социального происхождения как определяющего, необходимость классовой бдительности затрудняли их нормальное развитие.

Одна из характерных черт того времени – значительная политизация общественной жизни. Помимо участия в политпросвещении, праздниках политического характера молодежь вовлекалась во многие другие мероприятия, партийные дискуссии. От нее требовалась при этом массовая поддержка решений партии. Так, например, в ходе обсуждения вопроса об исключении Троцкого и Зиновьева из ВКП(б) проголосовали «за» 98,68 % членов комсомольских организаций Беларуси [269, л. 1]. Такое единодушие вовсе не предполагало самостоятельного осмысления и глубокого понимания обсуждаемых вопросов. Звучали, хоть и единичные, голоса сомневающих: можем ли мы дискутировать, не имея документов оппозиции; зачем голосовать и вообще обсуждать, все равно их исключили; комсомол – это бесправная организация, отошла от своей основной задачи – охраны экономических интересов молодежи, подожду 15 съезда, что он скажет, и может быть придется покинуть комсомол (Бобруйск). Два комсомольца повесили лозунг «Привет вождям революции – Троцкому, Зиновьеву и Каменеву» (в Гомельском округе). Все эти и подобные выступления были расценены как выступления «хістаючыхся элементаў» [65, л. 136-138, 140]. О некотором распространении оппозиционных взглядов в Минской городской комсомольской организации сообщалось в секретной переписке. Говорилось, что есть те, кто активно поддерживает оппозицию, выступает против линии партии, выражает недовольство положением рабочих и пр. [52, л. 51]. Ряд комсомольцев-партийцев воздержался от голосования за резолюцию, осуждавшую оппозицию, говорилось в отчете

Минского окружного комитета ЛКСМБ [156, л. 9]. На фоне общего единодушия некоторые единичные голоса сомнения («воздержавшихся», «против») кажутся еще более значимыми. Наряду с требованиями самых решительных мер по отношению к оппозиционерам, высказываний против дискуссий, призывами дать решительный отпор «фракционным вылазкам», стремлением к более глубокому изучению вопросов, связанных с оппозицией [156, л. 9], обращалось внимание на то, что в печати недостаточно освещаются «моменты, выставляемые оппозицией», и поэтому трудно разобратся в спорных вопросах, что «в КСМ в этом отношении полная неграмотность» [244, л. 5]. На «политическую безграмотность» значительной части молодежи (в «результате роста» комсомольской организации) обращалось внимание в одном из секретных информационных писем ЦК ЛКСМБ в 1925 г. [149, л. 251]. Слабая подготовка и непонимание вопросов политической жизни многими комсомольцами-учащимися техникумов по итогам проверок отмечались в различных округах.

Проявления “политической несознательности” наблюдались и в армии. На вопрос об отношении к компартии некоторые отвечали: мы о ней не знаем, а потому не можем судить; “что дала Советская власть?” – ничего не дала; “Охотно ли пошел в Красную Армию? – нет (из-за развала хозяйства)”. Правда, при этом большинство хорошо отзывались о Красной Армии [56, л. 30].

Случаи аполитичности выявлялись, требовали обсуждения и осуждения, как например, когда в стенгазете «Голас гідратэхнікума» Минского гидротехникума, выпущенной 7 ноября 1927 г., умудрились ни слова не сказать об Октябрьской революции [175, л. 74]. С осуждением также говорилось о том, что в демонстрациях празднования Октябрьской революции и 1 Мая не все студенты принимали участие [175, л. 124]. Не только аполитичность, а даже «слишком сильное процветание танцевальных вечеров» считалось ненормальным [188, л. 129]. Низкий политический уровень и аполитичность значительной части студенчества наряду с неудовлетворительной организацией политико-воспитательной работы, считалось, приводят к усилению мелкобуржуазной идеологии, упаднических настроений, антисемитизма и шовинизма [191, л. 41]. Чрезмерная политизация различных мероприятий иногда порождала недовольство со стороны молодежи. Звучало: «Пора отказаться от взгляда, что рабочий клуб должен идти с политграмотой на носу...» [196, л. 63].

Высказывания студентов на собраниях: «Поглядев на поведение Рыбаковой, невозможно поверить, что она по происхождению является доче-

рю батрака! У нее есть и кокетство и жеманство» [191, л. 279], – также отражают настроения части молодежи, их отношение к подобного рода поведению.

Какие-либо проявления организованного протеста также осуждались. Так, например, «Заря Запада» писала в 1928 г. о том, что часть студентов Витебского художественного техникума, в том числе комсомольцы, решили сорвать занятия, чтобы привлечь внимание к неудовлетворительным условиям проживания в общежитии. Подобные действия названы были «забастовкой», «возмутительной в условиях советского учебного заведения», и требовали резкого осуждения действий студентов художественного техникума [253, с. 2]. В «моментах бузы» в профшколах по поводу плохого материального положения участвовали и комсомольцы, «иногда стояли во главе» [156, л. 30]. Случаи активного проявления недовольства своим положением могли выражаться в виде забастовок, саботировании работ [118, л. 33]. Однако, как справедливо отмечает А.М. Касперович, в основе выступлений студентов лежали не политические мотивы, а недовольство своим материальным положением [88, с. 89]. Своеобразный протест, выходящий за эти рамки – письмо троих студентов БГУ (Зарецкого, Дударя и Александровича), напечатанного в «Савецкай Беларусі» для широкого обсуждения. Молодые люди написали о том, что они не могут учиться в университете, т.к. над ними «насмехаются» (из-за использования белорусского языка) [112, с. 235-236]. Официальная оценка этому письму (ее выразил А. Платун) – акт контрреволюционного нацдемовского выступления [172, с. 16-17]. Но среди студентов эти «вредные националистические» настроения находили сочувствие [67, л. 12].

Неустроенность быта отражалась на настроениях молодых людей. «Профработа не ведется. Настроение студентов неважное, потому что стипендий мало, общежитий недостаточно, в члены профсоюзов не принимают, ... столовка плохо работает», – говорилось в одном из отчетов профсоюзной студенческой организации [186, л. 35]. В документах пролетстуда, относящихся к 1929 г., можно было встретить замечания о том, что в студенческой среде проявляются пессимистические настроения, в защиту Есенина, игнорирование общестуденческих вечеринок, готовность променять их на частные вечеринки – «мещанские, с выпивкой» [191, л. 125]. Само понятие «упадничество» (как и «есенинщина»), которое появилось в партийно-комсомольской лексике тех лет, стало синонимом недостойного поведения, ухода от революционных идеалов, неверия в силу и мощь партии и социализма. «Акутваемыя гэтымі настроямі, мы маем самагубства

студента 5-го курса, члена КП(б)Б», – говорилось в том же документе и содержался призыв резко осудить этот поступок, отмежеваться от пессимистических настроений упадничества [191, л. 125].

Из социальных аномалий в сфере полового поведения были ранняя половая жизнь, половая распущенность, проституция. На одном из совещаний профсоюзных работников (1926 г.) в докладе «Состояние здоровья молодежи и меры ее оздоровления» говорилось, что «хотя относительно белорусской рабочей молодежи нет определенных данных о половой жизни, однако, судя по другим источникам, положение весьма тяжелое: среди женщин моложе 14 лет 3-5 % имели половые отношения, а к 19 годам 24 % женщин и 40-42 % мужчин ведут половую жизнь [190, л. 49]. Основными причинами ранней сексуальности и половой распущенности были неустроенность быта, острота жилищной проблемы, скученность, часто отсутствие отдельной постели, низкий культурный уровень, падение престижа семьи и ослабление норм половой морали.

Случаи половой распущенности бывали и в комсомольской среде. «Кац из ячейки обувщиков ... пошел к проститутке», «комсомолец бьет проститутку, когда она не соглашается», «масса фактов половой распущенности» [149, л. 66, 160] и т.п. – все эти и подобные случаи назывались неэтичными, подлежали рассмотрению в комсомольских ячейках. Проводились общественно-политические суды на страницах комсомольской печати [150, с. 6; 151, с.4]. Это вызывало большой отклик. В редакцию поступал целый поток писем, в которых говорилось, например, о том, что вопрос о половой жизни является одним из «проклятых» вопросов, что силы человеческие ограничены, а чем больше сил и внимания будет отдаваться этой стороне жизни, тем меньше сил останется «на другие функции коммуниста» [151, с. 4].

Причины проституции виделись в неблагоприятной социально-экономической среде прежнего царского режима. Действительно, судя по опросам, проведенным в последние годы XIX в., 41 % (от 4000 опрошенных) главным мотивом этого занятия называли нужду, бедность. При этом основной возраст начала проституции падал на 15-19 лет (65,1 %) ⁷ [134]. Считалось, что революция уничтожила социальные корни этого зла, но как явление оно продолжало существовать и в 1920-е годы. Основными причинами, вынуждавшими девушек к занятию проституцией, были низкий

⁷ В 1889 г. во всех областях и губерниях Российской империи было предпринято обследование проституток. По его результатам 69,9 % проституток принадлежало к возрасту от 15 до 25 лет, причем более 4/5 их общего числа обратились к этому занятию до 21 года, а около четверти – в возрасте от 12 до 17 лет [177, с. 22, 27].

уровень жизни и безработица. Женская безработица напрямую была связана с проституцией, проблема эта стояла остро. «Безработных женщин на 1 Мая (1924 г.) по укрупненной Белоруссии 8.865»; «Общая безработица в БССР имеет тенденцию к росту, в особенности это относится к женской безработице... На 1-е апреля 1926 г. мы имели по Белоруссии 9 885 безработных женщин, составляющих 35,1 процента общего числа безработных. По отдельным более крупным городам удельный вес женской безработицы еще выше – так, в Минске мы имеем 52 процента безработных женщин, а в Витебске – 54 процента», – сообщалось в документах тех лет [103, с. 131, 137]. Проблема эта, безусловно, касалась и молодежи: «На 15 жніўня (1925 г.) ў горадзе Віцебску беспрацоўных жанчын – 1949, з ліку якіх – 332 падлеткаў» [103, с. 132].

Проституция осуждалась, предпринимались различные меры по борьбе с этим явлением: воспитательно-просветительского, правового, репрессивного характера, изучался социальный состав проституток. В системе Наркомата охраны здоровья БССР были организованы венерологические диспансеры с питанием, мастерскими и общежитиями при них. Проводили работу женотделы, собесы (оказывали материальную и финансовую помощь), дома санитарного просвещения. С 1920 г. они были открыты в Гомеле, затем в Витебске, Минске, Могилеве и других городах. Санитарное просвещение осуществлялось через клубы молодежи, печать, в том числе и настенную, организовывались лекции для студенческой, рабочей молодежи. Распространенный в то время лозунг «Социализм – могила проституции» висел во многих рабочих клубах [43, с. 114]. Был создан Центральный Совет по борьбе с проституцией при НК Здравоохранения БССР, куда вошли представители от Женотдела, Института социальной гигиены, Наркомюста, Наркомата Труда. Организованы 4 комиссии: правовая, хозяйственно-финансовая, трудовая и культурно-просветительная.

Работа в этом направлении велась в соответствии с «Перспективным планом борьбы с нищенством, беспризорностью и проституцией», утвержденным второй сессией ВЦИК РСФСР (1918 г.) и распространенным на БССР и другие союзные республики [43, с. 112]. Основную работу в реализации этого плана взяли на себя Наркоматы социального обеспечения, труда, охраны здоровья, образования, внутренних дел. В начале 1926 г. состоялись специальные совещания наркомов внутренних дел союзных и автономных республик и заседание Центрального совета по борьбе с проституцией, на которых рассматривался вопрос о мероприятиях в области борьбы с социальными отклонениями [18, с. 64]. Государственная программа борьбы с алкоголизмом, нищенством, беспризорностью и прости-

туцией в 1928-1929 гг. была заложена в первый пятилетний план. Таким образом, государством предпринимались попытки по устранению данных явлений. При этом представлялось, что по мере развития социализма, ликвидацией безработицы, решением острых социальных проблем подобные антиобщественные явления исчезнут сами собой.

Нищих и беспризорных, в зависимости от возраста и трудоспособности, направляли в детские дома либо в трудовые коммуны. Их наплыв сопровождался ростом преступности среди подростков. Для несовершеннолетних преступников власти были вынуждены организовывать колонии. Характер совершаемых преступлений – от почти «безобидных» (кражи конфет, папирос, яблок, денег, сена и пр.) до нанесения побоев, хулиганств и убийств. За 1925 г. из 31 987 осужденных за преступления всех видов (по Беларуси) 1093 было совершено малолетними и несовершеннолетними, 1831 – 18-19-летними и 7 420 – 20-24-летними [246, с. 156]. Это почти треть всех преступлений.

Другой проблемой и проявлением отклоняющегося поведения в молодежной среде было пьянство. К концу 1920-х годов в среднем по РСФСР, УССР и БССР потребление водки и самогона на душу населения было 6,25 л, что составляло около 72 % от уровня душевого потребления алкоголя в 1913 г. [198, с. 108.]. В Беларуси увеличилось количество спиртзаводов (в 1925-1926 гг. – 17, в 1927-1928 гг. – 25) и выпускаемой ими продукции с 5337 тыс. л до 11 250 тыс. л за этот же период [198, с. 120]. Повышение бюджета рабочих семей могло приводить и к увеличению расходов на алкоголь. Так, по данным проведенного в те годы исследования, если с 1925 по 1927 г. бюджет рабочих семей увеличился на 19 %, то расход на алкоголь вырос на 40 %, расход на культурные потребности снизился на 12 % [198, с. 108-109]. Быстрый рост потребления алкоголя и тяжелые его последствия (прогулы, снижение производительности труда и пр.) не могли не вызвать тревогу.

О тревожных симптомах, связанных с ростом потребления алкогольных напитков в Беларуси, говорилось на страницах журналов тех лет, в частности, «Беларускай медычнай думкі» (1929 г.). В одной из статей обращалось внимание на рост выпуска алкогольной продукции и ее потребления населением БССР за последние годы (как и в СССР в целом). Если в городе по БССР употребление алкоголя на душу населения расценивалось как меньше довоенного и среднего по СССР, то о деревне, с учетом потребления самогона, этого сказать было нельзя [5, с. 44].

Даже в комсомольской среде пьянство было одной из самых распространенных форм нарушения обычной жизни. О подобных фактах неоднократно говорилось в бюллетенях, директивных письмах ЦК ЛКСМБ районным ячейкам, в отчетах, результатах обследования дел в отдельных организациях. «Пьянство довольно распространенное явление. Некоторые ячейки полностью принимают участие в пьянстве во главе с секретарем ячейки (например, в Пуховичском районе)», – сообщалось в секретном Бюллетене ЛКСМБ [149, л. 43]. Одну из комсомольских ячеек было решено распустить (правда, в ней было всего 4 человека). Причина – пьянство, отсутствие авторитета у населения. «Комсомолки принимали у себя сватов, пили с ними самогон и вообще ввиду предстоящей женитьбы старались отмежеваться от союза», – сообщалось в секретном Бюллетене ЦК ЛКСМБ (1925 г.) [149, л. 190]. «Государство выпустило русскую горькую, значит надо пить, для того, чтобы поддержать госторговлю, тем более партийцы тоже пьют» [162, л. 470]. «Тот не рабочий, кто после получки не выпьет» – оправдывали себя молодые люди. Часто причиной исключения из комсомола являлось именно пьянство. Так, в одном из сообщений по Могилевскому округу отмечалось, что исключения имеют массовый характер, что, к примеру, с 5 мая по 10 июля (1925 г.) исключено 35 человек. Основная причина – пьянство (в числе других причин – «чуждый элемент», недисциплинированность, использование должностного положения, участие в религиозных обрядах, уголовные преступления) [149, л. 200]. В той же Могилевской окружной комсомольской организации за период с января по декабрь 1926 г. было исключено 137 человек (122 – мужчин и 15 – женщин, большинство – бедняки). Более 50 % всех исключенных – за пьянство и хулиганство [228, л. 28]. В Минской окружной комсомольской организации наиболее распространенной причиной выхода из КСМ также называлось пьянство (49 %) [118, л. 28]. Пьянки, религиозные обряды и половая распущенность заметно возрастают, отмечалось в документах по Мозырскому округу. Эти явления фигурировали как причины исключений из комсомольских ячеек [127, л. 102]. О распространении пьянства среди комсомольцев-активистов говорилось в Бюллетене ЦК ЛКСМБ (1925 г.) [21, л. 1] и других документах [16, 22].

О росте «болезненных явлений» в организациях ВЛКСМ сообщали материалы информационного отдела ЦК ВЛКСМ (1926 г.) «Бытовые болезненные явления в комсомоле и борьба с ними» [148, с. 156-167]. В документе отмечалось возрастание «из месяца в месяц» количества исключений из комсомола: вторая половина 1924 г. – 15582 чел., первая половина

1925 г. – 21000 чел., вторая половина 1925 г. – 34000 чел. Основную массу исключенных составляли крестьяне и батраки (56,3 %), основная причина – пьянство и хулиганство (83,1 %) [148, с. 157]. На этом фоне ситуация и в Беларуси выглядела также неблагоприятной, о чем сообщалось в том же документе [148, с. 160, 164].

Об этих проблемах говорил Н. Бухарин в своих докладах на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. [99, с. 95], на VIII Всесоюзном съезде ЛКСМ [68, с. 12-13]. Он отметил при этом, что часто молодых рабочих и крестьян привлекают различные сектантские организации именно тем, что они ведут борьбу против употребления алкогольных напитков. Тем самым от комсомола отрываются далеко не самые плохие «элементы» [68, с. 9]. В своем докладе «Аб сацыялістычным будаўніцтве і камуністычным выхаванні моладзі» на IX съезде ЛКСМБ (апрель 1928 г.) партийный и государственный деятель Беларуси В.Г. Кнорин обращал внимание на остроту проблемы, связанной с потреблением алкоголя, в республике. Объяснял он это бедностью и культурной отсталостью населения. По его словам, это приводит в свою очередь к снижению трудоспособности, инициативности, развитию хулиганства. «Вялікія грошы трацяцца на самагонку, – говорил он. – Мы за мінулы год прапілі адзін мільярд рублёў. На кожную душу насельніцтва ў нашай краіне прапіта 6 рублёў». Борьбу с пьянством и хулиганством предлагалось рассматривать в качестве важнейшей практической задачи [94, с. 228].

Политсуды, исключения, создание обществ (Общество по борьбе с алкоголизмом – ОБСА), лекции и беседы антиалкогольного содержания, конечно, имели определенное действие, но для решения этой проблемы все же нужны были не отдельные меры кампанейского характера, а долговременная политика и последовательное ее осуществление в этом направлении.

Большинство социальных аномалий рассматривались как наследие проклятого прошлого, им придавалась политическая окраска. Так, например, выступая на IX съезде ЛКСМБ (1928 г.), В.Г. Кнорин обратил внимание на заметный рост проявлений антисемитизма за последние годы, назвал это диким пережитком прошлого [94, с. 229]. В нем виделась контрреволюционная угроза использования его буржуазией как орудия классовой борьбы. В то же время были попытки связать различные «болезненные явления» и нездоровые настроения среди молодежи с недостатками в организации культурной работы. Признавалось, что наблюдается повышение культурных запросов трудящей молодежи, ее стремление интереснее про-

вести свободное время. Не находя в культурно-образовательных учреждениях удовлетворения своих интересов, она может направить свою активность по иному пути [187, л. 315]. Отмечалось, что численный рост комсомольской организации опережал возможности вовлечения молодых рабочих и крестьян в различные формы работы. Активность, возрастающие культурные запросы молодежи, комсомольцев, не находя реализации, оставаясь без ответа, не получая выхода, проявлялись в пьянстве, хулиганстве, половой распущенности [140, с.1].

Наблюдались сионистские и антисоветские настроения у части местечковой и городской еврейской молодежи [127, л. 82]. В информационных материалах ЦК ЛКСМБ (июнь-июль 1925 г.) говорилось о распространении среди молодежи «всяких рассказов-боек о какой-то «золотой стране», настроений уехать в Палестину; обращалось внимание на то, что сионистские влияния могут перейти рамки настроения и принять «более острую форму» [149, л. 127]. Подобные настроения анализировались, им давались довольно критичные объяснения. Причинами экономического порядка назывались неудовлетворенность своим материальным положением; социально-политического – наличие единственной легальной партии – коммунистической партии большевиков, невозможности в связи с этим некоторым реализовать свою потребность состоять в какой-либо другой партии [149, л. 127-128]. Следует отметить, что проявления сионистских и антисемитских настроений в молодежной среде действительно частично можно объяснить накопившимися в прошлом и не решенными сложными проблемами в национальных отношениях. Сказывалось резкое отличие национального состава жителей города и деревни, влияние религиозного фактора на национальную рознь, а также малочисленность рабочего класса, в большинстве своем еврейского и русского. Рабочие разных национальностей, по мнению В.П. Пичукова и М.И. Старовойтова, сближались быстрее, чем крестьяне [167, с. 72].

Случаи суицида в 1920-е годы изучались психиатрами, юристами. Проводились исследования по поводу взаимосвязи между возрастом, социальным происхождением, национальностью, состоянием здоровья и причинами, непосредственно побудившими к самоубийству. Однако их результаты практически не учитывались затем в социальной практике. Постепенно общепринятой становилась точка зрения, согласно которой, само по себе существование советского общества, является лучшим предупреждающим и лечебным средством подобных случаев. Общественному мнению навязывалась мысль, что в советском обществе не может быть при-

чин, побуждающих к суициду, и что только социально неполноценные люди склонны к такого рода поступкам [108, с. 35-36]. Подобным духом, например, была проникнута статья наркома здравоохранения СССР Н.А. Семашко «Цветы жизни», опубликованная в июле 1926 г. Рассуждая о причинах самоубийств среди молодежи, он писал, что почти во всех исследованных им случаях встречается: «деклассированный элемент», «разложился», неудачная любовь, ревность и т. п. Все это, по его мнению, является отголосками старого быта. «Настоящие цветы жизни - это борьба за осуществление коммунистических идеалов и принципов... На фоне этой «красоты принципов» будут таять отдельные черные пятна личной неудачи», – взывал к молодому поколению Н.А. Семашко [233, с. 1]. «Мы з'яўляемся маладым, растуць класам, які цяпер дабраўся да ўлады, які заваяваў адну шостую частку зямной кулі, які павінен заваяваць астатнія пяць шостых. Гэты клас павінен быць класам жыццярэдасным. Жадных нот упадніцтва, жадных упадніцкіх імкненняўі настрояў не павінна быць у нашым класе», – обращался к молодежи в своем выступлении В.Г. Кнорин [94, с. 232].

Идеологически подобные случаи осуждались как проявления «упаднических настроений». Политизация случаев самоубийств не позволяла должным образом реагировать на причины, их порождающие. В целом же тенденция политизации такого рода отклоняющегося поведения все же, на наш взгляд, больше характерна для конца 1920-х и 1930-х годов. Судя по архивным документам, случаи самоубийств среди молодежи в 1920-е годы внимательно изучались партийным и комсомольским руководством, и, хотя бы в секретной переписке, назывались их истинные причины. Так, например, в письме ЦК ЛКСМБ Витебскому окружкому (1924 г.) сообщалось: «В последнее время участились случаи самоубийств комсомольцев и беспартийных парней на почве материальной необеспеченности, семейных обстоятельств, затравливания и др. причин (Минск, Витебск). ЦК считает необходимым указать всем Окружкам на важность изучения всех отдельных случаев самоубийств или покушений на таковые и результаты изучения присылать в ЦК» [149, л. 86]. Мотив – материальное положение – фигурирует довольно часто. Среди других мотивов назывались неразделенная любовь, разочарованность жизнью, «на романтической почве», исключение из комсомола [1, л. 14, 18; 79, л. 42; 229, л. 63]. На все подобные случаи со стороны комсомольских организаций должна была последовать реакция в духе «Самоубийцам нет оправдания!» [229, л. 63].

Комсомольское и партийное руководство уделяли большое внимание настроениям молодых людей, особенно комсомольцев, их поступкам, по-

ведению, отношению к ним со стороны местного населения. Любые тревожные сигналы требовали адекватных мер. Вот примеры таких сигналов. «Многие комсомольцы не пример в своем хозяйстве. Население на них смотрит как на лодырей, стремящихся к тому, чтобы поскорее уехать учиться или в город. Среди части населения создается мнение, что комсомол воспитывает и поощряет лодарничеству». «Замечаются случаи, что комсомольцев называют лентяями и что они в комсомол только и вступают с целью уклониться от работы». По Минскому округу – о комсомольцах: «Лодары, гультаі, усё на спектаклі да на сабранія ходзяць, а штобы дома памагчы, так гэтага няма: і што з гэтага камсамолу за карысць ... толькі боты рве...». В Пуховичском районе «ячэйка зусім не карыстаецца аўтарытэтам сярод жыхарства, дзякуючы таму, што камсамольцы «задзіраюць нос». «У Талкачоўскай ячэйцы ёсць дрэнныя адносіны сялян з камсамольцамі на падставе таго, што камсамольцы на рэлігійнае свята пайшлі рабіць на поле». В Езерищенском районе, как отмечалось, ячейка не только не пользовалась авторитетом среди крестьянства, но даже вызывала недовольство (в одной из деревень сломали часовню) [149, л. 200, 399, 407]; «комсомольцы ведут себя как начальство, ... некоторые члены ячейки забирают у граждан самогон без ведома милиции», «комсомольцы постепенно теряют авторитет среди населения, общественной работы не ведут и политически безграмотны» [230, л. 2, 10], «хулиганистые» [56, л. 30]. При этом, правда, отмечалось, что по отдельным районам комсомольцы в деревне пользуются авторитетом. Как правило, это было связано с «улучшением ведения хозяйства» [149, л. 402]. «Крестьяне теперь говорили: «Комсомольцы умеют работать не только языком, но и руками»», – вспоминает один из современников тех событий [236, с. 45].

Анализ причин выхода из комсомола дает представление об отношении молодых людей к этой организации. Часто встречались следующие причины: неудовлетворенность работой, отсутствие конкретной нагрузки, враждебные отношения между комсомольским активом и рядовыми комсомольцами, склоки, нетоварищеские отношения либо «залішне «таварыскія» адносіны хлопцаў да дзяўчат» [105, с. 30, 32]. В заявлениях о выходе из организации довольно часто фигурировали и такие важные факторы, как тяжелое материальное положение, занятость на сельхозработах, болезнь, выход замуж, женитьба [118, л. 2]. Сообщалось, например, что «у калектыве КСМ ф-кі «Дзвіна» ... з 95-ці механічна выбыўшых камсамольцаў, прыблізна за год, дзяўчат выбыла – 67. Асноўная прычына – выхад замуж і адрыв ад камсамолу» [105, с. 31-32].

Заслуживают внимания настроения, переживания тех, кто по каким-либо причинам был исключен из комсомола. И таких было немало. «Всю возложенную на меня общественную работу выполнял охотно, ибо я любил комсомол всей душой, в нем я черпал новые силы к жизни... с ним сроднился... Так неужели мое преступление настолько велико? Что я пошатнулся будучи ребенком и мне возврата нет к тому пути, который мне дорог?» – пишет в заявлении по поводу своего исключения один из бывших комсомольцев [1, л. 3]. «Рашэнні ХVс'езду партыі заставілі мяне перагледзіць свае погляды... Я асуджаю мае ранейшыя хістанні, рашуча ганьбую свае ранейшыя апазіцыйныя погляды і цвёрда рву з імі... І толькі пралетарская рэвалюцыя дала мне веды і з цёмнага чалавека – пастуха зрабіла чалавека з вышэйшай адукацыяй... Я не адступлю ні на крок ад лініі партыі» – пишет студент педфака БГУ, исключенный из комсомола за “нежаданне адмовіцца ад апазіцыйных поглядаў” [1, л. 16]. В данном случае, немаловажным фактом, пожалуй, является то, что этот студент из очень бедной семьи, был вынужден работать с 10 лет, и чтобы сохранить свое нынешнее социальное положение (студента вуза), вопрос идеологического выбора решал для себя таким образом.

Только молодой человек «с отчаянностью юношеского максимализма», искренне преданный коммунистическим идеалам мог обратиться в редакцию с письмом «Куда идет комсомол?» о недостатках в его работе [99, с. 6, 15-18]. «Недостатки и болезненные явления» назывались следующие: несамостоятельность организации, неавторитетность (квалифицированная молодежь в союз не идет), ухудшение качественного состава в результате стихийного роста, хулиганство, «принявшее угрожающие размеры», отсутствие «полезного» примера комсомольцев для беспартийной молодежи («комсомольцы заражены бытовыми болезнями, как и беспартийная молодежь»), пассивность, отсутствие чувства ответственности и др. [99, с. 15-18]. В конце письма – вопросы: «За что боролись? Где наши труды? Где же Ленинский комсомол? Где же воспитательная работа?». Это письмо тогда вызвало оживленную дискуссию.

В комсомольской организации в первые годы ее существования проявлялись различного рода «уклоны». Так, например, о проявлениях «юношеского синдикализма» свидетельствуют настроения группы комсомольцев в Бобруйске весной-летом 1921 г. Они выступили с резкой критикой горкома комсомола, требуя прекратить прием в комсомол учащихся и служащих, «не пускать в комсомол интеллигенцию», отделить городские комсомольские организации от сельских. Однако, «эти вредные, оппортуни-

стические настроения были преодолены с помощью Бобруйского уездно-городского комитета партии и ЦК КСМБ» [117, с. 7]. Проявлялись также «высокое самомнение о себе, как о пролетариях», противопоставление «путиловцев» и «вузовцев» [127, л. 57].

В результате пропаганды, а также с учетом возрастных особенностей молодых людей, проявлялся интерес их к военному делу. В отчетах отмечалось: «Заинтересованность молодежи военным делом имеется огромная», «кружки военных знаний посещаются хорошо», но их работа не может удовлетворить полностью запросов молодежи, их интерес к стрелковым упражнениям, так как оружие в кружках отсутствует» [65, л. 188]. «Маецца значная ахвота да ваенізацыі, працэ ў ячэйке Асавіахіму (и вообще к общественной работе)... Кепска тое, што гэту ахвоту да ваенізацыі не ўсёгда можна здаволіць, бо няма прылад і добрых кіраўнікоў» [65, л. 133].

Об эффективном воздействии агитации и пропаганды на молодежь свидетельствуют их настроения: недовольство по поводу «вялікай царплівасці Савецкага ўраду» (в связи с убийством Войкова), негодование поведением Англии, желание отплатить («мала б'юць – трэба больш, даволі цэрамоніцца»), даже воинственный настрой («шапкамі закідаем», «палохацца нам няма чаго, бо як толькі пачнецца вайна, нас падтрымаюць рабочыя замежных старонак і бязумоўна перамога будзе на нашым баку») [65, л. 95]. Звучали требования ужесточить меры по отношению к оппозиции: надо бить не по воробьям, а по вождям; призывы дать дружный отпор фракционным вылазкам [244, л. 5]. Правда, часть молодежи была настроена выжидательно и высказывалась несколько настороженно: если война начнется, то буржуи в первую очередь будут уничтожать коммунистов и комсомольцев [65, л. 189].

Для некоторых молодых людей привлекательной казалась возможность носить оружие. Это, видимо, придавало ощущение значимости в собственных глазах и глазах окружающих. Ношение оружия иногда было оправдано, но часто в быту приводило к злоупотреблениям. «Почти поголовное стремление к нагану», например, отмечалось в одной из районных комсомольских ячеек Витебского округа. Желание получить разрешение на ношение оружия они мотивировали «якобы преследованием их» за то, что селькор, секретарь ячейки и т.п., «фактически же для того, чтобы показать свое превосходство, а иногда и для хулиганства. ... Член бюро Пальминской ячейки требовал наган, т.к. на него напали пьяные с криками «комсомольцев надо бить». Когда заручился оружием, он через неделю участвовал в грабеже и сидит в тюрьме» [149, л. 390]. «Храмцов – член

бюро ячейки медтехникума, влюбившись в ученицу, взял наган и, думал добиться взаимности в любви, запугав ее, что застрелится» [149, л. 66]. Некий комсомолец Фрейдин, побывавший в Красной Армии, нахватался политических слов, не понимая их содержания, после демобилизации попал на завод, но вместо прилежного обучения стал «лодыря корчить», на работу опаздывать и пр. «Зато форсить этот парень умел: наган на боку и на свою мамашу, когда она его упрекала, страх наводил, крича – застрелюсь...» [29, с. 2].

Каждый период, каждое общество формирует свой набор приемлемых и неодобряемых форм поведения. В советском обществе помимо традиционных, стал складываться новый набор одобряемых и осуждаемых поступков. Он корректировался в соответствии с идеологическими установками коммунистической партии. Членство в коммунистической партии, комсомольской организации предполагало соответствие этим установкам. Их нарушение влекло исключение из этих организаций, впоследствии – из учебного заведения. Нельзя не признать положительными действия комсомольских органов, направленные на искоренение пьянства, хулиганства, морального разложения. В 1920-е годы предпринимались попытки выяснения причин социальных отклонений, осуществлялись меры по их изжитию, однако политизация в целом этих явлений не позволяла находить наиболее эффективные пути их преодоления.

В условиях коренной ломки мировоззренческих установок, ценностей, отчуждения от традиционных устоев, нравственных норм, в ситуации, когда прежние регуляторы поведения утрачивали свое значение, а новые только формировались, а также в силу тяжелого материального положения в республике, подростки, молодежь становились особенно уязвимыми группами (группой риска). Возрастные особенности, отсутствие необходимых материальных условий, безусловно, сказывалось и на психологическом состоянии молодых людей, что проявлялось в неустойчивости, исканиях, разочарованиях. В таких условиях проявлять и сохранять оптимизм и романтическую настроенность было действительно сложно и оказалось по силам далеко не всей молодежи. Классовый подход, «предлагаемый» учет социального происхождения во взаимоотношениях молодых людей не способствовали их нормальному развитию, являлись факторами социализации конфликтного, гегемонистского типа. При этом конфликт поколений в эти годы приобрел особую остроту и драматизм, поскольку вынуждал молодого человека «чуждого» социального происхождения

скрывать его (и даже, может, сожалеть о нем), поскольку это мешало дальнейшим жизненным планам.

Изучение (отслеживание) настроений молодежи со стороны партийных органов само по себе имело большое значение для осуществления адекватной политики с учетом требований и интересов молодых людей. Однако приоритетными в реализации этой политики становились государственные интересы и идеологические установки коммунистической партии.

3.3 Социально-психологический портрет молодежи Советской Беларуси 20-х гг. XX в.

Обобщенный социально-психологический портрет молодежи Советской Беларуси 1920-х годов позволяет увидеть место данной социально-демографической группы в структуре населения белорусского общества, ее особенности, роль в процессе социально-экономических, политических и культурных преобразований тех лет. При этом следует учитывать сложности следующего характера: неоднозначность происходящего, а также неоднородность данной социальной группы. К категории молодежи относятся учащиеся, студенты, работающие, беспризорные, безработные, военнослужащие и т. д. Кроме того, существуют различия по полу, возрасту, этнической принадлежности, месту проживания (город, деревня). К тому же в документах тех лет среди сельской молодежи выделяли середняцкую и батрацкую молодежь. Все же в силу некоторых общих возрастных особенностей молодежь можно рассматривать как некую единую социальную общность. Ее возрастные границы для 1920-х годов – от 14 до 23-24 лет (в числе которых – подростки от 14 до 16 лет) определяются средней продолжительностью жизни в тот период, физическим созреванием, а также фактическим началом трудовой деятельности.

Прежде чем говорить о чертах социального портрета молодежи 1920-х гг., следует отметить, что ее удельный вес в составе населения как всей страны, так и по БССР был достаточно высоким. Об этом свидетельствует перепись населения СССР 1926 г. [33, с. XXI].

Таблица 3.1 - Возрастной состав населения БССР (городского и сельского) по переписи 1926 г. (в процентах) [33, с. XXI- XXIII]

всего	мужчины	женщины
-------	---------	---------

15-19 лет	11,56	12,56
20-24 года	10,17	9,19

в городских поселках (в процентах)	мужчины	женщины
15-19 лет	9,96	12,08
20-24 года	19,85	11,12

в сельской местности (в процентах)	мужчины	женщины
15-19 лет	11,9	12,65
20-24 года	8,10	8,08

Отмечалось также заметное увеличение удельного веса группы 15-24-летних [33, с. IV]. При этом подавляющее большинство молодежи принадлежало к сельскому населению. Такое распределение взрослого населения было характерно для всей страны, в том числе и для Беларуси. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., 4 135, 4 тыс., или 83 % всех жителей Беларуси составляло сельское население (по СССР – 82,1 %) [234, с. 25]. При этом степень имущественной дифференциации крестьянства в Беларуси была меньше, чем в других республиках СССР. В 1925-1929 гг. бедняки составляли 25,7-37 %, середняки – около 60-73,9 % [125, с. 101, 104]. Это сказывалось на материальном положении молодых людей, их стартовых возможностях в реализации своих целей.

Национальный состав молодежи Беларуси отражал соотношение ее в общем составе населения и весьма существенно различался в зависимости от места проживания – город или деревня. На 1 января 1925 г. белорусы составляли 70,79 % всего населения (75,9 5 – сельского и 40,74 % городского), евреи – 10,88 % (5,24 % - сельского и 44,14 – городского), русские – 15,41 % (16,24 % - сельского и 10,85 % - городского, поляки – 2 %, прочие – 0,82 % [246, с. 3]. По данным переписи населения 1926 г., на территории БССР 80,6 % всего населения составляли белорусы, русские 7,7 %, евреи – 8,2 % и др. [167, с. 50]).

Преобладающее сельское население Беларуси и его многонациональный характер отражались на составе военнослужащих в воинских частях, располагавшихся на ее территории [56, л.33]. Так, например, в Чонгарской дивизии, расквартированной на Гомельщине, количество военнослужащих - выходцев из крестьян могло составлять до 84 %. Это были молодые люди из бедняцких, середняцких, зажиточных и неимущих слоев, при

этом, как отмечалось, часто «зараженные сектанством», религиозными взглядами [56, л. 30].

По результатам переписи населения 1926 г., количество неграмотных среди взрослого населения по Беларуси было больше, чем в Европейской части РСФСР (количество грамотных в РСФСР – 44,1 % , в Беларуси – 40,7 %). Однако по Беларуси отмечались более высокие темпы увеличения грамотности населения (с 1920 г. по 1926 г. в РСФСР – на 18 %, по Беларуси – на 26 %) [8, с. 8]. При этом максимальный процент грамотных по европейской части РСФСР и Беларуси приходился на мужчин в возрасте 24-25 лет, а для женщин – 19 лет. В этих возрастах на 1000 человек населения грамотных приходилось в Европейской части РСФСР 875 мужчин и 618 женщин, а по Беларуси – 886 мужчин и 546 женщин [33, XIX].

Всего в БССР к концу 1927 г. было около 100 тыс. рабочих, 28,7 % которых составляла молодежь, 6,3 % - подростки (от 15 до 18 лет) [199, с. 444]. По данным ЦСУ СССР, 72 % рабочих в Беларуси в 1926 г. были заняты в кустарно-ремесленной промышленности республики (по стране – около 60 %). Только на 30 предприятиях насчитывалось более чем 300 рабочих, и лишь на 6 работало более чем по 1 тыс. человек [154, с. 104]. Таким образом, рабочая молодежь – а именно в ней виделась идеологическая опора власти – в большинстве своем была занята на сравнительно небольших предприятиях кустарного производства. Это также определяло многие социальные черты молодого человека тех лет, его ментальные и поведенческие характеристики.

Массовое вовлечение молодежи в производство в условиях Беларуси затруднялось не только преобладанием кустарной промышленности, но и низкими темпами развития промышленности и значительным притоком свободной рабочей силы из деревни. Подавляющее большинство рабочей молодежи проживало в городах и поселениях городского типа. На особое, даже «угрожающее» положение (в связи с безработицей) городской и местечковой молодежи, «в преобладающем своем составе – еврейской», обращалось внимание в отчете Бюро Витебского окружного комитета КП(б)Б: «Эти последние совершенно не видят перед собою исхода из положения» [229, л.12]. Проблема занятости усугублялась постоянным притоком подростков из детских домов и беспризорных.

В сведениях о составе рабочей молодежи на начало 1930 г. отмечался также низкий уровень ее квалификации и массовые «перабегжкі» молодых рабочих с одного предприятия на другое [84, с. 61-63]. Хуже всего дело обстояло в обувной промышленности, где 72 % молодежи работало менее

года, на швейных предприятиях, в химической отрасли, где 39 % молодежи работало до 6 месяцев, а до одного года – 61 % [84, с. 62]. На предприятиях (обработка минералов, стеклопроизводство), где стаж рабочей молодежи составлял от трех и более лет, положение считалось более благополучным. А в целом картина состава рабочей молодежи в промышленности республики представлялась не вполне удовлетворительной.

По телосложению представитель рабочей молодежи тех лет выглядел следующим образом. Средний вес (по полу и возрасту): 15 лет – муж. – 48,4-44,4, жен. – 48,5-46,6; 19 лет – муж. – 59,2-60, жен. – 53,3-56,6. По росту: 15 лет – муж. 153,3-151,4, жен. – 150-150,6; 19 лет – муж. 164,9-167,4, жен. – 155,1 [204, с. 97, 100]. При этом исследователями отмечалось, что по антропометрическим данным (вес, рост) подростки из состава рабочей молодежи Гомельщины (в 1927 г.) «превосходят подростков Минска и остальной части Беларуси». Среди них было отмечено «хорошо упитанных 19 %» и «крепкого телосложения 20 %». Из болезней наиболее распространенным был назван туберкулез (24 %), наряду с этим – «упадок питания», «слабое, а зачастую неправильное телосложение», «бледная окраска кожи», 34 % – нуждались в переводе на легкую работу [129, с. 99]. В документах по медицинским освидетельствованиям рабочей, студенческой молодежи тех лет такие заключения, как «малокровие», «хронический ревматизм», «упадок питания», «бронхит» и другие болезни органов дыхания (неожиданно большой процент больных туберкулезом был выявлен среди подростков – сельскохозяйственных рабочих), встречались довольно часто. Материальное неблагополучие не могло не отразиться на физическом состоянии, здоровье молодых людей.

Отмечалось также, что значительный процент подростков либо уже потеряли родителей (из рабочей молодежи Гомельщины в 1928 г. – 30 %), либо у многих из них родители находились на их иждивении. Так что эта молодежь, в своем большинстве уже несла на себе все тяготы жизни. В документах отмечалось, что подростки в Беларуси начинали работать на предприятиях с более раннего возраста, чем в других местах СССР [190, л. 49].

На особенности положения белорусской молодежи по сравнению с молодежью других районов СССР и трудностями «правильного руководства» в связи с этим обращалось внимание на IX съезде КП(б)Б (декабрь 1925 г.). Отмечались слабая прослойка пролетарской молодежи, наличие большого слоя мещанских групп городского и местечкового населения, «разнонациональный» состав как работающей, так и крестьянской моло-

дежи; распространение сионистских взглядов, сильное влияние бывших националистических мелкобуржуазных партий (Бунда, эсеров) и националистической белорусской интеллигенции, «поповской и ксендзовской клики», вовлечение молодежи в церковные кружки и секты [143, с. 263-264].

При этом отмечалась также различная степень активности отдельных групп молодежи. В силу своего материального положения и общей «культурно-политической подготовки» наибольшую активность в общественно-политической работе, по сравнению с батрацкими и бедняцкими слоями, проявляла середняцкая молодежь. «Батрацкая молодежь забита и сильно зависима от хозяев-кулаков» [182, л. 421]; «батрацкая моладзь ... складае цяжкае ўражанне забітасці беднасці» [149, л. 438], – говорилось в документах. При этом значительную часть батраков составляли подростки до 18 лет и молодежь до 23-х лет как более дешевая сила, но используемая на работе наравне со взрослыми. Батраками чаще всего становились выходцы из малоимущих или разорившихся хозяйств, демобилизованные красноармейцы, «беженцы Поволжья и частично дети городского населения» [26, л. 2]. На 1 марта 1924 г. «всего учтено батраков по Белоруссии» 12 776 человек (мужчин – 61 %, женщин – 39 %) [183, л. 6]. На самом деле их было гораздо больше. Пополнение осуществлялось за счет сезонных и временных работ. Одной из причин такого положения называлось малоземелье.

Студенческая молодежь также в разной степени проявляла активность, интерес к общественной работе. В одном из документов профсоюзной организации пролетарского студенчества говорилось о том, что можно выделить «пассив» – небольшую группу, как правило, из городского населения, проживающую на частных квартирах. Они «не ўцянуты ў калектыўнае жыццё студэнцтва ўінтэрнатах». Есть актив – это те, кто принимает активное участие в жизни учебного заведения и в руководстве студенческой организации. Часть студенчества просто лояльно относится ко всем вопросам жизни учебного заведения. Но есть и «болото» – это те, кто не принимает никакого участия в работе студорганизации, не интересуются ею, уваливают от нее. Считалось, что эта категория студентов пришла в учебное заведение «пад скрытымі маскамі свайго сацыяльнага і матэрыяльнага становішча» и что в дальнейшем с ними придется вести решительную борьбу вплоть до исключения, «празпрафільтраваўшы іх палітыкавыхаўчай работай нашых стударганізацый» [191, л. 123].

О проявлении студенческой активности один из современников событий тех лет вспоминает, что с открытием университета при нем стали возникать студенческие организации, развернулась широкая общественная

и научная деятельность. Однако на диспутах выявилось, что многие учащиеся не придерживаются официальной советской идеологии. Была проведена «чистка» среди студентов университета. После этого студенты замкнулись, на диспутах больше молчали, не высказывали своего мнения [24, с. 212].

Идеологические и политические взгляды, культурные запросы и предпочтения, мотивы поведения, отношения полов и другие проявления ментальных установок молодых людей дают дополнительный штрих к их облику. В 1920-е годы молодежь довольно активно изучалась, проводились опросы. Респондентами одного из них (в 1928 г.), выступили студенты Белорусского государственного университета, Коммунистического университета и Белорусской сельскохозяйственной академии, значительная часть из которых были комсомольцами либо членами партии. В результатах проведенного исследования отмечались как достижения, так и некоторые негативные явления, вскрытые в этой среде. Из последних, например, были следующие: обучение в вузе, стремление получить диплом – как средство в будущем обеспечить себя выгодной службой; отсутствие склонности к выбранной профессии (только 47,8 % заявили о выборе профессии в соответствии с собственным желанием [160, с. 21]), отстранение от культурной жизни, общественной работы. Мотивами неудовлетворенности и отстранения от общественной работы назывались формализм, отсутствие «живой», интересной работы, показная активность некоторых деятелей, нежелание отвлекаться – «ці вучоба ці грамадская работа», тяжелое материальное положение – «цяжка працаваць галоднай» и т.д. В списке неодобряемых взглядов и настроений отмечались также религиозность и некоторые другие «идеологические уклоны», упаднические настроения, отсутствие интереса и активности в кружковой работе, занятиях спортом, проявления антисемитизма, мещанства, патриархальная косность во взглядах на общественную работу женщин и равноправие в распределении обязанностей по дому, преувеличение физиологической стороны в отношениях с женщиной [160, с. 26-27]. Встречались и такие ответы: «Газет ня чытаю... Цяперашняя літаратура нічога ня варта, перачытваю Лермантава «Дэмон». Грамадскай работы не вяду, бо лічу, што ўніверсітэт ёсць вышэйшая ўстанова, а не агітпункт. У тэатры не хаджу, у кіно – таксама. Усё глупства, усё збрыдла» [160, с. 23-24]. Подобные настроения расценивались не просто как непролетарские, а даже враждебные. Неудовлетворенность студенческими вечерами иногда объяснялась отсутствием «таварыскасці камсамольцаўі беспартыйных, бо часта назіраецца фанабэрыстасць пер-

шых да апошніх», «вечарыны не даюць нічога добрага ні розуму, ні сэрцу. Ідзеш толькі на вечарыну, каб паглядзець на масу студэнтаў ды прыціснуць якую-коледы дзяўчыну» [160, с. 24].

На вопрос, как проводит свободное время молодежь в исследовании «Як і чым жыве наша вучнёўская моладзь» (1928 г.), больше половины ответили, что читают книги и газеты. Тут же отмечалось, что «чытаюць вучні наогул досыць мала»; за летне-осенний период прочитали произведения русских писателей 79 учащихся (из 85 ответивших на вопрос), белорусских – 32, европейских писателей – 32 учащихся. «Некаторыя чытаюць шмат, але ня помняць, што чыталі, якіх аўтараў... Горш справа абстаіць з чытаннем твораў палітычна-грамадскага і спецыяльнага зместу», - комментирует результаты автор. При чтении газет, как ответили учащиеся, они больше интересуются вопросами советской политики (21 чел.), партийных дискуссий (18 чел.), международного и внутреннего положения СССР (15 чел.). 9,3 % ответивших сказали, что совсем не читают газет и журналов [226, с. 55-56].

Серьезные социальные проблемы того времени зачастую были связаны с выживанием, а вместе с этим – вопросом личного морального выбора. Так, например, один из комсомольцев Витебского пивоваренного завода явился в ячейку и положил комсомольский билет: «Не могу быть больше комсомольцем!». На товарищеском суде, которому был предан комсомолец К., тот так объяснил свой поступок: «Оставшись без работы с комсомольским билетом в кармане, я должен зубы положить на полку, а без него ... вольная дорога, что хошь, то и делай. Хоть самогонкой торгуй!» [135, с. 2]. Суд, конечно, не оправдал поступок К., обвинив его в позорном малодушии перед материальной необеспеченностью, в противопоставлении личных интересов интересам общественным. Вот еще типичный пример. Секретарь одной из районных комсомольских ячеек обратился в райком: «У мяне няма сродкаў к існаванню, я беспрацоўны ў сучасны момант, а к таму ж мяне ніхто ня хоча браць на працу, затым, што я сакратар ячэйкі. Дайце вы, калі можаце, якую-небудзь дапамогу, а ні то прыдзецца выйсці з саюзу». Эта заметка была напечатана в газете под заголовком «Хворыя пытанні вясковых ячэек», где говорилось о наблюдающихся в последнее время выходах из комсомола «воптам іўрозніцу», анализировались причины этого [261, с. 6].

Довольно типичным для молодых людей тех лет было стремление к учебе. «Калі мяне не пусціце вучыцца, дык я ўсё адно паеду, магу і высці з КСМ, магу паехаць беспартыйным», – заявил один из комсомольцев, кото-

рому предлагалось остаться и работать в местной комсомольской ячейке [229, л. 245]. Образование становилось важнейшим фактором повышения социального положения. Однако желающих поступить в вузы было намного больше, чем они могли принять. Об этом говорил А. Балицкий, отмечая, что вопрос об укомплектовании вузов студентами – «самае хворае і самае цяжкае пытанне», и количество студентов в вузах определяется не желанием учиться, а потребностями республики в квалифицированных кадрах [6, с. 141]. Так что личные интересы молодого человека могли вступать в противоречие с общественными (государственными) интересами. В то же время, обучаясь в вузе, на рабфаке, молодым людям часто личные бытовые проблемы представлялись ничтожно малыми на фоне государственных проблем. Они проявляли большую волю в преодолении материальных трудностей.

Тяга в город на учебу, закрепиться на производстве, повысить квалификацию – такие установки были характерными для значительной части молодежи 1920-х годов [118, л. 33]. Стремление к учебе, получение профессии для молодежи могли быть связаны не только с улучшением своего материального положения, но и с общественной значимостью и престижностью профессии. На одном из совещаний говорилось, что «комсомольцы ни в коем случае не хотят учиться, например, бухгалтерской работе, называя эту работу «мещанской» [15, с. 87]. При опросе учащихся Борисовских общеобразовательных курсов (96 человек, основной возраст которых от 15 до 22 лет), на вопрос «если не удастся учиться, где думаете работать?» ответили: «учительницей в деревне» – 12 человек. Отвечали: «Калі не ўдасца вучыцца, прыдзецца быць настаўніцай на вёсцы; калі не прыдзецца вучыцца мушу служыць дзе небудзь «чарнільнай душой». Профессия учительницы и канцелярская служба, по словам автора публикации о результатах исследования, оценивались не очень высоко [226, с. 54-55].

Молодежь, в первую очередь студенческая, комсомольская активно вовлекалась во многие мероприятия, которые проводились в рамках общегосударственной политики. Это кампании по ликвидации неграмотности, участие в работе добровольных обществ (Осоавиахим, Мопр и др.), различных кружков, в шефской работе над деревней и частями Красной Армии и т.д. Молодежь участвовала и в антирелигиозных мероприятиях, правда, иногда они напоминали хулиганские выходки. В тот период еще достаточно много было верующих и среди молодежи. Так, например, проверка, проведенная в Пуховичской семилетней школе, показала, что 47 % учащихся вместе с родителями ходили в церковь и выполняли религиоз-

ные обряды [39, с. 101]. В документах участие в религиозных обрядах, празднование Пасхи на бытовом уровне часто фигурируют как причины исключения из партии, комсомола. В 1926-1927 гг. в секретных партийных документах отмечалось, что посещение церквей в этом году увеличилось, при этом кроме зажиточной части населения и «спецовской» интеллигенции, «использующих пасху как парад своих сил, как протест против диктатуры пролетариата и культурной революции», в этом году посещает большее количество молодежи как сельской, так и городской, мещанской и учащейся [211, л. 9].

Заметка в газете «Комсомолец в еврейской семье» отражала атмосферу тех лет, ситуацию выбора для молодого человека. В ней говорилось: «Опять, как всегда, в еврейских мещанских семьях, где еще почитают боженьку, начинается хлопотливая подготовка к «великому празднику – пейсах». И опять перед каждым комсомольцем, перед каждым рабочим подростком-евреем встает вопрос «Что делать?» ...Должны ли они печь мацу?» [222, с. 3].

Вместе с тем, постепенно укреплялось и атеистическое мировоззрение в среде молодых людей. Например, председатель Могилевского епархиального управления писал: «Всякому мало-мальски наблюдательному человеку не может не броситься в глаза отношение современного, особенно молодого поколения к религии. Атеизм практически и теоретически глубоко проник в среду простого народа, растет и развивается молниеносно, крепнет поразительно, овладевает все большим и большим числом людей» [106, с. 82].

Разнообразие политических взглядов среди студентов в начале 1920-х годов отражал их партийный состав. Так, из поступивших в БГУ на факультет общественных наук, кроме 98 членов, кандидатов и сочувствующих РКП(б) и 19 комсомольцев, трое были социал-демократами, четыре эсера, шесть анархистов и представителей других партий. В последующие годы, в связи с переходом к однопартийной системе в стране, среди студентов можно было встретить только членов коммунистической партии и комсомола. В 1928-1929 учебном году вузы Беларуси насчитывали 39,1 % таких студентов [272, с. 16]. Впоследствии это количество значительно увеличивалось за счет комсомольской молодежи.

Революция способствовала коренной ломке устоявшихся норм морали, сексуальной в том числе. Здесь проявились столкновение традиций и революционного радикализма, поиск новых форм, пересечение ценностей и взглядов различных слоев молодежи. Формирование новых ценностей и

идеалов в те годы затруднялось культурной отсталостью большинства населения, ослаблением социального контроля со стороны общества. Вольфсон С.Я., говоря об отношениях полов, отмечал, что революция не только внесла свободу в дело заключения брака, она сделала более свободными отношения крестьянской молодежи до брака. После революции внебрачная половая связь в деревне стала довольно обычным явлением [31, с. 399-400]. Вместе с тем, как считает Г.И. Касперович, несмотря на все противоречия и сложности социальной жизни данного периода, семья по-прежнему занимала одно из наиболее значимых мест в системе ценностей белорусов [90, с. 21].

На вопрос о роли физиологии во взаимоотношениях мужчины и женщины комвузовцы (студенты Коммунистического университета) ответили – «значительная», «самая главная», «естественно-необходимая» – почти половина опрошенных (авторами исследования это было расценено как преувеличение роли физиологического момента в отношении к женщинам, за счет социальной и идеологической сторон). Примечательно, что значительное число студентов (около 40 %), по-видимому, оказались не готовы к обсуждению подобных вопросов, т.к. на этот вопрос либо дали невнятные ответы, либо не дали ответа вовсе. На фоне распространенных в 1920-е годы идей свободной любви, «стакана воды», из опрошенных молодых людей 33,8 % мужчин идеалом половой жизни выбрали брак, (женщины – 36,5 %), вольное сожителство – 29,1 % мужчин и 40,4 % женщин. 9-10 % мужчин и женщин выбрали воздержание как идеал поведения в этой сфере. Одно из объяснений этому – половые отношения отнимают часть энергии, которая могла быть использована для общественной работы [160, с. 37]. Несмотря на сложную общую обстановку в республике, в стране, вопрос о взаимоотношениях полов обсуждался еще на 2 съезде КСМ Беларуси в 1921 г. Космомольцам представлялось тогда, что в этой сфере должны произойти перемены, только, какого рода перемены, видимо, представлялось смутно. Из стенограммы съезда: «Хотя бы если взять половой вопрос. Наши члены не установили определенный взгляд на женщину и у них он извращен» [249, л. 29].

Примечателен эпизод о взаимоотношениях юношей и девушек в комсомольской среде в деревне: «Интересно, что ухаживают в большинстве комсомольцы за беспартийными, из более зажиточных. Объясняют они ... тем, что ... с беспартийной он более свободен в действиях, она не подаст заявления в ячейку, ... комсомолка более общественная, а деревенский парень любит, чтобы она лишь с ним гуляла. ... С комсомолкой ком-

сомалец более развязан в разговорах, поет при ней похабные частушки, рассказывает анекдоты» [149, л. 390]. Наметилась новая тенденция. При вступлении в брак для некоторых «выгодной» партией становился не лесопромышленник, не банкир, а крупный спец или «ответственный работник» [31, с. 396].

Вынужденный аскетизм, порожденный революцией, гражданской войной, военным коммунизмом проявлялся во взглядах молодых людей на быт, свой внешний вид. Эти стороны повседневной жизни стали поводом для выступлений и ряда статей в газетах для обсуждения среди молодежи. «Иногда в комсомольской среде замечаешь какой-то культ неряшливости...» – писал в одной из статей нарком здравоохранения Семашко Н.А. [232, с.1]. Однако уже со второй половины 1920-х годов больше стал проявляться интерес к своему внешнему виду, опрятности, модным вещам. Так, согласно опросу студентов Коммунистического университета (г. Минск), проведенного в 1925 г., 42,8 % опрошенных ответили, что считают необходимым чисто и аккуратно одеваться, еще 38,4 % посчитали возможным ношение модных платьев, галстуков и т.д. (с какими-либо оговорками или без них) [160, с. 34].

В 1920-е годы в рабочей среде распространенной была одежда военного или полувоенного образца: галифе в сочетании с гимнастеркой или кителем, курткой с небольшим стоячим воротником, сапоги, реже – туфли, армейские фуражки, «буденовки», ушанки. Среди молодежи, которую не привлекала одежда военного образца, особой популярностью пользовались штаны-клеш темного цвета, иногда – со светлым пиджаком. Галстук часто воспринимался как пережиток прошлого. Женщины носили прямые укороченные юбки, обувь на низком каблуке. Модной считалась косынка красного цвета. Шинели, кожаные куртки, ватники могли носить и мужчины, и женщины [70, с. 101-102].

Коренным образом менялось отношение не только к религии, семейным ценностям, но и традициям. Волна революционных настроений и преобразований вносила дух радикализма в эти сферы. Показательно, например, следующее выступление молодого человека по поводу сбора предметов старины: «в старое время были эксплуататоры, и мне кажется, что не надо собирать старого. Мне кажется, что лучшей культуры, чем теперь, нет на всем земном шаре. Нужно развивать новую культуру и идти по завету нашего дорогого вождя тов. Ленина... У нас теперь культура есть, пришел я в клуб комсомольский, там красивый Ленинский уголок, все сделано

своими руками – это уже культура. Может быть я ошибаюсь, но считаю, что не нужно собирать старинных материалов» [250, с. 98].

В массовом сознании еще в течение многих лет проявлялась живучесть прежних ценностей, идеалов и стереотипов. Для того, чтобы внутренние установки и побуждения как-то согласовать с внешними требованиями предписаниями, молодому человеку приходилось демонстрировать некий компромисс. Вот описание брака, типичного для той поры. Крестьянская девушка требует, чтобы брак совершался в церкви. Ее жених – новый человек, порвавший со всем старым, но, как оказалось, не настолько, чтобы отказаться от своего личного счастья. «И вот, он, соглашаясь идти в церковь, идет туда в шапке, с револьвером, показывая этим свое пренебрежение к старому, и одновременно показывая свою слабость» перед ним. «Картина ...чрезвычайно показательная и ... символическая. Вот такой брак в настоящее время переживает вся советская страна и вся советская Белоруссия», – говорилось на сессии ЦИК БССР (1924 г.) [250, с. 125]. Другой молодой человек так объяснил свое участие в обряде венчания, за что ему грозило исключение из комсомола: «Да, я сознаю сам, что это соглашательская линия отрицательная. Но я венчался не с религиозным экстазом, а с чувством презрения к церковщине и вообще к религиозному» [162, л. 467]. «Я выдаю свою сестру замуж, дома остаюсь я, старая мать и 16-летний брат. Хозяйство рушится, так что решил жениться на крестьянке, которая не соглашается на Красную свадьбу...», – так объяснял свой выбор другой комсомолец [149, л. 197]. Характерна следующая запись в секретном Бюллетене ЦК ЛКСМБ (1925 г.) по поводу того, что «хороший и выдержанный комсомолец венчался в церкви», в результате чего его исключили из комсомола: «Вся ячейка нехотя принимала такое решение» [149, л. 197].

Наряду с влиянием процессов модернизации и урбанизации на социализацию молодежи периода 1920-х гг., что отмечает и В.И. Исаев в своей работе, следует отметить особое влияние политического фактора [78, с. 6], нарастание политизации общественной жизни. В связи с этим характеристика политической культуры молодежи может выступить еще одной существенной чертой ее социального облика. Результатом сложного и во многом противоречивого процесса политической социализации молодежи данного периода стала складывающаяся политическая культура активистского типа в лице комсомольской части молодежи, воспринявшей революционные идеалы и ценности. Это та часть, которая, вспоминая эти годы как «грозное и трудное» время, писала о себе: «Но мы выстояли, вдохнов-

ленные великой целью»; «Мы же, комсомольцы тех лет, не забудем ни духа товарищества коммун, ни суровости их быта. Коммуна была плечом, на которое мог опереться каждый, кто состоял в ней...» [236, с. 16, 36]. Однако в силу недостаточной образованности, политической грамотности, отсутствия демократического опыта участия молодежи в политической жизни общества, это были лишь незрелые формы такого типа культуры со значительной частью элементов культуры подданнического типа. Внутренние убеждения молодых людей не всегда совпадали с проявлением внешней активности. Сказывались проявления патерналистских установок со стороны власти, партийных вождей. Проблема выбора – идеологического, ценностного, морального (именно выбора) осуществлялась в значительной степени под воздействием принудительных методов, методов давления. Проявлялась также противоречивость в формировании социальной идентичности молодежи тех лет – гражданской (советской), этнической, религиозной, классовой [216, с. 41, 42]. Национальное самоосмысление могло поощряться только в форме советской идентичности. Сложность и противоречивость всех тех процессов, которые происходили в результате послереволюционных преобразований в обществе, порождали своего рода «маргинальность» сознания молодых людей, а потому события политической жизни, прошлое и будущее зачастую воспринимались молодыми людьми в упрощенно противоположных категориях (белое – черное, свой – чужой, наши – враги, хорошо – плохо, старое – новое, социализм – капитализм). Часть молодежи при этом проявляла способность критического осмысления происходящих политических событий, самостоятельных оценок, даже если они не совпадали с комсомольскими и партийно-государственными установками. Часть молодежи представляла собой пассивный, аполитичный, довольно конформистский тип, мотивами поведения этой категории могли быть собственное благополучие и личная выгода.

Итак, молодежь составляла значительную часть белорусского общества. Этим определялся ее достаточно большой потенциал в общественных преобразованиях 1920-х гг. Это была разнообразная по своему составу социальная группа. Проявились довольно интенсивные процессы социальной мобильности в этой среде. При этом в качестве наиболее значимых социальных характеристик (факторов) наряду с местом жительства, национальностью, занятостью или родом деятельности становились такие, как уровень грамотности (образованности), членство в организации (партии, комсомоле, профсоюзе), отношение к религии.

Обобщенный социально-психологический портрет молодежи 1920-х годов позволяет выявить ее характерные социальные черты, проявление наиболее типичных поведенческих установок, мотивов поведения, проследить процесс адаптации молодых людей к миру взрослых в тех сложных условиях, их ценностный и идеологический выбор, попытки сочетания своих личных интересов и общественных.

Можно сказать, что в тех сложных условиях поколение молодых людей проявило довольно высокий уровень адаптации. Нельзя не отметить огромную жажду знаний, желание учиться, несмотря на многие трудности и лишения. Общей характерной чертой молодого поколения тех лет стало возрастание его культурных и материальных притязаний по сравнению с их родителями, стремление к учебе (иногда как способ повысить свой социальный статус, возможность переехать в город). При этом излишняя политизация общественной жизни, идеологический контроль не давали возможность в полной мере развить активистские тенденции, критичность мышления и оценок, закрепляли в сознании молодых людей подданнические установки (как проявление политической культуры), ограничивали проявление самостоятельности, демократичности.

Итак, сферы быта, досуга, семейно-брачных отношений молодых людей, их настроения, переживания, поведение – одним словом, все то, что в большей степени характеризует проявление их неофициальной, частной жизни, показывает, насколько глубоко изменения затронули их сознание. Эти сферы в значительной мере отражают результативность проводимой государственной политики по отношению к молодежи. Эти стороны жизни также оказались под воздействием целенаправленной политики государства по социалистическому переустройству общества. В этот период наблюдается снижение социализирующей роли институтов церкви, семьи и брака, ослабление половой морали, коренная ломка прежних идеалов и ценностей вплоть до их полного отвержения. В сфере семейно-брачных отношений политика государства была направлена на повышение роли общественного воспитания, роли государства. Но семья как традиционная ценность сохраняла свою привлекательность для значительной части молодежи. Политика по внедрению различных форм нового социалистического быта, досуга оказалась довольно успешной, по крайней мере, наметившиеся изменения становились очевидными. Правда, материальное положение, жилищный кризис, методы принуждения и ряд других факторов препятствовали их наиболее полному воплощению. Быт, досуг – эти стороны повседневности наряду с другими организациями и учреждениями

становились общей частью процесса формирования нового человека и все больше вовлекались в сферу регламентации и политического контроля.

Острые социальные проблемы (безработица, неустроенность быта, плохое материальное положение и т.п.), применяемые методы навязывания и контроля определенного идеологического выбора – все это в значительной мере способствовало проявлению мобилизованных форм участия молодежи, ограничивало ее потенциал, сдерживало процесс вовлечения ее в общественные преобразования. Часть молодежи была вынуждена приспособливаться, покорно принимать навязываемые идеологические установки для того, чтобы сохранить или улучшить свое социальное положение.

Молодежь – наиболее восприимчивая к новым идеям социальная группа. В результате проводимой политики, безусловно, формировался и новый тип личности. Ему соответствовали молодые люди, которые проявляли себя в комсомольской, партийной работе, искренне и с энтузиазмом воспринявшие новые идеалы и ценности. Эти люди сыграли огромную роль в общественных преобразованиях. Эта категория молодежи во многом определила облик советского общества в последующие годы со всеми его драматическими и героическими событиями. Но экстраполировать такой тип на все поколение молодежи 1920-х годов – необоснованно. В те годы еще в значительной степени сохранялось влияние традиционной социальной среды (родительская семья, общественное мнение жителей деревни, сверстников, церкви). Часть молодежи представляла собой пассивный, аполитичный, довольно конформистский тип. Мотивами поведения этой категории молодежи могли быть собственное благополучие и личная выгода. В любом случае достоверная картина жизненного мира молодых людей 1920-х годов без идеализации и стереотипов позволяет по-новому увидеть и лучше понять то время и тех людей с их переживаниями, надеждами, исканиями, разочарованиями, трудностями и противоречиями. В конечном итоге эта картина помогает проанализировать молодежь как социально-демографическую группу в условиях динамичных социальных перемен современного общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении можно сделать следующие выводы.

1. Политика государства по отношению к молодежи в исследуемый период отражала процессы, происходившие в социально-экономической и общественно-политической жизни общества. В силу того, что они были подчинены целям социалистического строительства, особое влияние на проводимую политику в целом и по отношению к молодежи в частности оказывали идейно-политические факторы. Наряду с экономическими преобразованиями следовал целый ряд политико-идеологических кампаний, с помощью которых решались экономические, социальные, политические задачи, вопросы национально-культурного строительства. В белорусском обществе в первой половине 1920-х гг. можно отметить существование и борьбу двух тенденций. Одна из них была направлена на некоторую демократизацию в сфере политических отношений, что соответствовало целям и условиям НЭПа, другая – на непримиримость партии коммунистов к другим политическим партиям, на монополизацию всей политической жизни КП(б)Б, ужесточение методов разрешения противоречий. Все это явилось тем фоном, на котором происходило *становление* советской государственной молодежной политики, и который нашел отражение в ней в виде достижений, успехов, противоречий и негативных тенденций. Проводимая партийно-государственная политика по отношению к молодежи, таким образом, отражала всю противоречивость общественно-политической жизни того времени и отражала стремление властных структур монопольно контролировать воспитание подрастающего поколения.

2. Социалистическое преобразование общества являлось основной *целью* политики, проводимой партийно-государственными структурами в целом. Этой же цели была подчинена и молодежная политика. Это проявилось в сферах образования, воспитания, при создании общественных организаций, молодежных в том числе, организации быта и досуга молодых людей. Исходя из этого, основными задачами в отношении молодежи стали вовлечение ее во все социально-политические и культурные преобразования в республике, формирование нового типа личности. В деле формирования нового человека молодежь представлялась основным объектом воздействия. Определяющими принципами стали классовый подход и идеологические установки коммунистической партии.

3. Основные направления молодежной политики: образование, воспитание, обеспечение занятости, создание общественных организаций, а

также решение семейно-брачных вопросов, организация быта, досуга и т.д. – осуществлялись в русле намеченных задач и в соответствии с идеологическими установками коммунистической партии. Важнейшие социальные проблемы молодежи – занятость, обучение, охрана здоровья – государство, по мере возможности, старалось решать. Однако и здесь присутствовал идеологический мотив: через удовлетворение важнейших жизненных потребностей сохранить свое влияние на молодежь. Решение социальных проблем молодежи подстегивала борьба за нее против влияния различных организаций и течений.

Для этого периода характерен поиск способов взаимодействия государства с различными группами населения (молодежью прежде всего), который сопровождался переходом от относительно либеральных методов осуществления государственной молодежной политики к административно-командным. В этот период, особенно в начале 1920-х годов наблюдалось разнообразие во взглядах по различным проблемам, политическим в том числе, характерны были дискуссии, обсуждения в печати и пр. Но уже с середины 1920-х гг. проявилась тенденция усиления государственного и партийного контроля над всеми сторонами жизни молодежи, ее идейно-политическим, ценностным выбором, досугом, частной жизнью.

4. В процессе социализации все большую роль начинали играть такие институты, как государство, коммунистическая партия, комсомол, вся система образования. В качестве основных социализирующих институтов они обеспечивали реализацию функции поддержания существующего порядка в обществе. Школа, вся система образования при этом подвергались коренным изменениям. Влияние таких институтов социализации, как семья и церковь, ослаблялось.

Существовавшие общественные организации (комсомол, профсоюзы, спортивные и прочие) позволяли молодежи Беларуси реализовать свою социальную активность, однако эта активность все больше стала направляться в определенное русло и подвергаться жесткой регламентации со стороны партийных органов.

В молодежном движении комсомол занял фактически монопольное положение. В этом проявилась тенденция подчинить своему влиянию, контролю все наиболее значимые проявления самостоятельности, активности молодежи. Усиление этого контроля наблюдалось со второй половины 1920-х годов. Членство в комсомоле, коммунистической партии обеспечивало некое привилегированное положение молодому человеку, что приводило к неравным условиям в реализации своих возможностей. В то же

время, членство в этих организациях становилось индикатором социальной интеграции в советское общество и предполагало возможное предотвращение проявлений антисоциального (девиантного) поведения. Комсомольская организация также сыграла свою значительную роль в осознании молодежи себя в качестве определенной социальной группы общества.

5. Свой идеологический, ценностный и профессиональный выбор молодежи приходилось осуществлять в крайне жестких условиях. Этот выбор часто приобретал особый драматизм, поскольку был связан с конфликтом поколений, пересмотром (отречением от) прежних традиций и идеалов. Однако в целом молодежь Беларуси в условиях острых социальных проблем и противоречий первых лет после революции и гражданской войны, проявила довольно высокий уровень адаптации.

Результатом проводимой политики партийно-государственных органов по отношению к молодежи в исследуемый период стало формирование человека нового типа – комсомольца, убежденного строителя коммунистического общества, искренне воспринявшего новые идеалы и ценности, проявляющего себя в комсомольской, партийной работе. В то же время можно говорить о существовании в те годы различных типов молодежи. Часть ее действительно искренне восприняла новые ценности, идеологические установки правящей партии и в своем поведении стремилась им соответствовать. Получая образование, вступая в КП(б)Б, комсомол, значительная часть молодежи смогла повысить свой социальный статус, стала опорой Советской власти, сыграла важную роль в послереволюционных преобразованиях. При этом часть молодых людей представляла собой пассивный, аполитичный, довольно конформистский тип, мотивами ее поведения были собственное благополучие и личная выгода. Были и те, кто проявлял склонность к различным девиантным формам поведения. Сказывались уязвимость молодых людей в период радикальных перемен, их подверженность различным веяниям, в том числе и негативным. Идеальный образ и реальный молодой человек совпадали далеко не всегда.

6. Проводимая государством молодежная политика в Советской Беларуси в 1920-е годы в определенной степени соответствовала интересам и потребностям молодежи, особенно из рабоче-крестьянских слоев, способствовала решению их социальных проблем, преодолению культурной отсталости. Это соответствовало и общим целям и задачам развития общества. Однако часто эта политика противоречила демократическим принципам равных возможностей, справедливости, что порождало напряженность

в социальных отношениях, приводило к игнорированию интересов и потребностей других групп молодежи.

Одним из основных противоречий государственной молодежной политики данного периода стало противоречие между провозглашенными декларациями и лозунгами Советской власти и непоследовательностью в их реализации. Кроме того, с одной стороны, наблюдался всплеск активности и самостоятельности молодежи, но с другой стороны, активность эта направлялась в строго определенное русло. В результате значительно сдерживался процесс перехода этой социальной группы от роли объекта государственно-партийного воздействия к роли субъекта социально-преобразовательной деятельности. Основанием данного противоречия явились факторы идейно-политического характера. В результате, в 1920-е годы закладывались основы государственной политики по отношению к молодежи патронажного (патерналистского) характера. Причинами этого были социально-экономическое неблагополучие в республике и низкий культурный уровень самой молодежи.

В целом, можно сказать, что политика по отношению к молодежи, с одной стороны, соответствовала потребностям развития общества и способствовала повышению материального, образовательного и культурного уровня молодежи, особенно из пролетарских и крестьянских слоев населения. Но с другой стороны, в силу того, что эта политика определялась коммунистической идеологией Советской власти и проявлялась в практике патронажного типа, жестко заданного курса идейно-политического воспитания и классового подхода, — ограничивала в конечном итоге наиболее полную реализацию социальной активности и творческого потенциала молодежи в различных сферах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список использованных источников

1. Аб выключаных з камсамолу і чыстке КСМ і членаў партыі (1927-1930) // Государственный архив Минской области. – Ф. 428. – Оп. 1. – Д. 143.
2. Абежнік Народнага Камісарыяту Асьветы БССР аб правядзенні нацыянальнае палітыкі ўстановах Галоўпалітасьветы // Бюлетень СНК. – 1925. – № 8.
3. Акімаў, В.Р. Спадарожнік скаута : даведачнае выданне / В.Р. Акімаў. – Мінск, 1993. – 110 с.
4. Аношанка, З.І. Роля вышэйшай адукацыі падрыхтоўцы нацыянальных кадраў Беларусі ў гады будаўніцтва сацыялізма (1926 – 1932) / З.І. Аношанка // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1973. – № 4. – С. 23–32.
5. Афонскі, С.М. Лічбовыя данныя аб алкагалізме на Беларусі / С.М. Афонскі // Беларуская медычная думка. – 1929. – № 5–8. – С. 35–44.
6. Баліцкі, А. Беларусізацыя культурна-асьветных устаноў / А. Баліцкі // Польша. – 1925. – № 4. – С. 117–148.
7. Баліцкі, А. Культурнае будаўніцтва да дзесятай гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі / А. Баліцкі // Асьвета. – 1927. – № 7. – С. 3–16.
8. Баліцкі, А. Культурнае будаўніцтва Саветскай Беларусі да Х гадавіны аглашэння БССР / А. Баліцкі // Асьвета. – 1928. – № 8. – С. 3–11.
9. Баліцкі, А. Некаторыя праблемы культурнай рэвалюцыі ў галіне народнай асьветы / А. Баліцкі // Асьвета. – 1928. – № 8. – С. 37–49.
10. Барсуков, М. Задачи санитарной организации в Белоруссии: (из доклада на 1 Всебелорусском съезде санитарных работников) / М. Барсуков // Беларуская медычная думка. – 1926. – Т. II. – № 4–6. – С. 3–6.
11. Бахарева, А.Н. Формирование правосознания молодежи в 20-е годы XX в. в Советской России (на примере Северо-Западного региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/А.Н. Бахарева; Российский государственный университет им. А.И. Герцена. – СПб, 2007. – 20 с.
12. Бацяеў, В.Ф. Грамадскія аб'яднанні беларусаў: станаўленне і развіццё / В.Ф. Бацяеў // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. – 1999. – № 4. – С. 92–97.

13. Беларусізацыя. 1920-я гады: дакументы і матэрыялы / У.К. Коршук [і інш.] ; пад агульнай рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. – Мінск : БДУ, 2001. – 270 с.

14. Блинов, Н.М. Социологические исследования труда и воспитания советской молодежи 20-х годов / Н.М. Блинов // Социологические исследования. – 1975. – №1. – С. 145–154.

15. Божанов, В.А. Восхождение к абсолютной власти: большевики и советское государство в 20-е годы / В.А. Божанов. – Минск: Тесей, 2004. – 272 с.

16. Болезненные явления в комсомольских организациях // Государственный архив Минской области. – Ф. 428. – Оп. 1. – Д. 254.

17. Болезненные явления в комсомольских и партийных организациях // Государственный архив Минской области. – Ф. 428. – Оп. 1. – Д. 218.

18. Бордюгов, Г.А. Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20-30-е годы) / Г.А. Бордюгов // История СССР. – 1989. – № 1. – С. 60–73.

19. Брак, семья и проблемы пола. Из лекции тов. Луначарского «Каким будет социалистический быт» // Заря Запада. – 1926. – 17 августа. – С. 2.

20. Бухарин, Н. О содержании и формах работы комсомола. Наши успехи и наши трудности / Н. Бухарин // Куда идет комсомол? – М., 1992. – С. 92–104.

21. Бюллетени ЦК ЛКСМБ (1925 г.) // Государственный архив Минской области. – Ф. 312. – Оп. 1. – Д. 20.

22. Бяспалая, М.А. Беларуская вёска ў 1921-1927 гг. : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / М.А. Бяспалая ; Бел.дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 1999. – 38 с.

23. Бяспалая, М.А. Беларуская вёскаў першыя гады нэпа (1921-1923 гг.) / М.А. Бяспалая. – Мінск: Бел.ун-т культуры, 1999. – 253 с.

24. Васілеўскі, Ю. 3 гісторыі беларускага маладзёжнага руху / Ю. Васілеўскі // Маладосць. – 1994. – № 1. – С. 203–216.

25. Вестник народного образования (орган Витгубоно). – 1921. – № 1 // Государственный архив Витебской области. – Ф. 2289. – Оп. 2. – Д. 77.

26. Витебский окружной совет профессиональных союзов (2 января – 28 декабря 1925 г.). Протоколы совещания экономической секции 1-го Витебского окружного съезда ЛКСМБ (30 октября 1924 г.), экономической комиссии при окружкоме ЛКСМБ, совещаний экономического актива го-

рода, конференций рабочей молодежи и представителей профессионально-технических школ г. Витебска // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 92.

27. Витебский окружной совет профессиональных союзов. Протоколы общих собраний студентов, заседаний студенческих профсоюзных комитетов, исполнительных бюро институтов, техникумов, студенческих кружков и организаций г. Витебска (14 января 1925 г. – 19 августа 1925 г.) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 101.

28. Витебское окружное отделение профсоюза работников коммунального хозяйства (1925 г.) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1170. – Оп. 1. – Д. 12.

29. Воинов, В. За что исключают из комсомола? / В. Воинов // Чырвоная змена. – 1925. – 24 ліп. – С. 2.

30. Вольфсон, С.Я. Марксизм и педагогика / С.Я. Вольфсон. – Минск: Белтрестпечать, 1924. – 47 с.

31. Вольфсон, С.Я. Социология брака и семьи (Опыт введения в марксистскую генеомию) / С.Я. Вольфсон. – Минск: Бел.гос. ун-т, 1929. – 464 с.

32. Всем окружным Финансовым Отделам: льготы по сельхозналогу семьям студентов ВУЗовот 24 июня 1925 г. № 33880 // Бюллетень СНК. – 1925. – № 3. – Ст. 20.

33. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. / Центр.стат. упр. СССР, Отд. Переписи. Вып. 5 : Возраст и грамотность. Европейская часть РСФСР. Белорусская ССР. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 61 с.

34. Внимание здоровью подрастающей смены! // Заря Запада. – 1926. – 22 июля. – С. 2.

35. Выписка из протокола заседания Бюро ЦК РКСМ от 4 января 1922 г. (Секретно) // Молодежное движение России в документах (1905-1938 гг.) / ред.-сост. П. Деркаченко. – М. : ОМП-пресс, 2000. – С. 94.

36. Выписка из протокола заседания Группового Комитета работников Частных Предприятий Коммунального обследования г. Витебска от 7 апреля 1926 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1170. – Оп. 1. – Д. 84.

37. Вясковая камсамолія // Чырвоная полаччына. – 1927. – 7 лістапада. – с. 5.

38. Галаган, А.А. Неоткрытые страницы истории (о «белых пятнах» и «черных дырах» истории Ленинского комсомола) / А.А. Галаган. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1989. – 96 с.

39. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000-2007. – Т. 5 : Беларусь у 1917-1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 613 с.

40. Гісторыя сялянства на Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён : у 3 т. / З.Е. Абезгауз, Х.Ю. Бейлькін, А.Р. Бухавец [і інш.]; пад рэд. В.П. Панюціча. – Мн.: Беларуская навука, 2002. – Т. 2: Ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. – 552 с.

41. Глазунов, И.В. Региональные особенности институализации государственной молодежной политики в современной России: автореф. дис. ... канд. социологич. наук: 22.00.04 / И.В. Глазунов; Московский гуманитарный университет. – М., 2007. – 49 с.

42. Голод, С.И. Что было пороками, стало нравами: лекции по социологии сексуальности: Русская потаенная литература / С.И. Голод. – М.: Ладомир, 2005. – 233 с.

43. Грыгор'еў, А.Дз. Барацьба з праявамі сацыяльнай паталогіі на Беларусі (1917-1941 гг.). / А.Дз. Грыгор'еў // Весн. Белар. дзярж. ун-та. – 2002. – № 2. – С. 112–116.

44. Гуцин, О.В. Региональная модель государственной молодежной политики: опыт социологического анализа: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / О.В. Гуцин; Уральская академия государственной службы. – Екатеринбург, 2007. – 22 с.

45. Даніловіч, В.В. Моладзь ў сацыяльна-эканамічным жыцці Савецкай Беларусі ў пачатку 1920-х гг. / В.В. Даніловіч // Вес. Нац. Акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 2010. – № 3. – С. 58–66.

46. Дахия, С.Ф. Комсомол Белоруссии – верный помощник КП(б)Б в индустриализации республики (1926-1932 гг.) : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.570 / С.Ф. Дахия ; Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск, 1971. – 23 с.

47. Декларация Всероссийской Федерации анархической молодежи от 26 января 1919 г. // Молодежное движение России в документах (1905-1938 гг.) / ред.-сост. П. Деркаченко. – М. : ОМП-пресс, 2000. – С. 69–70.

48. Декрет о ликвидации безграмотности среди населения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, 26 декабря 1919 // Декреты Советской власти: в 13 т. - М. : Политиздат, 1957-1989. - Т. 7 : 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. – 1975. – С. 50–51.

49. Дело о работе среди молодежи профтехнического образования подростков ученичества // Государственный архив Витебской области. – Ф. 421. – Оп. 1. – Д. 45.

50. Дело политсводок ячеек ЛКСМБ // Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 263. – Оп. 2. – Д. 97.

51. Дело с материалами, полученными с мест // Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 176. – Оп. 4. – Д. 107.

52. Дело секретной переписки Минокружка ЛКСМБ (1925-1926 г.) // Государственный архив Минской области. – Ф. 428. – Оп. 1. – Д. 97.

53. Детское движение : тезисы доклада на политпросветсекции (V Всероссийс. съезд РКСМ) // Товарищ комсомол : документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ : в 2 т. - М. : Молодая гвардия, 1969. - Т. 1: 1928–1941. – С. 90–97.

54. Дзянісаў, А.У. Краязнаўчы рух у БССР у 20-30-я гг. XX ст. : аўтарэф. дыс. ... канд гіст. навук : 07.00.02 / А.У. Дзянісаў ; Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 2008. – 23 с.

55. Дзянісаў, А.У. Развіццё краязнаўчага руху ў БССР у 1920–1930-я гг. / А.У. Дзянісаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. – № 4. С. 24–32.

56. Директивы РКП и губкома, протокол заседания военной комиссии губкома // Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 364. – Оп. 1. – Д. 9.

57. Дихтяр, С.Р. Лечебно-профилактические задачи в области родильно-гинекологической помощи в Белоруссии : доклад на Всебелорусском Совещании по охматмладу, 18–22 февраля 1926 г.) / С.Р. Дихтяр // Беларуская медычная думка. 1926. – Т. II. – № 4–6. – С. 7–16.

58. Доклад Лазаря Шацкого на I съезде РКСМ (29 октября – 4 ноября 1918 г.) // Молодежное движение России в документах (1905-1938 гг.) / ред.-сост. П. Деркаченко. – М. : ОМП-пресс, 2000. – С. 75–79.

59. Дулов, А. Брак, семья, материнство в государственной политике БССР 1920-х – первой половине 1930-х гг. / А. Дулов // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. /под ред. И.Р. Чикаловой. – Минск, БГПУ, 2004. – Вып. 3. – С. 218–235.

60. Дулов, А.Н. Женщины Советской Беларуси в общественно-политической жизни и материальном производстве (20-е годы XX века): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Н. Дулов. – Минск, 2006. – 122 л.

61. Евдокименко, Н.Л. Проблемы становления и развития высшей школы Белоруссии (На материалах государственных и общественно-политических организаций (1921-1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Н.Л. Евдокименко ; Бел.гос. ун-т. – Минск, 1993. – 22 с.

62. Ежемесячные информационные письма секретарей райкомов и райорганизаторов ЛКСМБ (январь – июнь 1925 г.) // Государственный архив Минской области. – Ф. 312. – Оп. 1. – Д. 46.

63. Ермашкевич, Г.И. Комсомол Белоруссии – помощник партии в подготовке и воспитании кадров сельских механизаторов (1928-1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Г.И. Ермашкевич ; Бел.гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1972. – 25 с.

64. Жураў, А.Я. У баях народжаны. Кароткі нарыс гісторыі камсамола Беларусі / А.Я. Жураў. – 2-е выд., дап. – Мінск : Народная асвета, 1970. – 224 с.

65. З агульнай сакрэтнай перапіскі // Государственный архив Витебской области. – Ф. 10137. – Оп. 1. – Д. 163.

66. З матэрыялаў да пастановы ЦК КП(б)Б “Аб беларусізацыі вышэйшых навучальных устаноў” // Беларусізацыя. 1920-я гады: дакументы і матэрыялы / У.К. Коршук [і інш.] ; пад агульнай рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. – Мінск, 2001. – С. 164–165.

67. З пратаколаў сабранияў ячэйкі КПБ Мозырскага педтэхнікума // Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 2602. – Оп. 1. – Д. 8.

68. Задачы камуністычнага выхавання моладзі: даклады т. Бухарына, Чапліна і прамова т. Сталіна / VIII Усесаюз. з'езд ЛКСМ. – Мінск : Чырвоная змена, 1928. – 92 с.

69. Залкинд, А. Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата / А.Б. Залкинд // Философия любви : в 2-х ч. - Ч. 2. Антология любви / сост. А.А. Ивин. – М. : Политиздат, 1990. – С. 334–355.

70. Іваноў, У.М. Нарыс дэмаграфіі, сацыялогіі і быту рабочага класа Савецкай Беларусі (1917-1941 гг.) / У.М. Іваноў. – Мінск : Выш. шк., 1975. – 160 с.

71. Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918-1928: в 2-х ч. / сост. Н.С. Сташкевич [и др.] – Минск: Беларусь, 1990. Ч. 1: 1918–1928. – 358 с.

72. Из отчета Витебского окрпрофсовета за 1926-27 г. на III окружном съезде профсоюзов «О работе с молодежью», 7 мая 1927г. // Индустриализация Белорусской ССР (1926-1941 гг): сб. документов и материалов / под ред. В.Н. Жигалова [и др.]. – Минск: Беларусь, 1975. – С. 56–58.

73. Из программы и устава Российского Коммунистического Союза Молодежи // Товарищ комсомол : документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ : в 2 т. – М. : Молодая гвардия, 1969. – Т. 1: 1928 – 1941. – С. 8-13.

74. Из программы РКСМ // Товарищ комсомол : документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ : в 2 т. – М. : Молодая гвардия, 1969. – Т. 1: 1928 – 1941. – С. 58–70.

75. Из резолюции VII съезда (XII конференции) КР(б)Б, 20-26 марта 1923 г. // Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918–1928: в 2-х ч. / Сост. Н.С. Сташкевич [и др.] – Минск: Беларусь, 1990. Ч. 1: 1918–1928. – С. 92–93.

76. Ильинский, И.М. Молодежь и молодежная политика : Философия. История. Теория / И.М. Ильинский. – М.: Голос, 2001. – 696 с.

77. Иоффе, Э.Г. По достоверным источникам: евреи в истории городов Беларуси / Э.Г. Иоффе. – Минск : Четыре четверти, 2001. – 350 с.

78. Исаев, В.И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации (1920-1930-е гг.) / В.И. Исаев. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – 241 с.

79. История государства и права Белорусской ССР: в 2 т. / редкол.: С.П. Маргунский [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1970. – Т.1 : 1917–1936. – 608 с.

80. История рабочего класса Белорусской ССР : в 4 т. / редкол. М.П. Костюк (отв. ред.) [и др.]. - Минск : Наука и техника, 1985. – Т. 2 : Рабочий класс БССР в годы Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма (1917–1937). – 488 с.

81. Итоги работы и очередные задачи профсоюзов : Резолюция XV конференции ВКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 -1986) : в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 9-е изд. – М.: Политиздат, 1983–1989. – Т. 4: 1926–1929. – 1984. – С. 88–105.

82. Кавалёў. Што паказала праверка сацыльнага складу камсамолу Чэрыкаўшчыны / Кавалёў // Магілёўскі селянін. – 1929. – 2 жніўня. – С. 3.

83. Каменская, И.В. Политико-просветительная работа комсомола Белоруссии в период восстановления народного хозяйства : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И.В. Каменская ; Мин. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. – Минск, 1973. – 29 с.

84. Камсамол і працоўная моладзь да X з'езда ЛКМСБ (у лічбах). – Мінск, 1930. – 152 с.

85. Камуны моладзі : Па матэрыялах абследвання і пад рэдакцыяй інстытуту санітарнае культуры / А. Найштат [і інш.]. – Мінск : Белдзяржвыд, 1931. – 77 с.

86. Канстытуцыя Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі // Гісторыя гасударства і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэбны дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд., дап. – Мн. : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – С. 217–221.
87. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [іінш.] ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
88. Каспяровіч, А.М. Сярэдняя спецыяльная адукацыя Савецкай Беларусі у 20-х гадах XX стаг. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02/ А.М. Каспяровіч. – Мінск, 2006. – 115 л.
89. Каспяровіч, Г.І. Сям’я беларусаў у XX стагоддзі / Г.І. Каспяровіч // Адукацыя і выхаванне. – 1996. – № 11. – С. 10-19.
90. Каспяровіч, Г.І. Этнакультурнае развіццё беларусаў у 20-80-я гады XX ст. : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.07 / Г.І. Каспяровіч ; Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2002. – 39 с.
91. Каспяровіч, Г.І. Развіццё культуры ў савецкі перыяд / Г.І. Каспяровіч // Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі / В.К. Бандарчык [іінш.] ; навук. рэд. В.К. Бандарчык. – Мінск, 1993. – С. 175–199.
92. Касцюк, М.П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М.П. Касцюк. – Мінск : ВП Экаперспектыва, 2000. – 308 с.
93. Клепікаў, М.Я. Мінскае таварыства гісторыі старажытнасці ў пачатку 20-х гг. XX ст. / М.Я. Клепікаў // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2008. – № 3. с. 10–14.
94. Кнорин, В.Г. Избранные статьи и речи / В.Г. Кнорин / Институт истории партии при ЦК КПБ – филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Мн. : Беларусь, 1990. – 303 с.
95. Комаров, А.М. Новые явления в общественном и семейном быту трудящихся Советской Белоруссии (1917 – 1929 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 576 / Акад. наук БССР, Отд-ние обществ.наук. – Минск, 1969. – 20 с.
96. Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах, 1918-1988 / Ин-т ист. партии при ЦК КПБ – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; подгот. В.А. Бобков [и др.] – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Беларусь, 1988. – 254 с.

97. Королева, В.В. Состав, быт и социально-экономическое положение студенчества европейской части РСФСР (1921 – 1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.В. Королева; Орловский гос. ун-т. – Орел, 2005. – 26 с.

98. Красовский, Н.И. Высшая школа Советской Белоруссии / Н.И. Красовский. – 2-е изд. – Минск: Вышэйшая школа, 1972. – 332 с.

99. Куда идет комсомол? / [ред.- сост-ль И.С. Данченко]. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 221 с.

100. Круталевіч, В.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) / В.А. Круталевіч, І.А. Юхо. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 238 с.

101. Кузюкович, А.П. Антиалкогольное движение в Беларуси в 20-е - н. 30-х годов / А.П. Кузюкович // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця : матэрыялы II Усебелар. канф. гісторыкаў, Мінск, 10-11 красавіка 1997 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал. : М.П. Касцюк (гал. рэд.) [іінш.]. – Мінск, 1999. – С. 150–151.

102. Кульгускина, Л.В. Государство и молодое поколение в конце 1920-х – 1930-е годы: опыт создания новой ментальности : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л.В. Кульгускина ; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2005. – 22 с.

103. Курков, И. Безработица является поводом для проституции: Из документов женотдела ЦК КП(б)Б 1920-х гг. / И. Курков // Женщины на краю Европы / под ред. Е. Гаповой. – Минск: ЕГУ, 2003. – С. 130–144.

104. Курков, И. Гендерные отношения в белорусской деревне (1921-1928 гг.) / И. Курков // Гендерные истории Восточной Европы: сб. науч. ст. / Европейский гос. ун-т; под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. – Минск, 2002. – С. 198–208.

105. Лабадаеў, М. Пра выходы з камсамолу / М. Лабадаеў // Бальшавік Беларусі. – 1927. – 7-8. – С. 30–32.

106. Лебина, Н.Б. Молодежь страны советов в 20-е годы / Н.Б. Лебина // Вопросы истории. – 1983. – № 8. – С. 77–87.

107. Лебина, Н.Б. Рабочая молодежь Ленинграда: труд и социальный облик в 1921–1925 годы / Н.Б. Лебина. – Ленинград : Наука, 1982. – 168 с.

108. Лебина, Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20-30-х годов / Н.Б. Лебина // Вопросы истории. – 1994. – № 2. – С. 30–42.

109. Лебина, Н.Б. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия / Н.Б. Лебина, А.Н. Чистиков. – СПб: Дмитрий Буланин, 2003. – 339 с.

110. Ленин, В.И. Письма (август 1914 - октябрь 1917) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – Т. 49. – 1970. – С. 51–52.

111. Ленинский комсомол Белоруссии в цифрах и фактах: 1920-1980 / И.А. Сороковик, О.А. Здоровенин, А.Г. Гуринович [и др.]. – Минск : Беларусь, 1980. – 142 с.

112. Ліст А. Александровіча, А. Дудара і М. Зарэцкага ў газету “Савецкая Беларусь” аб адносінах у Белдзяржуніверсітэце да беларускіх пісьменнікаў, беларусізацыі і аб выхадзе з універсітэта // Беларусізацыя. 1920-я гады: дакументы і матэрыялы / У.К. Коршук [і інш.] ; пад агульнай рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. – Мінск, 2001. – С. 235–236.

113. Лозка, А.Ю. Беларускі скаўтынг/ А.Ю. Лозка. – Мінск : Полымя, 1997. – 188 с.

114. Луначарский, А.В. Воспитание нового человека / А.В. Луначарский. – Л. : Прибой, 1928. – 48 с.

115. Лыч, Л. У. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. - 2-е выд., дап. – Мінск : Экаперспектыва, 1997. – 486 с.

116. Магілёўскі селянін. – 1929. – 11 верасня. – С. 1.

117. Максимова, Л.П. Ложные друзья молодежи: из истории борьбы Коммунистической партии и комсомола Беларуси с троцкизмом за молодежь / Л.П. Максимова. – Минск: общ-во «Знание» БССР, 1988. – 26 с.

118. Материалы Комиссии ЦК по обследованию Минской организации (май 1926 г.) // Государственный архив Минской области. – Ф. 428. – Оп. 1. – Д. 109.

119. Материалы о работе ЛКСМБ к отчету ЦК КП(б)Б на XI съезд. 1927 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 3094.

120. Материалы о сектантских организациях по БССР. Июль – август 1925 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 2429.

121. Материалы проведения общегородской конференции рабочей молодежи Витебщины от 17-18 апреля 1926 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 10137. – Оп. 1. – Д. 124.

122. Маяцкий, Д.А. Политическая социализация российской молодежи в контексте государственной молодежной политики : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Д.А. Маяцкий ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2007. – 26 с.

123. Меримский, З. Надо уметь отдыхать / З. Меримский // Заря Запада. – 1926. – 28 июля. – С. 2.

124. Минский гидротехникум Наркомзема БССР. Вучэбныя і вытворчыя пляны на 1924-1925 гг. // Государственный архив Минской области. – Ф. 335. – Оп. 1. – Д. 5.

125. Михнюк, В.Н. Крестьянство Белоруссии на пути к социализму: историографический очерк / В.Н. Михнюк. – Минск : БГУ, 1979. – 184 с.

126. Мішакова, О.П. Як жыве і працуе савецкая моладзь / О.П. Мішакова. - Мінск : Дзярж. выд-ва пры СНК БССР. – 1940. – 52 с.

127. Мозырский ОК ЛКСМБ, отдел евбюро, протоколы и планы евбюро ОК и разная переписка // Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 79. – Оп. 2. – Д. 180.

128. Молодежное движение России в документах (1905–1938 гг.) / ред.-сост. П. Деркаченко. – М. : ОМП-пресс, 2000. – 384 с.

129. Монозон-Любина. Рабочая молодежь Гомельщины / Монозон-Любина // Беларуская медычная думка. – 1928. – № 1. – С. 96–99.

130. Монозон-Любина. Бюджет времени школьника II ступени гор. Гомеля / Монозон-Любина // Беларуская медычная думка. – 1928. – № 2. – С. 43–45.

131. Морозов, Н.И. Историография молодежного движения в России (февраль 1917 г. – начало 1930-х гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Н.И. Морозов ; Моск. гос. ун-т сервиса. – Москва, 2002. – 38 с.

132. Мямлина, А.А. Комсомол – активный помощник партии по вовлечению крестьянской молодежи в социалистическое строительство (1921–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / А.А. Мямлина; Мос. Гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1973. – 16 с.

133. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкіў Беларусі / С.А. Умрэйка (гал.рэд.) [іінш.]. – Мінск: Народная асвета, 1968. – 624 с.

134. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / ГУВД Минского горисполкома – 2007 – Режим доступа: <http://www/guvd.gov.by/narkokontrol/nravy>. – Дата доступа: 11.11.2007.

135. Небывальский, А. Малодушию не должно быть места / А. Небывальский // Заря Запада. 1926. – 30 мая. – С. 2.

136. Невдах, С.И. Становление и развитие системы высшего педагогического образования в Республике Беларусь (1921-1997 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / С.И. Невдах; Бел.гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2002. – 22 с.

137. НКВД БССР. Административно-организационное управление. Административный отдел. № 54.Ч. II. Постановления, циркуляры ЦИК, СНК и НКВД БССР и переписка с исполкомами о порядке утверждения и регистрации обществ и союзов. 2 марта 1922 – 26 июня 1924 гг. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 165.

138. Новик, Е.К. Формирование кадров народного образования Белоруссии (1917-1941) / Е.К. Новик / научн. ред. П.Г. Петриков. – Минск: Наука и техника, 1981. – 295 с.

139. Новицкий, В.И. Участие Ленинского комсомола Белоруссии в борьбе за подъем народного образования (1920 – июнь 1941 гг.) / В.И. Новицкий, Е.К. Новик. – Минск: Наука и техника, 1979. – 272 с.

140. О массовой внутрисоюзной работе комсомола (к 14-му партсъезду) // Заря Запада. – 1925. – 10 декабря. – С. 1.

141. О работе комсомола по физкультуре. Постановление пленума ЦК ВЛКСМ, июнь 1926 г. // Товарищ комсомол : документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ : в 2 т. – М., Молодая гвардия, 1969. – Т. 1: 1928 – 1941. – С. 279-286.

142. О работе среди интеллигенции. Резолюция пленума ЦК КП(б)Б, 12-15 марта 1926 г. // Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918–1928: в 2-х ч. / сост. Н.С. Сташкевич [и др.] – Минск: Беларусь, 1990. Ч. 1: 1918–1928. – С. 222–229.

143. О работе среди молодежи : Резолюции и постановления IX съезда КП(б)Б // Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 1: 1918-1927 / Ин-т ист. партии при ЦК КПБ – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; под ред. В.И. Бровикова, В.Я. Крюкова, С.Е. Павлова [и др.] – Минск: Беларусь, 1983. – С. 263–271.

144. О союзах молодежи : Резолюции и постановления VI съезда РСДРП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 9-е изд. – М.: Политиздат, 1983–1989. – Т. 1: 1898–1917. – 1983. – С. 591–592.

145. О физическом воспитании и скаутизме : Второй Всероссийский съезд РКСМ, октябрь 1919 г. // Товарищ комсомол : документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ : в 2 т. – М. : Молодая гвардия, 1969. – Т. 1: 1928–1941. – С. 26–27.

146. О физкультуре : V Всероссийский съезд РКСМ, октябрь 1922 г. // Товарищ комсомол : документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ : в 2 т. – М. : Молодая гвардия, 1969. – Т. 1: 1928–1941. – С. 97–99.

147. Об основных задачах коммунистического воспитания в новых условиях // Товарищ комсомол : документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ : в 2 т. – М. : Молодая гвардия, 1969. – Т. 1: 1928–1941. – С. 86–90.

148. Обзор по материалам информационного п/отдела ЦК ВЛКСМ за время с января по июнь месяц 1926 года. Бытовые болезненные явления в комсомоле и борьба с ними // Молодежное движение России в документах (1905-1938 гг.) / ред.-сост. П. Деркаченко. – М. : ОМП-пресс, 2000. – С. 156–167.

149. Общая секретная переписка Окружкома ЛКСМБ (Отдел политпросвета при ЛКСМБ), 30. 08. 1924 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 10137. – Оп. 1. – Д. 28.

150. Общественно-политический суд над двумя членами комсомола, которые обвиняются в половой распущенности // Чырвоная змена. – 1925. – 6 чэрв. – С. 6.

151. Общественно-политический суд над комсомольцами, которые обвиняются в половой распущенности // Чырвоная змена. – 1925 г. – 25 чэрв. – С. 4.

152. Опиок, Т.В. Антирелигиозная пропаганда и деятельность «Союза воинствующих безбожников» в БССР в 1920-1930-е гг. (на материалах Могилевской обл.) / Т.В. Опиок // Религия и общество – 3: Актуальные проблемы современного религиоведения: сб. науч. тр. / СГУ им. А.А. Кулешова; под общ.ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев, 2008. – С. 32–34.

153. Осипович, Т. Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов / Т. Осипович // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 161–171.

154. Осмоловский, В.П. Индустриализация республики: некоторые аспекты истории / В.П. Осмоловский // Страницы истории Компартии Белоруссии: суждения, аргументы, факты / сост. Ю.П. Смирнов, Н.С. Сташкевич; под ред. Р.П. Платонова. – Минск: Университетское, 1990. – С. 101–122.

155. Основной Закон (Конституция) Белорусской Социалистической Советской Республики (11 апреля 1927 г.) // История советской конститу-

ции (в документах) (1917–1956) ; сост-ли А.А. Липатов, Н.Т. Савенков. – М. : Изд-во юридич. лит-ры, 1957. – С. 589–603.

156. Отчет о работе коллегии АПО Минского окружного комитета ЛКСМБ за январь – октябрь 1926 г. // Государственный архив Минской области. – Ф. 428. – Оп. 1. – Д. 100.

157. Отчет ЦК ЛКСМБ по состоянию на 10 октября 1924 г. и материальном положении рабочей молодежи // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 63. – Оп. 2. – Д. 56.

158. Очерки истории ленинского комсомола Белоруссии / Ин-т ист. партии при ЦК КПБ – филиал ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / А.Е. Журов [и др.]. – Минск : Беларусь, 1975. – 536 с.

159. Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905-1969 гг.) / Л.П. Липинский, В.Г. Гневко, Н.Е. Завалеев [и др.] – Минск : Беларусь, 1970. – 476 с.

160. Панкевіч, П. Які ж наш беларускі студэнт? / П. Панкевіч // Асьвета. – 1928. – № 4. – С. 20–37.

161. Перед крутым поворотом: тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): отражение времени в архивных документах / автор-составитель : Р.П. Платонов [и др.] : под ред. Р.П. Платонова. – Минск : БелНИИДАД, 2001. – 309 с.

162. Переписка с ЦК ВЛКСМ о борьбе с сионизмом, работе комсомола в деревне, нацполитике и др. 17.03.1926–01.09.1926 // Государственный архив Витебской области. – Ф. 10137. – Оп. 1. – Д. 161.

163. Переписка с ЦК ЛКСМБ, январь-сентябрь 1926 г. // Государственный архив общественных объединений Могилеской области. – Ф. 6675. – Оп. 1. – Д. 136.

164. Письмо из ЦК РКСМ в ЦК РКП(б)Б от 13 февраля 1922 г. (Срочно Секретно) // Молодежное движение России в документах (1905–1938 гг.) / ред.-сост. П. Деркаченко. – М. : ОМП-пресс, 2000. – С. 96.

165. Пиульский, Е.В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Е.В. Пиульский ; Бел.гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1975. – 26 с.

166. Пичета, В.И. Белорусский язык как фактор национально-культурный / В.И. Пичета. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 32 с.

167. Пичуков, В.П. Гомельщина многонациональная (20-30- годы XX века) / В.П. Пичуков, М.И. Старовойтов. – Вып. 1. – Гомель : Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 1999. – 235 с.

168. Планы работы МОПР 1-го райкома КП(б)Б и райбюро МОПР на январь-август 1925 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1170. – Оп. 1. – Д. 54.

169. Платонаў, Р. П. Беларусь у міжваенны перыяд: Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц / Р.П. Платонаў. – Минск: БелНДІДАС, 2001. – 282 с.

170. Платонаў, Р. Творчыя і іншыя грамадскія аб'яднанні Беларусі 1920-х гадоў / Р. Платонаў // Архивы и делопроизводство. – 2000. – № 3. – С. 98–103.

171. Платун, А. Аб падрыхтоўцы кадраў / А. Платун // Камуністычнае выхаванне. – 1930. – № 3. С. 12–22.

172. Платун, А. Нацыянальна-культурнае будаўніцтва у БССР / А. Платун. – Мінск : Белдзяржвыд., 1930. – 24 с.

173. По агитационно-пропагандистской работе : резолюции и постановления VII съезда (XII конференции) КП(б)Б // Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Т. 1 : 1918–1927 / Ин-т ист. партии при ЦК КПБ – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / под ред. В.И. Бровикова, В.Я. Крюкова, С.Е. Павлова [и др.] – Минск: Беларусь, 1983. – С. 143–153.

174. По вопросу о профессиональных союзах и их организации : резолюция IX съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд. – М.: Политиздат, 1983–1989. – Т. 2 : 1917–1922. – 1983. – С. 254–255.

175. Положение Центрального Бюро пролетарского студенчества Белоруссии об академических комиссиях при исполкомах и профкомах вузов, рабфаков, техникумов, о вневузовской работе. Протоколы заседаний Центрального Бюро Витебского городского пролетарского студенчества и общих собраний студентов, доклад Витебского городского бюро пролетарского студенчества, коллегий окружкома КПВ о работе за период с 30 окт. 1926 г. по 1 июня 1927 г. Сведения о составе профорганизаций студенчества по г. Витебску на 1 мая 1927 г. и переписка // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 233.

176. Помазаў, С.В. Сацыяльны і нацыянальны склад навучэнцаў прафесійна-тэхнічных навучальных устаноў БССР у першай палове 1920-х гг. / С.В. Помазаў // Весці БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2007. – № 4. – С. 13–18.

177. Попов, В.А. Из истории социальных отклонений молодежи (20-е гг.) / В.А. Попов // Советская педагогика. – 1989. – № 9. – С. 109–115.

178. Постановление СНК о рабочих факультетах от 17 сент. 1920 г. // Декреты Советской власти: в 13 т. – М. : Политиздат, 1957–1989. – Т. 10: авг. – сент. 1920 г. – 1980. – С. 180–182.

179. Праверка студэнцтва // Савецкая Беларусь. – 1924. – 24 ліп. – С. 4.

180. Прамова тав. Чарвякова на 2-м з'ездзе таварыства «Прэч няпісьменнасць» па дакладу НКА аб пляне ліквідацыі няпісьменнасці // Асвета. – 1928. – № 7. – С. 95–102.

181. Программа Российской Коммунистической партии (большеви-ков) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 -1986): в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 9-е изд. – М. : Политиздат, 1983–1989. – Т. 2: 1917–1922. – 1983. – С. 71–117.

182. Протокол всебелорусского совещания по работе в деревне, созванное Пленумом Центрального Совета профсоюзов Белоруссии, от 25–28 апреля 1925 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 2. – Д. 12.

183. Протоколы Витебского Губкома РКСМ. 1924 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 10137. – Оп. 1. – Д. 17.

184. Протоколы 2-й окружной конференции, собраний Витебского окружного отделения профсоюза работников пищевой промышленности (октябрь 1925 – август 1926 гг.) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 185.

185. Протоколы заседаний бюро сельских ячеек ЛКСМБ (13.12.1925 – 12.12.1926) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 10137. – Оп. 1. – Д. 67.

186. Протоколы заседаний Витебского городского бюро пролетарского студенчества (1925 г.) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 144.

187. Протоколы заседаний Витебской окружной комиссии по проведению празднования 10-й годовщины Октябрьской революции, планы проведения празднования по союзам, отчеты клубов, библиотек, доклад на президиуме окрпрофсовета о работе городских клубных юношеских секций за 1927 г. и переписка с профорганизациями о культурно-просветительной работе, 18 янв. – 26 дек. 1927 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 237.

188. Протоколы заседаний пленума совета профсоюзов Белоруссии, совещаний и заседаний экономической комиссии при уездно-городском комитете КСМБ. Анкеты обследования, сведения и переписка с губкомом РКП(б) и РКСМ о состоянии экономической работы и работы среди женщин и молодежи и др. вопросов (13 декабря 1923 г. – 31 декабря 1924 г.) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 74.

189. Протоколы заседаний правления Витебского окружного отделения профсоюза деревообделочников (5 января 1926 г. – 7 декабря 1926 г.) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 184.

190. Протоколы заседаний президиума ЦСПСБ, резолюции I Всебелорусского совещания работников культуры, совещаний представителей по работе среди молодежи в профсоюзах (2 января 1926 г. – 27 февраля 1926 г.) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 161.

191. Протоколы заседаний, резолюции пленумов Центрального Бюро и Витебского Городского бюро пролетарского студенчества // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 303.

192. Протоколы заседаний Центрального Бюро и Витебского Городского Бюро пролетарского студенчества (1 апреля 1929 г. – 5 декабря 1929 г.) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 292.

193. Протоколы заседаний Центральной комиссии по отделению церкви от государства при НКВД БССР и переписка с комиссией и окружной прокуратурой о нарушениях в деле проведения антирелигиозной пропаганды, рассмотрении заявлений граждан об открытии закрытых церквей и молитвенных домов // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 750. – Оп. 1. – Д. 567.

194. Протоколы конференций еврейской беспартийной молодежи (1927 г.) // Государственный архив Минской области. – Ф. 428. – Оп. 1. – Д. 164.

195. Протоколы, отчеты коллективов юных пионеров // Государственный архив Витебской области. – Ф. 10137. – Оп. 1. – Д. 27.

196. Протоколы I съезда профсоюзов Витебского округа от 10-13 февраля 1925 г., общегородской рабочей конференции, конференций представителей фабзавместкомов, профуполномоченных, членов комиссии и правлений окружных отделений союзов, окружных совещаний молодежи, клубных работников, карточки обследования работы клубов // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 119.

197. Протоколы совещаний председателей и секретарей губернских отделов, окружных отделений профсоюзов, райпрофбюро с фабрично-заводскими и местными комитетами, совещаний организаторов по работе среди женщин и молодежи, отчеты о работе райпрофбюро // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1292. – Оп. 1. – Д. 23.

198. Протько, Т.С. В борьбе за трезвость: Страницы истории / Т.С. Протько; под ред. М.О. Бича. – Минск: Наука и техника, 1988. – 165 с.

199. Протько, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протько. – Минск: Тесей, 2002. – 688 с.

200. Пурышева, Н.М. Основные направления антирелигиозной пропаганды в БССР в 1920-е гг. / Н.М. Пурышева // Религия и общество – 3: Актуальные проблемы современного религиоведения: сб. науч. тр. / СГУ им. А.А. Кулешова; под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев, 2008. – С. 40–42.

201. Пушкін, І.А. Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцці (20-я гг. XX ст.) / І.А. Пушкін ; навук. рэд. М.П. Касцюк. – Магілёў : МДУ імя А. Куляшова, 2004. – 168 с.

202. Пячонка, П. Будзем Савецкую краіну! Кастрычнік нам даў палітычныя правы // Чырвоная змена. – 1927. – 7 лістапада. – С. 11.

203. Работа агитпропотдела ЦК КП(б)Б: из отчета ЦК КП(б)Б (январь 1925 г.) // Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918–1928: в 2-х ч. / сост. Н.С. Сташкевич [и др.] – Минск: Беларусь, 1990. Ч. 1: 1918–1928. – С. 148–158.

204. Рабочая молодежь Белоруссии: численность, состав, быт, условия труда и физическое состояние (по материалам медико-санитарного обследования 1925 г.) / С.Р. Дихтяр, Б.Я. Смулевич, Д.Л. Эйнгорн. – Минск : Бел.мед. думка, 1926. – 156 с.

205. Раков, А.А. Население БССР / А.А. Раков. – Минск: Наука и техника, 1969. – 224 с.

206. Раманава, І.М. Рабочыя факультэты ў БССР у 20-я гады / І.М. Раманава // Адукацыя і выхаванне. – 1998. – № 8. – С. 111–118.

207. Раманава, І.М. Падрыхтоўка кваліфікаваных кадраў у БССР у 20-я гады / І.М. Раманава // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер.гуманітарных навук. – 2000. – № 3. – С. 59–65.

208. Распоряжения, приказы и циркуляры Наркомата просвещения БССР, Главполитпросвета БССР и уездного отдела народного образования (1920-1922 г.) // Государственный архив Минской области. – Ф. 323. – Оп. 1. – Д. 154.

209. Ратнер, С.И. Состояние здоровья родившихся в 1903 г. в Слуцком округе по данным осмотра призывных комиссий 1925 г. / С.И. Ратнер // Беларуская медычная думка. – 1926. – № 12–13. – С. 23–31.

210. Ратнер, С.И. Состояние здоровья родившихся в 1904 г. в Слуцком округе. По данным осмотра призывными комиссиями 1926 г. / С.И. Ратнер // Беларуская медычная думка. – 1928. – № 1. – С. 56–76.

211. Резолюции и постановления партийных органов по антирелигиозной работе (март 1926– апрель 1927г.) // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 1.

212. Резолюция 2-й беспартийной конференции еврейской рабочей молодежи г. Могилева // Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Ф. 6674. – Оп. 1а. – Д. 187.

213. Резолюция II Всебелорусского съезда Советов по докладу о народном просвещении // Народное образование в БССР : сб. док. и материалов : в 2 т. / сост. Р.С. Васильева, Э.Л. Козловская [и др.]. – Минск : Народная асвета, 1979. – Т. 1 : 1917–1928. – С. 183–189.

214. Родионов, В.А. Теория и политика советского государства и общества в отношении молодого поколения и юношеского движения: 1917–1940 : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук : 23.00.01 / В.А. Родионов ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1998. – 48 с.

215. Родионов, И.Н. Государственная молодежная политика: сущность, этапы, основные тенденции: 1980-1993 гг. (На примере СССР и Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01; 22.00.05 / И.Н. Родионов ; Моск. гос. открытый пед. ин-т. – М., 1994. – 20 с.

216. Рожков, А.Ю. Молодой человек Советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / А.Ю. Рожков; Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств. – Краснодар, 2003. – 43 с.

217. Рожков, А.Ю. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение / А.Ю. Рожков // Социс. – 1999. – № 7. – С. 107–114.

218. Рубільнік. Некаторыя даныя аб культуры і быце калгасаў БССР / Рубільнік. – Мінск : Бел. акад. навук, 1931. – 41 с.

219. Русакович, М.Н. Проблемы социальной защиты молодежи в условиях формирования рыночных отношений (на материалах Могилевской области) : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / М.Н. Русакович. – Минск, 1996. – 115 л.

220. Савельлеў, А.В. Культурнасць сучаснае вёскі / А.В. Савельлеў // Камуністычнае выхаванне. – 1930. – № 5. – С. 67–77.

221. Савельлеў, А.В. Культурнасць сучаснае вёскі / А.В. Савельлеў // Камуністычнае выхаванне. – 1930. – № 6. – С. 30–50.
222. Сагалович, А. Комсомолец в еврейской семье / А. Сагалович // Чырвоная змена. – 1925. – 26 марта. – С. 3.
223. Сакалова, М. Легальныя грамадскія арганізацыі Беларусі ў 70-90-я гг. XIX ст. / М. Сакалова // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 3. – с. 29–32.
224. Сакалоў, М.М. Грамадскія арганізацыі студэнцтва Беларусі 1920-х гг. / М.М. Сакалоў // Весці Бел. дзярж. пед. ун-та. – 2002. – № 3. – С. 181–188.
225. Сакалоў, М.М. Матэрыяльнае становішча студэнцтва Беларусі ў першай палове 20-х гг. XX ст. / М.М. Сакалоў // Весці Бел. дзярж. пед. ун-та. – 2002. – № 2. – С. 132–138.
226. Самцэвіч, В. Як і чым жыве наша вучнёўская моладзь / В. Самцэвіч // Асвеца. – 1928. – № 2. – С. 50–56.
227. Сведения о количестве религиозных общин и молитвенных домов // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 13.
228. Сводки о составе исключенных из Могилевской окружной организации ЛКСМБ за 1926 г. // Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Ф. 6675. – Оп. 1. – Д. 152.
229. Секретная переписка Витокружкама. 1926 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 10137. – Оп. 1. – Д. 162.
230. Секретная переписка с ГПУ (1925–1926 гг.) // Государственный архив Минской области. – Ф. 428. – Оп. 1. – Д. 96.
231. Секретный отдел ЦК КП(б)Б. Справки, докладные записки, сведения и другие материалы об экономическом состоянии Белоруссии и укреплении погранполосы. 1925-1931 гг. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 2514.
232. Семашко, Н.А. Борьба с неряшеством / Н.А. Семашко // Заря Запада. – 1926. – 28 июля. – С. 1.
233. Семашко, Н.А. Цветы жизни / Н.А. Семашко // Заря Запада. – 1926. – 25 июля. – С. 1.
234. Сидорцов, В.Н. Государственная деятельность рабочего класса БССР (1921 – 1937) / В.Н. Сидорцов ; под общ.ред. М.П. Квочкина. – Минск : БГУ им. В.И. Ленина, 1978. – 128 с.
235. Сионизм и борьба с ним. Из инструктивно-информационного письма Евбюро ЦК КП(б)Б секретарям окружкомов и окревбюро, январь 1926 г. // Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918-1928:

в 2-х ч. / Сост. Н.С. Сташкевич [и др.] – Минск: Беларусь, 1990. Ч. 1: 1918-1928. – С. 214–219.

236. Сквозь вихри грозные / Анапчук И.Д. [и др.]; ред. А. Кукевич. – Минск : Беларусь, 1968. – 152 с.

237. Скробов, А. П. О некоторых подходах к молодежной политике в условиях реформ / А.П. Скробов // Социально-политический журнал. – 1998. – № 3. – С. 129–140.

238. Смілавіцкі, Л. З гісторыі чысткі навучальных устаноў Беларусі ў 1924 г. / Л. Смілавіцкі // Народная асвета. – 1992. – № 12. – С. 70–72.

239. Соколов, В.И. Из истории молодежного движения в России (1900- 1926 гг.) / В.И. Соколов // Социс. – 1996. – № 12. – С. 122–125.

240. Соколов, М.Н. Студенчество высшей школы Беларуси 20-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М.Н. Соколов ; Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2002. – 23 с.

241. Соколов, М.Н. Студенчество высшей школы Беларуси 20-х годов XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.Н.Соколов – Минск, 2002. – 121 л.

242. Соколова, М.А. Общественные объединения и движения как факторы формирования гражданского общества в Беларуси: конец XVIII–нач. XX в. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.А. Соколова. – Минск, 2000. – 120 л.

243. Соловьянов, А.П. Некоторые аспекты деятельности общества «Друг детей» в Беларуси в 1920-е гг. / А.П. Соловьянов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 1. – С. 16–21.

244. Справки политотдела о состоявшихся пленумах Полоцкого и Борисовского окружкомов КП(б)Б. 26 сентября– 22 октября 1926 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 2592.

245. Сталін, І.В. Аб моладзі / І.В. Сталін. – Мінск : Дзярж. выд-ва пры СНК БССР. – 1941. – 127 с.

246. Статистический ежегодник / БССР / Центр.стат. управление. – Минск : ЦСУ БССР, 1925. – 423 с.

247. Статистический ежегодник / БССР / Центр.стат. управление. – Минск : ЦСУ БССР, 1928. – 527 с.

248. Сташкевіч, М. Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г.) / М. Сташкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 3. – С. 18-23.

249. Стенограмма и материалы 2-го и 3-го съездов КСМ Белоруссии. 20 апреля – сентябрь 1921 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 1. – Оп. 10. – Д. 340. – Л. 29.

250. Стенографический отчет 3-й сессии ЦИК БССР, 1924. – Минск : 1924. – 126 с.

251. Стенографический отчет VII Всебелорусского съезда Советов, 1925. – Минск : ЦИК БССР, 1925. – 304 с.

252. Сэкрэтная перапіска // Государственный архив Витебской области. – Ф. 10137. – Оп. 1. – Д. 29.

253. Там, где стерлось лицо комсомола (Витебский художественный техникум) // Заря Запада. – 1928. – 19 сент. – С. 2.

254. Тезисы по антирелигиозной пропаганде, принятые агитпроповещанием при АПО ЦК КП(б)Б, 29 августа 1927 г. // Перед крутым поворотом: тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): отражение времени в архивных документах / авт.-сост. : Р.П. Платонов [и др.] : под ред. Р.П. Платонова. – Минск : БелНИИДАД, 2001. – С. 252–263.

255. Товарищ комсомол : документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ : в 2 т. - М. : Молодая гвардия, 1969. – Т. 1: 1928 – 1941. – 608 с.

256. Троцкий, Л.Д. Новый курс / Л.Д. Троцкий // К истории русской революции. - М. : Политиздат, 1990. – С. 164–197.

257. Тэмский. Проверяем меткость глаз (стрелковые соревнования) // Заря Запада. – 1927. – 19 июля. – С. 4.

258. Улашчык, М. Нататкі пра бадзяньні у 1924–1929 гады / М. Улашчык // Маладосць. – 1999. – № 11. – с. 180–214.

259. Устав общества содействия нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей «Маяк» // Молодежное движение России в документах (1905-1938 гг.) / ред.-сост. П. Деркаченко. – М. : ОМП-пресс, 2000. – С. 40-45.

260. Фурс, М. Становішча і бліжэйшыя перспектывы разьвіцця акушэрства і гінэколёгіі у БССР / М. Фурс // Беларуская медычная думка. – 1929. – № 5-8. – С. 23–34.

261. Хворыя пытанні вясковых ячэек // Чырвоная змена. – 1925 г. – 28 чэрвеня. – С. 6.

262. Хубулова, Э.В. Формирование молодого поколения Северной Осетии в условиях трансформирующегося общества 1920-х гг. Исторический опыт : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Э.В. Хубулова ; Се-

веро-Осетинский гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2005. – 21 с.

263. Циркуляр Народного Комиссариата Внутренних Дел БССР. Об оказании большего внимания и помощи избам-читальням и другим политико-просветительным учреждениям // Бюллетень СНК. – 1925. – № 5.

264. Циркулярное письмо ЦК РКСМ о некоммунистических организациях молодежи от 16 февраля 1922 г. (Секретно) // Молодежное движение России в документах (1905-1938 гг.) / Ред.-сост. П. Деркаченко. – М. : ОМП-пресс, 2000. – С. 97–101.

265. Циркуляры Витебского окружного общества «Осоавиахим» о работе ячеек общества при местном частных предприятий // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1170. – Оп. 1. – Д. 17.

266. Циркуляры ЦК КПБ и ЦК РКП (ноябрь 1924 – декабрь 1925 г.) // Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 78.

267. ЦК КП(б)Б. Информационные сводки информотдела и советских органов о политическом настроении населения и проведении хозяйственных кампаний (19 февраля 1929 г. – 16 февраля 1930 г.) // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 4365.

268. ЦК КП(б)Б. Отдел культуры и пропаганды. Бюллетень заграничной информации, об искривлениях, допущенных в церковных вопросах по БССР, списки, переписка с Белорусской Академией наук (июнь-декабрь 1930 г.) // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 5030.

269. ЦК ЛКСМБ. Сводки о ходе обсуждения тезисов ЦК ВКП(б)Б к XV партсъезду и результаты голосования по вопросу об исключении Троцкого и Зиновьева из ВКП(б) // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 63. – Оп. 2. – Д. 307.

270. Чикалова, И.Р. И. Арманд и А. Коллонтай: феминизм, коммунизм и женский вопрос в послереволюционной России / И.Р. Чикалова // Женщины в истории: возможность быть увиденными : сб. науч. ст. / гл. ред. И.Р. Чикалова. – Минск : БГПУ, 2002. – Вып. 2. – С. 241–250.

271. Чыстка студэнцтва / Савецкая Беларусь. – 1924. – 24 ліп. – С. 2.

272. Шаўчук, І.І. Студэнты-гуманітары БССР (1920-1930-я гг.): сацыяльна-дэмаграфічны агляд / І.І. Шаўчук // Весці БДПУ. – 2007. – № 3. – Серыя 2. – С. 12–17.

273. Шкляр, М.Е. Камсамол Беларусіў перыяд аднаўлення народнай гаспадаркі (1921–1925 гг.) / М.Е. Шкляр. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР. – 1958. – 32 с.

274. Яковчук, В.Н. Теоретико-методологические проблемы социальной молодежной политики Беларуси : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / В.Н. Яковчук ; Бел. дзярж. ун-т. – Минск, 1995. – 19 с.

275. Якубовский. Интернациональное воспитание физкультурников / Якубовский // Заря Запада. – 1929. – 16 мая. – С. 3.

Научное издание

Мусина Надежда Евгеньевна

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА
В БССР В 1920-Е ГОДЫ**

Монография

Редактор Н.Е. Мусина
Технический редактор И.А. Борисов
Компьютерная вёрстка Н.Е. Мусина
Корректор Н.Е. Мусина

Подписано в печать Формат 64×84 /16.
Бумага типографская № 2. Ризография. Усл. печ. л.
Уч.-изд. л. Тираж экз. Заказ
Издатель и полиграфическое исполнение УО «Витебский государственный
медицинский университет»
ЛП № 02330/453 от 30.12.2013
пр-т Фрунзе 27, 210602, г. Витебск